

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2017

№ 1

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

*Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»*

Учредитель – Томский государственный университет

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США

Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия

де Грааф Тьсерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, университет Хельсинки, Финляндия

Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь

Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@gmail.com

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larisa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Dybo, Anna, *The Institute of Linguistics, RAS, Russia*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Helsinki, Finland*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторская колонка. И вновь о «качественных журналах» и национальных рейтингах (Д.А. Функ)	6
--	---

Тамке М. Западно-восточная идентичность: пример Генри фон Гейзелера (перевод с немецкого И.А. Кочева)	12
---	----

«МЫ – НЕ ОНИ. ОНИ НЕМЫ?»: (РЕ)КОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Игнатъев Р.Н. Новые «сказки Европы», рассказанные российскими антропологами	23
Кожановский А.Н. Испанские традиционные праздники рубежа XX–XXI вв. как арена культурно-ценностного противостояния	26
Кучерова И.А. По стопам Эгиля: <i>шест нид</i> в современной Исландии (вторая половина XX – начало XXI в.)	52
Холлер Е.В. Функциональность стереотипа в процессе построения идентичности: австрийский кейс	74

МИГРАНТЫ И ОСВОЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Дятлов В.И. Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции?	99
Григоричев К.В. «Полугородские фермеры» и «китайцы-огородники»: постколхозная рента в неформальной экономике пригорода	119
Брызгина Д.Е. «Китайские» рынки и городские мобильности: система общественного транспорта в повседневности города (на примере Иркутска)	138
Тимошкин Д.О. «Помогу за коньячок»: неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска	149
Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска)	166

РЕЦЕНЗИИ

Дятлов В.И., Григоричев К.В. (ред.) Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с. ISBN 978-5-9624-1321-1 (З. Шмыг)	193
Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / Отв. ред. А.П. Скорик; Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М.И. Платова. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с. ISBN 978-5-906758-77-4 (В.В. Кулачков)	198

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	202
---------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	206
------------------------------	-----

CONTENTS

Editor's note. One more word about 'good journals' and national rankings (D.A. Funk)	6
--	---

Tamke M. West-East identity: the case of Henry von Heiseler (<i>translated from German by I.A. Kochev</i>)	12
--	----

'WE ARE NOT THEM. THEY ARE NOT (U)N(S)ILENT?': (RE)CONSTRUCTION OF CULTURAL OPPOSITIONS IN CONTEMPORARY EUROPE

Ignatiev R.N. New 'fairy tales of Europe' told by Russian anthropologists	23
Kozhanovskiy A.N. Traditional celebrations in Spain at the turn of the 20 th –21 st centuries as an arena for cultural and value confrontation	26
Kucherova I.A. Following Egill: the níðstöng in contemporary Iceland (the second half of the 20 th to the early 21 st centuries)	52
Holler E.V. Functional usefulness of stereotype in the construction of identity: the case of Austria	74

MIGRANTS AND THE EXPLORATION OF URBAN SPACE

Dyatlov V.I. Post-soviet open-air markets: a new phenomenon or continuation of tradition?	99
Grigoriev K.V. 'Semi-urban farmers' and 'Chinese gardeners': post-kolkhoz rent in suburban informal economy	119
Bryazgina D.E. 'Chinese' markets and urban mobilities: public transport system in everyday life in the city (the case of Irkutsk)	138
Timoshkin D.O. 'Give me some cognac and I'll help you': informal practices of land use in the suburbs of Irkutsk	149
Nam I.V., Karageorgij E.M., Ermolova A.I., Nikitina E.V. The image of labour migrants constructed by the mass media: the case of Tomsk	166

BOOK REVIEWS

Review of Dyatlov V.I., Grigoriev K.V. (eds.) <i>Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi</i> [Ethnic markets in Russia: a bargaining space and a meeting point]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. 343 p. ISBN 978-5-9624-1321-1 (by Z. Szmyt)	193
---	-----

Review of Bagdasarian S.D. <i>Byt, trud i sem'ia krest'ian epokhi nepa: istoricheskaja povsednevnost' iuzhno-rossiiskoi derevni v 1920-e gody</i> [The peasant way of life, labour, and families in the course of the implementation of New Economic Policy (NEP): the everyday life in South Russian villages in the 1920s: a monograph]. Ed. by A.P. Skorik; luzh.-Ros. gos. politekhn. un-t (NPI) im. M.I. Platova. Novocherkassk: Lik, 2015. 312 p. ISBN 978-5-906758-77-4 (by V.V. Kulachkov)	198
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	202
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	206
--------------------------------------	-----

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

DOI: 10.17223/2312461X/15/1

И ВНОВЬ О «КАЧЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛАХ» И НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕЙТИНГАХ

И от коллег в частных беседах, и в научных публикациях, и на рабочих совещаниях в ряде вузов и институтов, и в сообщениях СМИ об очередных нововведениях в системе оценки качества научной работы с нарастающей регулярностью уже не первый год я слышу и читаю одно и то же: «нас» неправильно оценивают, поскольку все «их» базы – на английском языке (как вариант – потому что «их» базы принадлежат частным компаниям, которые заинтересованы в «продвижении» лишь своего продукта), «нас» не печатают, потому что «они» к «нам» предвзято относятся, и, как апофеоз, «нам» нужны свои собственные базы и системы оценки... Неспособность бороться на равных при очевидной необходимости доказывать свою значимость хотя бы в местной системе координат (чтобы не сократили тебя или твой отдел / институт, чтобы платили надбавки за результативность, чтобы давали хотя бы местные гранты и т.п.) вполне может привести к решению наболевших проблем путем засовывания головы в песок.

Кажется, самым свежим по времени предложением сделать российскую науку «особенной» (точнее было бы сказать, не сделать, а оставить ее таковой) стала идея разработки национальной системы оценки научных работ, которая «будет основана на публикациях в 30 ведущих российских журналах» (Аптекарь, Сеницын 2016). Не буду рефлексировать по поводу возникающих ассоциаций в связи с числом 30. Пустое это. В конце концов, цену в идеальной экономической модели всегда определяли спрос и предложение. Попробую обратиться к логике ситуации и цифр в лишь одной из областей научного знания, в антропологии (в той самой, которую все чаще сейчас называют социокультурной антропологией).

В одной из лидирующих мировых таблиц о рангах, в базе Scopus, по данным на рубеж 2016/17 гг., индексировалось 289 антропологических журналов¹. Российских из них всего два (или, может быть, три-четыре с учетом уже включенных в базу, но еще не индексированных).

Все журналы в этой базе поделены на 4 квартиля: «лучшие» входят в первый и второй, а те, что «похуже», – в третий и четвертый. Казалось бы, все просто. Если вы как автор заинтересованы в том, чтобы напечататься в журнале, публикации в котором в среднем гораздо чаще

цитируются (то есть востребованы мировым научным сообществом), а это, понятно, журналы из верхней части списка, то в них-то и следует отправлять свои работы. Но не все так просто. Без представления об академическом контексте в целом и о специфике журнала в частности рейтинг сам по себе не является надежным показателем качества журнала (Функ 2016: 16).

Если вы специализируетесь на североазиатских (или северных циркумполярных) материалах, то в какие журналы вы, в первую очередь, писали бы? Нет, неправильный вопрос. Задача ведь не в том, чтобы «опубликоваться», а в том, чтобы и журнал был максимально близким по тематике, и читали этот журнал те, на кого вы рассчитываете как на читателей, и чтобы это был, наконец, хороший² журнал. Поскольку нельзя писать просто про «Северную Азию», это, скорее всего, будет что-то более частное – и регионально, и тематически, соответственно, список возможных площадок для обнародования ваших результатов будет каким-то особенным.

Попробуем разобраться в ситуации на паре примеров.

Допустим, вы написали статью о возможностях электронного корпуса в работе с эпическими текстами. Причем не просто эпическими текстами, а с записями у одной из южносибирских этнических групп (это Северная Азия или просто Азия). Куда можно было бы дать такую статью? В базе Scopus³ из числа журналов, не ограниченных регионально, есть издаваемый в Эстонии журнал *Folklore* (Q2, anthropology), *Folklore* – в Великобритании (Q1, cultural studies) и *Journal of Folklore Research* – в США (Q1, cultural studies), но также есть выходящий в Японии журнал *Asian Ethnology* (раньше он назывался *Asian Folklore*, Q3, anthropology; Q2, cultural studies), и, может быть, имело бы смысл подумать также об *Asian Ethnicity*, который выходит сейчас в издательстве Taylor&Francis (Q1, cultural studies). Всё это очень приличные журналы с историей и мировым признанием. Но если вы вполне отдаёте себе отчет в том, что научный мир не определяется лишь рейтингами журналов, значимыми для вас могут быть и, скажем, «просто» всемирно известные научные школы. А что может быть более известным, если мы ведем речь об эпическом творчестве, чем Центр исследования устной традиции (Center for Studies in Oral Tradition) при университете Миссури?! Журнал этого Центра, *Oral Tradition*, не входит ни в Web of Science, ни в Scopus, но от этого не перестает быть всемирно признанной академической площадкой для публикаций в данной области знаний. Может быть, именно в нем и надо опубликовать свою работу?

Обратимся к другому примеру. Представьте, что Вы написали статью об изменяющихся паттернах культуры индигенного населения где-нибудь на Севере в условиях безудержного освоения энергетических ресурсов территории. Сколько здесь в итоге может быть площадок для

обсуждения анализируемых вами проблем? Это и циркумполярный Север / Арктика, и Азия, и Сибирь, и антропология миграции, и прикладная антропология (в той ее части, что занимается оценкой социального воздействия управленческих решений). Мне в первую очередь приходят на ум такие журналы, как *Arctic Anthropology* (Q1, cultural studies; Q2, anthropology), *Acta Borealia* (Q2, cultural studies и history; Q3, anthropology), *Nomadic Peoples* (Q3, demography), но также и не индексируемые пока в Scopus (хотя уже включенные в эту базу) *Sibirica*⁴ и *Сибирские исторические исследования*. Но ведь это вполне может быть и один из десятка журналов, рассматривающих исключительно проблемы миграции: американские *International Migration Review* (Q1, arts & humanities и demography) и *Migration World* (Q3, demography), британские *Journal of Ethnic and Migration Studies* (Q1, arts & humanities и demography), *International Migration* (Q2, demography), *Migration Letters* (Q3, demography) и др. И это вполне может быть некий общий «этнографический» журнал, мотивы публикации в котором могут порой и не быть напрямую связаны с тем, что вы изначально хотели получить на выходе. А что, если эта статья может оказаться важной в одной из европейских стран (стран бывшего соцлагеря), в которой практическая роль этнографии / антропологии совсем (или почти) не берется в расчет не только теми, кто принимает «ответственные» решения в области науки и образования, но зачастую и самими исследователями? Публикация подобной статьи в журнале, издаваемом и читаемом в первую очередь именно в этой стране, была бы важна с точки зрения демонстрации прикладных возможностей нашей дисциплины. Сузило бы это целевую аудиторию? Наверняка да (журнал входит в Scopus, но находится близко к концу 4-го квартиля, да к тому же издается отнюдь не на самом распространенном в Европе языке). Но был бы шанс помочь коллегам в их нелегкой борьбе за статус своей дисциплины? Тоже ответ «да». В данном случае «прикладная антропология» оказалась бы таковой в квадрате.

Сложность ситуации с публикациями в гуманитарных и социальных науках добавляет ограниченность списка отечественных журналов, в которых можно печататься (если ориентироваться на качество изданий) и в которых есть смысл печататься (если думать о том, кто из коллег сможет затем прочитать твой текст). Для антропологии это особо актуально, поскольку не менее 90% современной научной продукции в этой области знания выходит именно на английском языке. Если мы говорим о журнальных публикациях, то это будут в основном публикации в тех самых, повторюсь, 289 журналах в скопусовской таблице о рангах, издаваемых в 41 стране мира: 92 из них выходят в США, 70 – в Великобритании, 17 – в Нидерландах, 11 – во Франции, 10 – в Германии, 9 – в Австралии, 7 – в Испании, по 5 – в Италии и Словении, по 4 – в Польше и Японии, по 3 – в Бразилии, Венгрии, Индии, Канаде, Фин-

ляндии, Хорватии, Чехии, Чили и ЮАР, а далее – по убывающей. Подавляющее большинство этих изданий публикует тексты либо исключительно на английском языке, либо и на английском тоже (за редким исключением в случаях с изданиями на романских, славянских и некоторых иных языках).

Можно долго рассуждать о том, чем хороши или плохи те или иные «национальные» (или интернациональные) версии журнальных изданий, но в случае с отечественными лично для меня главными минусами остаются по-прежнему тесная связь журнала с организацией, на базе которой он готовится и издается, что позволяет оказывать административное давление при принятии решений о публикации того или иного текста, и отсутствие системы стороннего (желательно двойного анонимного, *double blind peer review*) рецензирования всех поступающих текстов. Но даже это не главное. В подавляющем большинстве отечественных журналов мы не обнаружим в статьях ни грамотной формулировки исследовательского вопроса, ни знания мирового дискурса по заявленной к рассмотрению проблеме, ни умения качественно собирать материал в поле (если мы говорим об антропологии) и не менее качественно представлять и (доказательно) анализировать его. Собственно говоря, даже язык «нашей» антропологии / этнологии в подавляющем большинстве случаев не имеет отношения к языку современной антропологии, поскольку использует безнадежно бездоказательные концепты (среди них и этнос, и этнологическая экспертиза, и этносоциология, и вся риторика вокруг сохранения «традиционных культур», «развития» и многое иное). Недавно двое моих коллег со ссылкой на безымянного редактора одного из академических журналов сформулировали проблему русскоязычных авторов так: “it seems that “these people cannot write”” (Ventsel, Struchkova 2016: 121). Обидно. Но, по большому счету, это довольно точно отражает сегодняшнюю ситуацию в отечественной антропологии (а по моим наблюдениям, не только в ней одной).

Как в такой ситуации можно и – главное – зачем нужно разрабатывать национальную систему оценки научных работ, основанную «на публикациях в 30 ведущих российских журналах», остается загадкой. Попытка административного (сверху) решения вопроса о качестве научных изданий, а тем более о создании списка таких журналов не обязательно обречена на (административный) провал. Как показывает практика администрирования, можно и критерии придумать, и списки составить. Но вот поможет ли такое «решение» российской науке?

Речь, разумеется, не идет об отказе от создания отечественных баз журналов и поддержки отечественных журналов, которые смогут на равных конкурировать с лидерами в данной области. И не об отказе от использования родных национальных языков для выражения научной мысли. Отнюдь нет. Важно лишь, чтобы «наши» критерии оценок жур-

налов и «наши» критерии оценки научного качества текстов не основывались лишь на «нашем» видении ситуации и чтобы они были хотя бы не хуже, чем те, что уже приняты в научном мире.

* * *

Предлагаемый вниманию читателей номер открывает историческое расследование нашего немецкого коллеги Мартина Тамке, который на примере биографии поэта и аристократа Генри фон Гейзелера размышляет об идентичности, выходящей за рамки двойного гражданства или билингвальности. Европейская тема продолжается в статьях специальной темы номера, подготовленной Р.Н. Игнатьевым, в которой анализируются феномены (ре)конструкции культурных оппозиций на примере традиционных праздников в Испании, шестов *нида* в Исландии, а также роли стереотипа в процессе построения идентичности в Австрии. Еще одна специальная тема номера представлена статьями сибирских авторов, работающих на стыке антропологии миграций и экономической антропологии. В их текстах проанализирован целый ряд иркутских и томских сюжетов из области неформальных экономических практик пригорода, мобильности, складывания и функционирования образа трудовых мигрантов. Завершается номер, как это уже стало традиционным для журнала, блоком рецензий на новые книги.

Уверен, знакомство с публикуемыми текстами окажется интересным и плодотворным в плане дальнейших размышлений на затрагиваемые авторами темы.

Примечания

¹ Полностью антропологических или с известной долей антропологических статей, что позволяло индексировать эти журналы в том числе и по разделу «антропология».

² Есть разные критерии качества журналов: от простого набора требований, как, например, в базе ERIH PLUS (подробнее см.: Функ 2016: 9–10), до десятков формальных критериев вкупе с экспертными оценками, как это практикуется в базах Web of Science или Scopus. Для себя я уже довольно давно определился с такими критериями. По сути, главным является лишь один – качество публикуемых научных текстов. К этому параметру я вернусь чуть ниже в этой заметке.

³ Указание на включенность в базу Scopus не означает, что тот или иной из называемых в этом тексте журналов не индексируется в других базах (например, эстонский *Folklore* входит в Web of Science).

⁴ Недавно этот журнал был включен в Emerging Sources Citation Index базы Web of Science.

Литература

- Аптекарь П., Синицын А.* От редакции: Наука по-русски // Вестник. 2016. № 4169. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/09/27/658593-nauka-otechestvennoi> (дата обращения: 15.01.2017).
- Функ Д.А.* Наукометрия в оценке качества публикаций в социальных и гуманитарных науках // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 8–26. DOI: 10.17223/2312461X/11/2
- Ventsel A., Struchkova N.* Can We Talk About Post-Soviet Science? // Folklore. 2016/01. Vol. 63, P. 121–126. URL: <http://dx.doi.org/10.7592/FEJF2016.63.discussion> (дата обращения: 15.01.2017).

Д.А. Функ

References

- Aptekar' P., Sinityn A. Ot redaktsii: Nauka po-russki [From the editorial board: the Russian way of doing science], *Vedomosti*, no. 4169, 27 September 2016. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/09/27/658593-nauka-otechestvennoi> (Accessed 15 January 2017).
- Funk D.A. Naukometriia v otsenke kachestva publikatsii v sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Scientometrics and evaluation of publications in social sciences and humanities], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 8–26. DOI: 10.17223/2312461X/11/2
- Ventsel A., Struchkova N. Can We Talk About Post-Soviet Science?, *Folklore*, Vol. 63, 2016/01, pp. 121–126. Available at: <http://dx.doi.org/10.7592/FEJF2016.63.discussion> (Accessed 15 January 2017).

УДК 316.42

DOI: 10.17223/2312461X/15/2

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРИМЕР ГЕНРИ ФОН ГЕЙЗЕЛЕРА

Мартин Тамке

Аннотация. Статья затрагивает вопрос о возможности существования двойной идентичности на стыке разных цивилизаций и, в частности, западно-восточной идентичности, выходящей за рамки двойного гражданства, или билингвальности – идентичности, основанной на подлинной интеграции двух разных ментальностей и духовных традиций. На примере личности российско-немецкого поэта Генри фон Гейзелера автор показывает, что Восток и Запад не исключают друг друга, а могут гармонично ужиться в одном человеке и формировать единую культурную идентичность. На основе анализа личной переписки Г. фон Гейзелера с друзьями и близкими и воспоминаний автор прослеживает трансформацию идентичности поэта от российско-немецкой к немецкой и обратно к российско-немецкой и анализирует переживания поэта, связанные с необходимостью сложного выбора между российской и немецкой идентичностью, перед которым его ставили жизненные обстоятельства: Первая мировая война и Октябрьская революция. Особое внимание уделено проблеме духовного поиска людей, странствующих между мирами, и примиряющему потенциалу религии.

Ключевые слова: Гейзелер, Запад, Восток, идентичность, религия, российские немцы

Введение

Существует ли западно-восточная идентичность? Тот, кто интересуется вопросами двойной идентичности между Востоком и Западом, в случае России наверняка подумает о ее проявлениях в форме евразийства, которое осознанно определяет свою идентичность как одновременную принадлежность к Азии и Европе. Также можно вспомнить о Турции, религиозный габитус которой и сегодня в значительной степени находится во власти Востока, хотя ее культурная идентичность обнаруживает сильно европеизированные черты.

Однако вопрос о западно-восточной идентичности всегда возникал и в том случае, когда люди не были уверены в своей принадлежности к той или иной общности. Причины таких затруднений во многом были связаны с биографией этих людей. Одним из известнейших примеров в Германии считается Александр Шморель, сын врача из числа российских немцев. После Октябрьской революции его отец переселился в

Мюнхен, а за воспитание сына Александра отвечала русская служанка, которая переехала вслед за семьей в Германию и служила в семье Шморелей до самой своей смерти (Chramow 2013, 2005; Fernbach 2013; Moll 2011; Selg 2013). В студенческие годы Александр Шморель вместе с братом и сестрой Шолль принимал активное участие в «Белой розе», небольшой студенческой группе сопротивления Гитлеру. Будучи солдатом на восточном фронте Шморель со своими друзьями Шоллями и Вилли Графом перешел на сторону русских. Общаясь с солдатами вражеской армии, он пытался показать своим друзьям, что враг имеет человеческий облик. Важно отметить, что Шморель воспитывался в православной традиции, с которой его познакомила русская няня, о чем свидетельствуют его последние письма семье перед казнью. Сегодня Русская православная церковь стремится причислить его к лику святых как мученика нацистского режима в Германии.

Шморель покинул Россию еще ребенком, в то время как многие другие переезжали из России в Германию будучи взрослыми людьми, оставляя работу. В первую очередь это были миллионы россиян, которые образовывали в Берлине, Праге и Париже центры русской эмиграции с собственными газетами, издательствами, институтами и учебными заведениями. К одному из таких берлинских центров принадлежала, например, семья Набоковых. Уезжали тогда из России в Германию тысячи российских немцев. И каждый раз перед этими людьми вставал вопрос: означает ли вынужденная политическая эмиграция в Германию также отказ от русской культуры; в какой степени они чувствуют свою привязанность к немецкой культуре или даже к обеим культурам?

На примере поэта и аристократа Генри фон Гейзелера можно проследить, как Восток и Запад могли быть частью одной души и какой потенциал для примирения народов заключали в себе эти люди.

Путешествующий между мирами

Генри фон Гейзелер родился 23 декабря 1875 г. в Санкт-Петербурге и был старшим из пятерых детей знатной семьи российских немцев¹. Как и большинство российских немцев, он вырос в лютеранской традиции, что подтверждается его конфирмацией в петербургской Церкви Святой Екатерины (Fleiss 1970: 10)². Сначала он обучался на дому, затем учился в частной гимназии; в 1894 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Его обучение оборвалось в связи с призывом в армию в 1896 г. Получив через год звание русского офицера, Гейзелер лишь на короткое время продолжил обучение в Санкт-Петербурге. В 1898 г. он в качестве личного секретаря Карла Тимеса, основателя Мюнхенского общества перестрахования, переехал в Мюнхен и женился на его дочери Эми. Цере-

мония бракосочетания состоялась 23 июля 1899 г. в замке Вайсенштайн под Линцем, проводил ее прусский придворный священник Адольф Штёкер. В апреле 1905 г. Генри фон Гейзелер приобрел сельский дом под Бранненбургом на реке Инн³. Таким образом, Германия стала для него такой же родиной, как и Россия.

Зимой 1901/1902 гг. он впервые встретил Стефана Георге, который сразу же оказал на него большое влияние. Георге был ведущим поэтом так называемой «народной литературы». Тогда же Гейзелер вошел в круг немецких литераторов, художников и мыслителей. При этом он навсегда остался странником между Россией и Германией. Посвятив себя в дальнейшем театру, он считал, что немецкий театр сильно уступает русскому. По его мнению, концертная жизнь Петербурга «очень развита», и у нее «абсолютно нет той коммерческой атмосферы, что в Берлине» (von Heiselers 1969: 66). При этом он продолжал добросовестно относиться к своим обязанностям офицера запаса.

Гейзелер часто и подолгу, порой месяцами, гостил у родителей в России. В очередной раз он задержался здесь в апреле 1914 г. в связи со смертью отца, и начало Первой мировой войны застало его врасплох и сделало невозможным возвращение в Германию. Отец никогда не понимал, почему Генри жил «по сути, за границей» и не одобрял двойную лояльность сына к двум культурам (Ibid.: 54). Для самого же Гейзелера его российское гражданство было больше, чем просто формальность.

От российско-немецкой к немецкой идентичности

Когда в начале войны 1914 г. Гейзелер был призван на военную службу (на стороне Российской империи), он должен был отправиться на Западный фронт и воевать против немцев. Однако во время перехода батальон был задержан для охраны железнодорожной линии Хельсингфорс–Лахти (Финляндия). Гейзелер командовал охраной вокзала Хельсингфорс, пока не был переведен в Выборгскую крепость, где обучал рекрутов; в марте 1915 г. он дослужился до коменданта. Его брат погиб, сам же он был переброшен на Северный фронт, но в итоге по состоянию здоровья был переведен в Вологду. Ему предстояло командовать охранной железнодорожных путей сообщения по линии Санкт-Петербург–Вологда–Архангельск. После революции 1917 г. он занимал руководящие должности в Красной армии и успешно действовал в борьбе против «белых» под Воткинском и Архангельском. Лишь после роспуска российского генштаба в 1921 г. он вернулся в родительский дом.

Если в начале войны, 18 августа 1914 г., Гейзелер беспечно, за чаем с русскими боевыми товарищами завоевывал «Германию по 3–4 раза на дню» (von Heiselers 1969: 98), то постепенно он терял всякое позитивное отношение к России как к своей родине. Во «всеобщем ужасе»

войны он видел только лишь «наше собственное безумие [our own madness]⁴ в действии» (von Heiselers 1969: 117).

Февральскую революцию в России он еще всецело поддерживал. «Я по-настоящему счастлив этой большой перемене... Какое чудо произошло за одну ночь! Вдруг разом стать свободным! ... Конечно, нам предстоит много работы, больше, чем раньше, но это ничего, ведь мы теперь знаем, что наш труд более не будет бессмысленным. Мы были первыми в этом городе, кто поддержал новое правительство, и за нами последовали все, и таким образом все прошло довольно гладко, без происшествий» (Ibid.: 125).

После Октябрьской революции он все глубже ощущал отчуждение: «Счастливы те люди, у которых получается считать великим время, в котором мы живем. Я не могу разглядеть «величия» – мне кажется, что благородный образ свободы выставили только для того, чтобы духовная чернь во всех ее проявлениях пришла и забрызгала его кровью и месяцами забрасывала грязью. И как пить дать, грязь задушит свободу, и виновата в этом отнюдь не та или иная партия, а всеобщая мелочность, подлость и ничтожность» (von Heiselers 1969: 132). Отчуждение от своей родины Гейзелер растворял в тоске по Германии и своей семье. Все его попытки получить разрешение на выезд из страны в декабре 1920 г. потерпели неудачу. «При первой же возможности я уеду в Германию, чтобы там окончательно оказаться “дома”. В душе я уже давно там», – писал Гейзелер своей супруге из Витебска (Ibid.: 145). Все более отчаянным становился его тон. 8 марта 1920 г., в день, когда его брат Бери умер на Юге России от сыпного тифа, он писал: «Это больше невыносимо» (Ibid.: 145).

Неделю спустя он назвал свою ситуацию «противоестественной и безумной» (von Heiselers 1969: 146). Еще через десять дней: «Я делаю все возможное, чтобы выдержать» (Ibid.: 146). Спустя еще несколько дней: «...чудо, что я продержался все эти годы, не став нервнобольным. Мне кажется, меня спасают только надежда и книги – если бы у меня их не было, я бы сошел с ума или покончил жизнь самоубийством» (Ibid.: 146–147)⁵. Чем бесперспективнее оказывалась его надежда получить шанс на выезд, тем большее отторжение у него вызывала Россия: «...да что я здесь забыл, в этой чужой, по сути, стране!» (Ibid.: 148) или: «...да почему же я должен чахнуть и сгинуть в чужой глуши?» (Ibid.: 151).

Теперь его русские соотечественники идентифицировали его как «иностранца» (von Heiselers 1969: 156). И, отстранившись от своей русской родины, он отныне осознавал себя как немец (Ibid.: 157). Жизнь в России казалась ему теперь «пустой, бездушной, серой и убогой» (Ibid.: 165)⁶. Когда между Германией и Советской Россией был подписан договор, предусматривавший выезд из России граждан Германии, Гейз-

лер, будучи российским гражданином, предпринимал все более отчаянные попытки уехать⁷. В итоге он решился на бегство. После того как чекисты арестовали и замучили извозчика, который на санях должен был перевезти его в Финляндию, Гейзелер бежал в одиночку на корабле. Спрятавшись под кроватью в каюте, Гейзелер благополучно пережил обыск корабля; чекисты тогда нашли в углехранилище двух других беглецов и сняли их с борта. Лишь у лоцманского катера переодетые агенты ЧК покинули корабль. 2 сентября 1923 г. Гейзелер добрался до Бранненбурга (von Heiseler 1969: 174–175). Ему оставалось прожить еще пять лет довольно замкнутой жизни до своей смерти 25 ноября 1928 г. (Ibid.: 199–201).

Частичное возвращение русской идентичности

Наряду с другими немцами, чья идентичность одновременно носила русский отпечаток, Гейзелер старался сделать Россию понятной для немцев. Бегство на свободу обернулось болезненными переживаниями о потерянном. Спутник Гейзелера Йоханнес фон Гюнтер писал: «Однако России, которую он любил, больше не было. Я думаю, что не ошибусь, если позволю себе утверждать, что ужасная гибель России стала для Генри фон Гейзелера катастрофой, которая подорвала его жизненные силы, потому как он любил Россию всеми струнами своей души; он, самый настоящий немецкий мужчина, смелый и сильный, как немногие, в глубине души хранил непреодолимую тоску по мечте и мягкости, это сокровище печально-сладостной мелодии, которое невозможно потерять» (von Guenther 1929: VIII–IX). Ассоциация мягкости с Россией и твердости с Германией может показаться чересчур стереотипной, но с ее помощью Й. фон Гюнтеру удалось уловить и выразить раздвоенность Гейзелера, его одновременную принадлежность и к России, и к Германии. Правда, эта сохранявшаяся близость к России неизбежно приводила к предвзятому восприятию личности Гейзелера в Кружке Георге⁸.

Принадлежавший к этому кружку еврейский автор Карл Вольфскель хоть и признавал, что в его (Гейзелера) жилах бежит немецкая и западноевропейская кровь, считал подозрительным тот факт, что он вырос «в самой русской России». При этом старый товарищ даже не мог правильно назвать место рождения поэта. Столь же малопонятными для него были Россия и связь с ней Гейзелера. Он считал, что Гейзелер вырос «в Москве, в тени Кремля, старой степной крепости» (Wolfskehl 1929). Вряд ли можно было нагляднее продемонстрировать невежество в отношении Востока. Принадлежавший к тому же кружку Фридрих Вольтерс заходил еще дальше и обнаруживал устойчивое влияние русского духа в самом Гейзелере: «Однако чуждый русский элемент, оче-

видно, еще резонировал в Гейзелере» (Wolters 1930: 231). Когда Гейзелер вновь смог внутренне повернуться к России и призывал к тому же членов Кружка Георге, он столкнулся с непониманием, которое одновременно свидетельствовало о неспособности осознать и понять пограничный опыт Гейзелера (Poljakov, Sippl 1999: 9). И после смерти Гейзелера члены кружка высказывались по этому поводу в том же духе. Вольтерс даже возводил свое отвержение в универсальную степень: «Русские же, напротив, духовно ориентируются на Византию, а душой обращены к Азии, и представляют для нас нечто непроницаемо чужое, в котором бьется другой ритм жизни» (Wolters 1930: 231). И сам Георге в своем письме сыну Гейзелера Бернту подтверждает, что члены его кружка испытывали определенную неловкость в отношении Гейзелера: «И чтобы отдать должное значению Генри фон Гейзелера, мы бы указали на его двойственное лицо: первое было обращено к Западу, а второе к Востоку. Для Вас они оба представляют собой русское единство. Но мы не можем рассматривать их так же. Мы глубоко уважали его лицо поэта, обращенное на Запад, даже если где-то и проступала русская нотка. Но лицо, обращенное к Азии, является для нас чем-то неприемлемым и даже ужасающим» (Stefan George... 1929: 62). Таким образом, именно близость Гейзелера к России создавала дистанцию между ним и остальными членами Георгиевского кружка. Кармен Зипль, редактировавшая русские тексты Гейзелера, резюмирует, что «межкультурные встречи Гейзелера с Георгиевским кружком представляли собой парадокс осознанного отказа от диалога» или же «диалога без партнера» (Poljakov, Sippl 1999: 58).

Лютеранский теолог и догматик Пауль Шютц характеризовал жизнь Гейзелера как «русского и немца посреди “диалектики границы”, в центре бесконечного пространства российско-германского континента» (Schütz: 89–90)⁹. Современные исследователи жизни и творчества Гейзелера говорят об «очаровательном преодолении культурных границ» (Poljakov, Sippl 1999: 63).

Во всяком случае, его стихотворение о Германии, представленной в образе Доротеи, и о России – в образе Татьяны (von Heiseler 1965: 39), свидетельствует о том, что он, по крайней мере, надеялся на преодоление противоречий между ними благодаря своей одновременной принадлежности к обеим.

Татьяна, Доротея, между вами
Слепая ссора ставит полосатые столбы,
Сажает изгородь с тернистыми кустами,
Как сторож не знающей границ души.

Безумная игра судьбы перипетий
Сердца дробит, кровь с кровью разлучает,

Сбивает вас во мраке с верного пути.
Да что творите вы, хоть кто-то понимает?

Свои опоры вы валяете в пыли,
Свои же мирты бьете острой сталью.
Дома детей своих вы сами подожгли.
Но как вас вразумить, я все же знаю!

И над страной, широкой и холмистой,
Что в ожидании молодого урожая,
Летит моя любовь на крыльях серебристых,
Смеясь, барьеры преодолевая¹⁰.

Религиозность

Взгляд Гейзелера на русскую религиозность изначально носил исключительно эстетический характер. Он был в восторге от православного пения, золота церковных куполов, горящих свечей, икон. После прихода советской власти участливое наблюдение Гейзелера за русской религиозностью все больше превращалось в чувство солидарности в отношении родственных по духу: «По крайней мере, в газетах, разрешенных на данный момент в Москве [...] ни одна строчка не повествует о вещах, которые составляют непреходящее человеческое бытие: искусство, наука, Бог и церковь» (von Heiseler 1965: 239). Язык советских газет он называл холодным, жестким, механическим, чужеродным, мудрёным и не имеющим силы, а потому его нельзя было считать «русской» речью. Гейзелер считал, что новое лишило русского мещанина всего, что ему было дорого.

«Чтобы духовно не оскудеть самому», получивший образование в России Гейзелер оберегал все то, что он называл культурой, и напряженно старался «не потерять чувство того, чтобы раненая Россия не прекратила своего существования и чтобы под ее руинами вырастала новая жизнь» (von Heiseler 1965: 239). Таким образом, убегая в себя и в литературу, Гейзелер не очень отличался от других представителей русской интеллигенции.

По выражению Гейзелера, Октябрьская революция своими пустыми вещами задушила «по-настоящему важное и человеческое», уличные шлягеры заглушили мелодии Моцарта (von Heiseler 1965: 219). Но вместе с духовной жизнью, по его мнению, вера также была предана насилью. Для него Россия перестала существовать, а русская религиозность покинула страну, которая стала Советским Союзом. Россия сохранилась преимущественно в духовном багаже тех, кому не оставалось ничего другого, кроме внутренней, душевной эмиграции. Гейзелер сохра-

нял свою тесную связь с русской религиозностью и после успешного бегства из страны. Символично, что в его доме особое место занимала русская икона (von Gronicka 1944: 26).

Тесная дружба связывала Гейзелера с Рейнголдом фон Вальтером, великим переводчиком его русских сочинений на немецкий. Обе семьи подолгу жили в доме Гейзелера в Фордерлейтене. Их объединял общий интерес к русской религиозной философии. Они читали и переводили Бердяева и Шестова, Иванова и, конечно, Пушкина. Важнейшим переводом фон Вальтера с точки зрения трансляции русской набожности в Германию долгое время была его редакция «Истинных сказаний русского паломника» (Poljakov, Sippl 1999: 79). Она была закончена в Фордерлейтене в доме Гейзелеров. Гейзелер принимал живое участие в переводе. Он посоветовал фон Вальтеру отправить перевод в католический журнал «Hochland» [Нагорье], намереваясь написать рецензию на книгу (von Heiseler 1969: 191–192). В год публикации книги семья фон Вальтеров гостила у фон Гейзелеров, и в сочельник книга стала рождественским подарком гостей. Сохранившийся экземпляр содержит дарственную надпись хозяйке Эми фон Гейзелер¹¹. По словам Эммануэля Юнгклаузена, публикация этой книги в 1925 г. сегодня считается началом «инкультурации» христианской молитвы на Западе (Jungclaussen 1993: 5).

Гейзелер и Вальтер вместе работали над специальным выпуском журнала «Граль», который Вальтер должен был издать в 1925 г. В этом выпуске переводы Блока и Пушкина, Чехова, Бальмонта и Сувчинского соседствовали с религиозной лирикой, например «Молитвой» Лермонтова. Сюда же были включены «Русская идея» Л.П. Карсавина и «Сущность и ведущие мотивы русской философии» С.Л. Франка. Однако особое внимание обращают на себя сочинения, затрагивающие русскую религиозность (в частности, «О сущности русской набожности» И.А. Ильина и отрывки из «Сказаний русского паломника»), а также большой раздел, посвященный русской религиозной философии, в «книжном обзоре» (Poljakov, Sippl 1999: 82). Издатель журнала, иезуит Фридрих Мукерманн, представил выпуск в таком контексте, который был по душе также фон Вальтеру и фон Гейзелеру: «В этом выпуске речь идет о творении человеческого, которое, однако, может быть полезным лишь в том случае, если понимать его одновременно и как творение Божье. Эта мысль близка известному тезису В.В. Розанова о том, что религиозное воссоединение Востока и Запада произойдет не ранее, чем над народами Востока и Запада подует новый ветер духа и любви, движимый божественным дуновением, как когда-то в период раннего христианства»¹².

Заключение

В 1929 г. в журнале Карла Мутса «Hochland» было опубликован некролог Рейнголда фон Вальтера своему другу Генри фон Гейзелеру¹³. В нем Вальтер особенно отмечал «западно-восточную» форму жизни, которая существует сама по себе (von Walter 1929: 658). При этом друзья фон Гейзелера понимали западно-восточное не как сложение двух культурных пространств, а как нечто особое. Это выразил германист Йозефа Надлера: «Нельзя сказать, что Гейзелер озападнил восточную жизнь или придал западному духу восточный оттенок. Его путь – третий, редкое сочетание этих двух, едва ли возникавшее ранее в немецком языке» (Nadler 1935/36: 1368).

Примечания

¹ Прим. авт.: Позднее Гейзелер указывает в качестве даты своего рождения «11 декабря 1875 г. по старому стилю», что косвенно свидетельствует о его сохраняющейся принадлежности к российскому культурному пространству. Здесь и далее см.: von Heiseler 1965: 191.

² Прим. авт.: Хельга Фляйс обнаружила соответствующую заметку на полях в оригинале, которая не вошла в собрание маргиналий, изданное в полном собрании сочинений, и опубликовала источник в качестве приложения № 1 к своей диссертации.

³ См. описание дома в местечке Фордерляйтен в (von Heiseler 1969: 31).

⁴ Прим. авт.: Периодически Гейзелер писал на английском, чтобы его немецкий не вызывал подозрения цензоров.

⁵ Эти мысли также почти дословно повторяются в письме Генри фон Гейзелера своей супруге Эми из Могилева от 16 июня 1921 г. См.: von Heiseler 1969: 151–153.

⁶ Сожаление о том, что его матери пришлось умирать при таких обстоятельствах – «в столь серой нищете» – см. в: von Heiseler 1969: 158.

⁷ Прим. авт.: Обратившись в немецкий «пункт помощи», он получил отрезвляющую новость о том, что его репатриация как российского гражданина (сам Гейзелер отныне считал это лишь «фатальной формальностью») была невозможной. См.: von Heiseler 1969: 164.

⁸ George-Kreis, кружок Георге, объединение интеллектуалов и поэтов, названное именем немецкого поэта Стефана Георге (Штефан Георге).

⁹ Прим. авт.: Позднее Шютц сделал немало для продвижения трагедии В.И. Иванова «Гантал», которую Гейзелер перевел на немецкий язык.

¹⁰ Художественный перевод с немецкого И.А. Кочева.

¹¹ Цит. по: Poljakov, Sippl 1999: 79.

¹² Der Graf 19, N 8 (Mai 1925), 407 (цит. по: Poljakov, Sippl 1999: 82–83).

¹³ См.: Poljakov, Sippl 1999: 86–87. Другой некролог фон Вальтера Генри фон Гейзелеру вышел в вечернем выпуске «Kölnische Zeitung» № 667 от 04.12.1931.

Литература

Chramow I. (Hrsg.). Alexander Schmorell. Gestapo-Verhörprotokolle. Februar-März 1943 (RGWA 1361K-1-8808). Orenburg, 2005.

Chramow I. Die russische Seele der „Weißen Rose“. Aachen, 2013.

Fernbach G. (Hrsg.). „Vergesst Gott nicht!“ – Leben und Werk des heiligen Alexander (Schmorell) von München. Wachtendonk, 2013.

- Fleiss H.* Traum und Wirklichkeit bei Henry von Heiseler, Phil. Diss. Graz, 1970.
- Jungclaussen E.* Geleitwort // Alphone und Rachel Goettmann, In deinem Namen ist mein Leben, Die Erfahrung des Jesusgebetes. Freiburg, 1993. S. 5–6.
- Moll C.* (Hrsg.). Alexander Schmorell, Christoph Probst. Gesammelte Briefe. Berlin, 2011.
- Nadler J.* Henry von Heiseler // Das Innere Reich 2, II. Band (1935/36). S. 1367–1377.
- Poljakov F.B., Sippl C.* A.S. Puskin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler (1875–929). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur, Slavistische Beiträge 388. München, 1999.
- Schütz P.* Henry von Heiseler, Orient und Occident 4, Der russische Geist im Kampf um seine Existenz und der Protestantismus, 89–90.
- Selg P.* Alexander Schmorell. 1917–1943. Der Idealismus der „Weißen Rose“ und das geistige Russland. Stuttgart, 2013.
- Stefan George in einem* in seinem Auftrag geschriebenen Brief an Bernt von Heiseler vom 25. Oktober 1929 aus Berlin, Text bei S.
- von Gronicka A.* Henry von Heiseler, A Russo-German writer. New York, 1944.
- von Guenther J.* Erinnerungen an Begegnungen und Gespräche mit Henry von Heiseler // von Heiseler Henry. Aus dem Nachlass. Chemnitz, 1929. S. I–IX.
- von Heiseler H.* Sämtliche Werke. Heidelberg, 1965.
- von Heiseler H.* Zwischen Deutschland und Rußland, Briefe 1903–1928. Heidelberg, 1969.
- von Walter R.* Henry von Heiseler // Hochland. 1929. No. 26, band 2. S. 657–659.
- Wolfskehl K.* Erinnerungen an Henry von Heiseler, Münchener Neueste Nachrichten 70. 25.6.1929.
- Wolters F.* Stefan George und die Blätter für die Kunst. Berlin, 1930.

Перевод с немецкого Игоря Кочева

Статья поступила в редакцию 28.11.2016 г.

Tamcke Martin

WEST-EAST IDENTITY: THE CASE OF HENRY VON HEISELER

(Translated from German by I.A. Kochev)

Abstract. The article explores the question of the possibility of dual identity's existence at the junction of different civilizations and, in particular, of West-East identity which goes beyond dual citizenship or bilingualism – an identity which rests on genuine integration of the two mentalities and spiritual traditions. Through the case of Russian-German poet Henry von Heiseler, the author shows that East and West are not mutually exclusive but can harmoniously coexist in one human being and form a single cultural identity. Based on the analysis of personal correspondence of Henry von Heiseler with his friends and loved ones and of his memories, the author reveals the transformation of the poet's identity – from Russian-German to German and back to Russian-German – and analyzes the poet's emotions concerning the difficult choice between the Russian and German identities which he had to face due to life circumstances – the World War I and the October Revolution in Russia. Particular attention is paid to the issue of the spiritual quest of people wandering between the worlds and to the reconciling potential of religion.

Keywords: Heiseler, West, East, identity, religion, Russian Germans

DOI: 10.17223/2312461X/15/2

References

Chramow Igor (Hrsg.). *Alexander Schmorell. Gestapo-Verhörprotokolle. Februar-März 1943 (RGWA 1361K-I-8808)*. Orenburg, 2005.

- Chramow Igor. *Die russische Seele der „Weißen Rose“*. Aachen, 2013.
- Fernbach Gregor (Hrsg.). „Vergesst Gott nicht!“ – *Leben und Werk des heiligen Alexander (Schmorell) von München*. Wachtendonk, 2013.
- Fleiss Helga. *Traum und Wirklichkeit bei Henry von Heiseler*, Phil. Diss. Graz, 1970.
- Jungclaussen Emanuel. Geleitwort, *Alphone und Rachel Goettmann, In deinem Namen ist mein Leben, Die Erfahrung des Jesusgebetes*. Freiburg, 1993, pp. 5-6.
- Moll Christiane (Hrsg.). *Alexander Schmorell, Christoph Probst. Gesammelte Briefe*. Berlin, 2011.
- Nadler Josef. Henry von Heiseler, *Das Innere Reich 2, II. Band (1935/36)*, pp. 1367-1377.
- Poljakov Fedor B., Sippl Carmen. A.S. *Puskin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler (1875-1929). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur, Slavistische Beiträge 388*. München, 1999.
- Schütz Paul. *Henry von Heiseler, Orient und Occident 4, Der russische Geist im Kampf um seine Existenz und der Protestantismus*, 89-90.
- Selg Peter. *Alexander Schmorell. 1917–1943. Der Idealismus der „Weißen Rose“ und das geistige Russland*. Stuttgart, 2013.
- Stefan George in einem in seinem Auftrag geschriebenen Brief an Bernt von Heiseler vom 25. Oktober 1929 aus Berlin*, Text bei S.
- von Gronicka Andé. *Henry von Heiseler, A Russo-German writer*. New York, 1944.
- von Guenther Johannes. *Erinnerungen an Begegnungen und Gespräche mit Henry von Heiseler, von Heiseler Henry. Aus dem Nachlass*. Chemnitz, 1929. pp. I-IX.
- von Heiseler Henry. *Sämtliche Werke*. Heidelberg, 1965.
- von Heiseler Henry. *Zwischen Deutschland und Rußland, Briefe 1903-1928*. Heidelberg, 1969.
- von Walter Reinhold. Henry von Heiseler, *Hochland 1929*, no. 26, Band 2, pp. 657-659.
- Wolfskehl Karl. *Erinnerungen an Henry von Heiseler*, *Münchener Neueste Nachrichten* 70, 25.6.1929.
- Wolters Friedrich. *Stefan George und die Blätter für die Kunst*. Berlin, 1930.

«МЫ – НЕ ОНИ. ОНИ НЕМЫ?»: (РЕ)КОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

УДК 398.3

DOI: 10.17223/2312461X/15/3

НОВЫЕ «СКАЗКИ ЕВРОПЫ», РАССКАЗАННЫЕ РОССИЙСКИМИ АНТРОПОЛОГАМИ*

Роман Николаевич Игнатьев

Аннотация. Вниманию читателей предлагаются статьи российских антропологов, написанных по материалам полевой работы в 2015–2016 гг. в трех европейских странах (Австрии, Исландии, Испании). Авторы анализируют конкретные случаи выстраивания культурной оппозиции: стереотипизация, публичный протест, контроль «типичного» праздника. Рассмотренные нарративы и иные источники могут быть полезны для планирования ответственного общественного диалога и предупреждения социальных конфликтов.

Ключевые слова: идентичность, локальные праздники, стереотипы, публичный протест, Австрия, Исландия, Испания

В 2015–2016 гг. сотрудники Института этнологии и антропологии РАН А.Н. Кожановский, И.А. Кучерова и Е.В. Холлер вели полевую работу в Австрии, Исландии и Испании по общей теме «Перестройка идентичности и трансформация традиционного уклада жизни в странах Европы на рубеже XX–XXI вв.»*. Выбор этой темы не был напрямую связан с названными странами, а произошел вследствие событий на Украине конца 2013 – начала 2014 г. «Революция достоинства», транслируемая по разным каналам (в основном Интернет, свидетельства друзей и знакомых) и вызвавшая невольное сравнение с «оранжевой революцией», подвела к вопросу, отраженному в названии подборки: как именно однажды мы просыпаемся в «другой стране» и «по разные стороны баррикад»? Откуда берутся в нашем сознании эти «разные стороны»? Возможно, наивный, но, во всяком случае, чистый от политизирования вопрос заставил обратить внимание на антропологический инструментарий и поставить конкретную задачу: в индивидуальном дела-

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-31-01021 «Перестройка идентичности и трансформация уклада жизни в странах Европы на рубеже XX–XXI вв.».

нии, в отдельных зарубежных «полях» предложить свой ответ на вопрос о том, каковы сейчас новые «сказки Европы», рассказываемые на ночь в ожидании нового дня.

При этом российские антропологи решили избежать описания какого-то одного феномена, наподобие трансформации семейных отношений или аспектов молодежной культуры, который мог бы быть освещен на материале трех стран, но, полагаясь на свой опыт и взаимодействие с респондентами, выделить, каждый в своем «поле», актуальный пример выстраивания культурной оппозиции «мы–они». Так выявились следующие темы: общественная борьба вокруг «типичных» локальных праздников в Испании, функциональность стереотипов в Австрии, а также мобилизация архаики в целях публичного протеста в Исландии. В рассмотренных случаях оппоненты «немы» в разной степени, и наиболее мягким, если не воодушевляющим, следует признать австрийский вариант.

А.Н. Кожановский наблюдал испанскую действительность еще на рубеже 1980–1990-х гг. Перемены, которые оказались видны двадцать лет спустя, действительно поражают. Страна классовых противоречий и касикизма, сохранившая, впрочем, их яркие проявления по настоящее время, предстает ныне в столице и провинциях иной, подчас необъяснимо иной для стороннего наблюдателя. И перемены, и трансформация, не сводимые, разумеется, к конфликту поколений, проявляются в наиболее важных «брендах» Испании, среди которых праздники, представляющие собой яркий пример традиции, всегда актуализирующей своих персонажей и послание участникам и зрителям. Несмотря на естественное снижение масштаба народных манифестаций на площадях и улицах, обусловленное разными причинами (возросший индивидуализм, проблемы с качеством полемики, экономические трудности), институт локальных празднеств крайне важен для населения Испании и хорошо отражает состояние общества, его страхи и надежды. В тексте А.Н. Кожановского представлен взгляд на праздник как возможность местной общественности выразить языком символов отношение к принципам текущей политической жизни: равноправие полов, свобода совести, борьба с жестоким обращением с животными и пр. В спорах вокруг праздника мы можем заметить столкновение между собой идей «консервативных» (правая часть общества, клерикалы) и «радикальных» для столетних образов «испанскости» внутри и вне Испании (левые, молодежная городская среда). Кто имеет больше оснований для утверждения своей «бытовой сказки»? Вероятно, более убедительный рассказчик, быть которым совсем непросто в условиях увеличивающейся пропасти между бедными и богатыми и разочарования в популистской риторике политиков. Требование активной части общества соблюдения прав и свобод угрожает касикистскому мировоззрению, и

«типичный праздник» служит скорее поводом для ее действий на «территории противника» – публичного противостояния с «реакционерами».

Е.В. Холлер изучает австрийское общество изнутри больше десятка лет. Процесс ознакомления и интеграции позволяет ей будто продолжить музилевский тезис о «десяти характерах» жителя Австрии, прежде всего в отношении «десятого характера» – «пассивной фантазии незаполненных пространств». Стереотипизация (вменение своим и чужим группам неких качеств, понимаемых во взаимодействии, т.е. объединяющих в понимании) в современных условиях может показаться если не выходом из этнонационального тупика, то многообещающим фактором совместного существования различных этнокультурных групп. Е.В. Холлер предлагает свою «волшебную сказку»: «австрийская душевность», юмор и сдержанность (до закрытости) формируют, с опорой на исторические корни, неплохую платформу для выстраивания диалога с внешним миром по своим правилам. В системе австрийских координат ненавязчивый космополитизм не нов, ограниченная открытость для выгодного взаимодействия привычна, а значит, «десятый характер» действует и востребован, как и не одну сотню лет назад.

И.А. Кучерова идет еще дальше. На фоне перемен в современном исландском обществе она разбирает литературные сюжеты древней Исландии, ставшие, как представляется, стимулом для оформления в наши дни публичной протестной площадки. Легитимное публичное осуждение (*нид*) – не частичное ли воплощение мечты о прямой (островной) демократии? Перед нами, вероятно, все же не модернизация архаики (при всех изящных отсылках к прошлому), но умелое использование элементов прошлого для выстраивания общественного диалога в настоящем, иначе говоря, «сказка-урок» и предупреждение.

Хочется надеяться, что рассказанные российскими антропологами новые «сказки Европы» будут полезны специалистам в составлении прогнозов на завтрашний день.

Статья поступила в редакцию 25 июля 2016 г.

Ignatiev Roman N.

NEW 'FAIRY TALES OF EUROPE' TOLD BY RUSSIAN ANTHROPOLOGISTS

Abstract. The readers are invited to read the following articles written by the Russian anthropologists who had drawn on their field materials collected in three European countries – Austria, Iceland, and Spain – in 2015–16. Here, the authors analyze specific cases of constructing cultural oppositions: stereotyping, public protest, and control of a 'typical' folk celebration. The narratives and other sources studied can be useful for the planning of responsible public dialogue and for prevention of social conflicts.

Keywords: identity, local celebrations, stereotypes, public protest, Austria, Iceland, Spain

УДК 394.2

DOI: 10.17223/2312461X/15/4

ИСПАНСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ РУБЕЖА XX–XXI вв. КАК АРЕНА КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Александр Николаевич Кожановский

Аннотация. Наблюдаемые в последние десятилетия всесторонние перемены глобального характера оказались в Испании – в силу особенностей ее исторического развития – более глубокими и радикальными, чем в других государствах Западной Европы. Многие из прежних общественно-культурных ценностей и норм подверглись существенной трансформации в соответствии с принципами доминирующей ныне в этой стране идеологии. В статье рассматриваются характер, ход и результаты взаимодействия и противостояния «нового» и «старого» социально-мировоззренческих укладов на материале испанских традиционных народных праздников, где суть происходящих процессов выступает особенно отчетливо.

Ключевые слова: Испания, праздники, традиция, ценности, трансформация, общественное мнение

Время перемен

Констатация того факта, что наше время (рубеж XX–XXI вв.) есть время быстро набирающих размах социокультурных перемен, ценностных трансформаций, дискредитации прежних идеологических и моральных устоев, только вчера казавшихся незыблемыми, дезорганизации векового строя общественных отношений и становления нового, еще не вполне ясного порядка вещей, стала уже привычной не только в гуманитарных науках, но и в среде образованных граждан многих стран мира. Разногласия начинаются при попытках зафиксировать происходящие глубинные сдвиги в общественном устройстве и ценностно-мировоззренческих установках, понять характер и отследить направленность этих сдвигов, не говоря уже о том, чтобы дать сколько-нибудь обоснованный прогноз развития на будущее.

Во имя достижения названных аналитических целей используются как различные теоретические концепции, так и практические методы исследования, призванные эти концепции подтвердить (включая, например, регулярные опросы общественного мнения в рамках известных программ «Всемирного исследования ценностей», «Европейского

исследования ценностей» и им подобных). Так, многие западные, в том числе и испанские, обществоведы используют методологический подход, основанный на группировании общественно-культурных ценностей по трем категориям: 1) характерные для доиндустриального общества («традиционные»), 2) присущие индустриальному обществу («ценности эпохи модерна») и 3) свойственные так называемому постиндустриальному обществу («ценности постмодерна»). Последовательно, год за годом проводя «социологические срезы» (путем опросов представительных групп населения по соответствующей программе), их организаторы отмечают постепенное, но неуклонное увеличение доли носителей мировоззрения «постиндустриального» типа и, соответственно, уменьшение доли тех, кто продолжает разделять социокультурные представления и установки, сопровождавшие более ранние этапы общественного развития (см., напр.: Vericat Alastuey 2003: 9–46).

Действительно, если взять на вооружение понятийно-терминологический инструментарий только что упомянутого подхода, Испанию вполне можно рассматривать как одно из тех мест, где волею исторических обстоятельств сосуществуют и взаимодействуют все три выделяемых этапа или как минимум существенные элементы трех вышеназванных укладов: «традиционного», «индустриального» и «постиндустриального» («постмодерна»).

При этом испанская история последних десятилетий XX в. обнаруживает весьма ошутимое своеобразие по сравнению со своими западноевропейскими соседями. Встретив середину 1970-х гг. в качестве последнего в этой части мира диктаторского режима, в последующие годы страна совершенно преобразилась, форсированно наверстывая долговременное всестороннее отставание, преодолевая последствия изолированности от экономически более развитых и более либеральных обществ Европы и Северной Америки. Изменения в идеологических и политических представлениях и оценках, моральных установках, ценностных ориентациях, отношении к религии, прошлому собственной страны, общеиспанскому единству, роли женщины в семье и обществе, браку, работе и досугу и т.д., и т.п. оказались здесь чрезвычайно быстрыми и радикальными.

Известный испанский социолог Э. Ламо де Эспиноса считает метаморфозы, пережитые испанским обществом в конце XX столетия, поистине головокружительными, и это, по его мнению, является причиной многих наблюдаемых здесь «состояний напряженности». По той же причине межпоколенные различия в испанской среде он трактует как едва ли не самые большие в мире. В качестве иллюстрации своего утверждения о беспримерной скорости и глубине преобразований на его родине ученый указывает на испытанное в свое время им самим, вместе со всем его поколением, ощущение стремительного, уложившегося всего в какие-то пять-десять лет перехода от эпохи «контррефор-

мации» (т.е. безоговорочного господства реакционной клерикальной идеологии в условиях военно-политической диктатуры) к эпохе «контркультуры» (т.е. системной либеральной альтернативы доминировавшим прежде образцам) (Lamo de Espinosa 2009: 11–12). Антрополог Б. Сантамарина Кампос говорит уже о начале XXI в. как о времени «радикализации современности», мощных социально-исторических трансформаций, дальнейшего ускорения событий (Santamarina Campos 2008), что связано теперь в гораздо большей степени с общемировыми, нежели только с внутрииспанскими процессами. Другие испанские авторы просто указывают на «рубежные» десятилетия между XX и XXI вв. как на период «интенсивных изменений», вызывающих «быструю трансформацию систем идентичностей, верований и ценностей испанского общества» (Tezanos Tortajada, Villalón Ogayar, Díaz Moreno 2008).

Указанный выше тренд в пользу более современных «либеральных» образцов во многом совпадает с процессом естественной смены поколений и, опять же в целом, реализуется в формах, не предполагающих возможности и тем более необходимости доведения соперничества между «старыми» и «новыми» ценностями до стадии открытого гражданского противостояния. Вместе с тем нельзя не видеть, что десятилетия целенаправленного развития во имя интеграции с либеральной Европой привели к становлению в Испании своего рода доминирующего идеологического фона, в значительной степени определяющего общественное мнение – неформально господствующей, «мейнстримной» идеологии. Для нее нет общепринятого названия, как нет и какого-то утвердившегося в качестве «канонического» системного изложения ее постулатов. Чаще всего о ней говорят как о «либеральной» (иногда еще – «леволиберальной», или «неолиберальной») и ассоциируют с ней такие понятия, как «политкорректность», «толерантность», «права меньшинств», «демократические свободы», «мультикультурализм» и др. Как бы поднимаясь над всеми социальными и политическими различиями, эта идеология ориентирует граждан (посредством системы образования, СМИ, дежурных заявлений и высказываний представителей власти, политических лидеров, деятелей культуры и пр.; посредством повседневных практических действий и решений всевозможных административных и юридических органов) в том же «современном» направлении; при этом противоречащие ему представления и установки характеризуются как «отсталые», «устаревшие», «реакционные» и т.д.

Усвоению новых ценностей способствует и тот негласный консенсус испанских госструктур, политических партий и СМИ, который установился в процессе «демократического транзита» 1970–1980-х гг. и согласно которому трактовать понятия «Европа», «Евросоюз», «европейская интеграция Испании», «европеизация» и пр. принято в сугубо позитивном ключе, избегая сколько-нибудь серьезной критики (Ruiz 2004).

Так что о равных условиях в «ценностно-мировоззренческом соревновании» говорить не приходится.

Вместе с тем в последние годы обращают на себя внимание спонтанно возникающие и очень своеобразные «очаги сопротивления» победной поступи «передовой идеологии» со стороны некоторых заведомо архаичных структур, что несколько нарушает восприятие глобальной смены общественной парадигмы как естественного процесса, сопряженного преимущественно со сменой поколений. Речь идет о некоторых традиционных народных праздниках, события вокруг которых, на мой взгляд, дают интересный материал для размышлений и выводов относительно характера социально-культурных трансформаций, переживаемых населением Испании – а может быть, и не только этой страны – в последние десятилетия. И первое, что кажется примечательным в этой связи, – очевидная *разница в реакции местного общества* на то, какие именно элементы устоявшихся в веках празднично-обрядовых комплексов носители «передовой идеологии» пытаются изменить «в духе времени».

Поиск объектов исследования по данной теме осуществлялся в процессе анализа материалов, содержащихся в различных центральных и региональных СМИ Испании, а также в изданиях научно-гуманитарного профиля. Много полезной информации было получено в ходе полевых изысканий в испанской Стране басков осенью 2015 г.

Традиционные праздники в Испании

Прежде чем перейти непосредственно к данному сюжету, необходимо вспомнить, сколь велико значение не только в народной культуре, но и в общественной и даже общественно-политической жизни Испании традиционных фольклорных праздников. Города и селения страны, различные ее уголки и регионы имеют особые даты в году, когда местное население, вкупе с живущими где-то на чужбине уроженцами данных мест, норовящими выбраться в такие дни на свою малую родину, собравшись вместе, подтверждают единство и солидарность своего земляческого сообщества, свою верность тому уникальному месту, где они родились. Люди участвуют в праздничных акциях и церемониях, которые совершаются по строгому, воспроизводящемуся из года в год традиционному регламенту, где у каждого – своя роль, свои права и обязанности. Повсеместно к этим мероприятиям относятся с большим пиететом, тратят на подготовку к ним огромное количество времени, сил и средств из общественных фондов. Основные исполнители предписанного вековым обычаем сценария, количество которых порой исчисляется сотнями и тысячами, в течение всего года готовятся к своему звездному часу. Эти праздники, очевидно, служат социальным меха-

низмом для усвоения, поддержания и передачи определенных форм коллективного самосознания, необходимых для ориентации личности в окружающем мире, а внутри Испании, с учетом той роли, которую играет здесь «местный патриотизм», – для регулярного напоминания как соседям, так и центральной власти о наличии в стране данного неповторимого селения, города, острова, района и т.д., имеющего свою специфику и особые интересы.

Названной «внутрииспанской» функции локальных праздничных мероприятий вряд ли противоречит их резко возросшая в последние полвека роль «объектов туристического интереса» (как известно, число иностранных туристов, ежегодно посещающих Испанию, давно уже измеряется десятками миллионов в год). Гости на празднике, сколько бы их ни было, остаются в категории зрителей и только усиливают своим присутствием основную идею торжества: утверждение единства и уникальности данного сообщества земляков, «своих» – в сопоставлении и противостоянии (даже вполне мирном) со всеми остальными, т.е. «чужими».

«Мавры и христиане»

В октябре 2006 г. имам мечети города Малаги на юге Испании публично призвал запретить столетиями отмечаемый в некоторых регионах (прежде всего в Андалузии, Валенсии и Мурсии) фольклорный праздник под названием «Мавры и христиане». Формы и даты его проведения повсюду разнятся, но в каждом случае он до последнего времени был тщательно регламентирован, расписан по ролям и буквально по часам. В нем участвовали – в качестве действующих лиц или зрителей – практически все обитатели соответствующего городка или селения. Суть праздника всюду примерно одна и та же: в течение нескольких дней местные жители разыгрывают красочное представление, опирающееся, по крайней мере в некоторых случаях, на реальные исторические события эпохи Реконксты: вначале мавры захватывают данное селение и празднуют победу, затем их побеждают и изгоняют испанцы-христиане. Кульминацией становится пышное торжество победителей, которые поклоняются местным христианским символам и сбрасывают с крепостной стены, а после сжигают или взрывают чучело некоего персонажа в восточных одеяниях по имени Маома (Mahoma).

Некоторые местные варианты данного праздника (особенно в городе Алькое валенсийской провинции Аликанте) благодаря своей экзотичности и размаху получили известность далеко за пределами Испании и ежегодно привлекают множество гостей и туристов, как соотечественников, так и иностранцев. Их подготовкой занимаются специальные «братства», получающие щедрые субсидии из городских бюджетов.

Реакция испанского общества на упомянутое требование имама (а по совместительству – президента Испанской федерации исламских общин), заявившего, что осуждаемый им праздник в его нынешнем виде не соответствует нормам демократического общества и является проявлением «культурного геноцида» (по отношению к приверженцам ислама – маврам, т.е. арабам и берберам), выглядела весьма резкой. Высказались представители многих партий и общественных организаций, деятели культуры, высокие чиновники и рядовые граждане, при этом зафиксированный СМИ разброс мнений оказался весьма широк: от немедленного запрета местными властями конфликтного праздника в ряде селений до решительного неприятия каких-либо попыток покушения на вековую традицию, с гневными словами в адрес покушающихся: «Если им не нравится наш праздник, пусть уезжают!» (имеются в виду местные мусульмане из числа арабов-иммигрантов из Северной Африки с их потомками, осевшие в испанских городах и селениях в последние годы).

Общество всколыхнулось, но в ходе бурных обсуждений вскоре выяснилось, что в реальности данный праздник уже давно и без особого шума постепенно трансформируется, и именно в том направлении, на котором настаивал имам. Оказывается, многие города и селения к этому моменту уже изъяли из традиционного сценария праздника те эпизоды, которые, по мнению организаторов, могли трактоваться как оскорбительные для мусульман. Чучело Маомы либо вовсе убрали из карнавальных церемоний, либо переодевали, чтобы не было сходства с арабом, и называли как-нибудь по-другому (например, просто «изображение»), а где-то даже демонстративно выказывали ему знаки почтения, наряду со статуей католического святого, и т.д. Кое-где изменяли порядок праздничных действий, чтобы все не выглядело как подготовка к неминуемому поражению мавританской стороны, или добавляли новые эпизоды подчеркнуто примирительного и уважительного по отношению к мусульманству характера. Фигуры пораженных стрелами мавров, попираемых копытами коня, на котором восседает Святой Георгий (Сан-Хорхе, Сан-Жорди), стали прятать под покрытием из цветов и т.д. Такого рода модификации «оправдательного» свойства начались именно в 2000-е гг., когда вокруг праздника стали вспыхивать скандалы в связи с реальным или предположительным оскорблением исламской символики. В череде этих скандалов история с протестом имама Малаги оказалась всего лишь наиболее громкой (Santamarina Campos 2008).

В проявившейся здесь готовности подавляющего большинства организаторов и участников празднеств ради сохранения праздника как такового, хотя бы и в радикально усеченном виде – уступить, отказаться от стержневых, казалось бы, смысловых компонентов традиционного

действия, раз уж они противоречат постулатам нового, «политкорректного», мировоззрения, – вполне отражается один из основных вариантов взаимодействия «сегодняшних» и «вчерашних» общественно значимых ценностей. Именно нежеланием идти против культурно-идеологического мейнстрима, страхом противопоставить себя наиболее влиятельной и авторитетной части общества, получить обвинения в «расизме», «клерикализме», «реакционности» и т.д. здесь объясняют многократно зафиксированный репортерами отказ местных жителей, включая многих должностных лиц, говорить о своем отношении к проблеме – из опасений навредить себе, своему селению и самому празднику (который уже предлагается как минимум переименовать: ведь слово «мавр» в сегодняшней Испании считается «неполиткорректным»). Очень характерен в этом смысле пример с валенсийским селением Бенейшама (Benexama), где по традиции взрывали голову поверженного чучела в восточном наряде. Исходная модель для ежегодного изготовления новой головы передавалась здесь в рамках одной определенной семьи из поколения в поколение как важнейшая реликвия, но недавняя попытка журналистов найти ее нынешних хранителей окончилась неудачей: местные жители отказались «выдать» их чужакам.

При этом в позиции местных приверженцев ислама вовсе нет единства по поводу рассматриваемого праздника. С одной стороны, известно о заявлениях и требованиях, подобных тому, с которым выступил имам Малаги. По некоторым сообщениям, «настойчивые жалобы» проживающих здесь «арабских групп» даже привели к тому, что несколько селений изменили свои традиционные гербы, сохранившиеся со времен Средневековья, поскольку изображенные на них отрубленные головы мавров, надписи по-латыни, отсылавшие к Реконкисте, и некоторые другие элементы были сочтены оскорбительными.

С другой стороны, целый ряд мусульманских общин на территории Испании сразу же отмежевался от требований имама Малаги, а опросы репортерами «простых» мусульман, живущих в тех селениях и городах страны, где проводится праздник «Мавры и христиане», показывают едва ли не стопроцентную лояльность североафриканских иммигрантов и их потомков к обычаям новой родины. Нынешние «мавры» Испании в массе своей с пониманием относятся к стремлению жителей испанских регионов поддерживать память о своем далеком прошлом.

В данной проблеме присутствует еще и «внешнеполитический» фактор – хотя вряд ли в качестве решающего. В СМИ неоднократно сообщалось о том, что местные администрации и организаторы праздника всерьез опасаются вызвать гнев радикальных мусульман из-за рубежа. В этой связи упоминались не только широко известные конфликты типа «карикатурного скандала» и ему подобных, но и история с каталонским журналистом, побывавшим в плену у ближневосточных террори-

стов и сумевшим вернуться на родину. Этот человек рассказывал, что его тюремщики среди прочего оправдывали свои издевательства над ним и его товарищами мезью за оскорбительный для ислама праздник «Мавры и христиане». Есть даже комментаторы, которые считают, что именно страх перед террористическим возмездием является основной причиной отхода от исконной традиции в проведении этого народного торжества, хотя спорадические опросы местных жителей данный факт и не подтверждают.

Как бы там ни было, новая партия «Подemos», только что буквально ворвавшаяся на политическую арену Испании и разрушившая прежнее устоявшееся «двухпартийное равновесие», объявила о своем намерении добиваться запрещения праздников «Мавры и христиане», равно как и организаций, занимающихся их подготовкой, поскольку считает данную традицию «оскорблением» и «провокацией» по отношению к исламу и всему мусульманскому сообществу (Gadea 2006; Garcia 2006; Moltó 2006; Municipios... 2006; Ruiz Sierra 2006; Gil 2013; Podemos prohibirá... 2015).

Традиционные праздники и протесты против жестокого обращения с животными

Другого рода обвинения со стороны «продвинутой» части общества адресуются традиции проведения массовых празднеств, связанных с использованием животных, точнее – с негуманным обращением с этими животными. Испанскому обществу выдвигается требование немедленной корректировки жестоких обычаев в соответствии с «универсальными» (т.е. исповедуемыми современным западным миром) этическими нормами. В этом смысле характерна, например, ситуация вокруг «гусиного праздника» (Antzar Eguna) в приморском бискайском городке Лекейтио. Здесь торжество, приуроченное ко дню святого Антолина (5 сентября), отмечается уже более трехсот лет и включает в свой регламент состязание, которое своей необычностью, зрелищностью и азартом привлекает тысячи зрителей со всей округи. На длинном канате, протянутом над бухтой, подвешивают вниз головой гуся, а представители соревнующихся команд, которых подвозят на гребных лодках, должны по очереди суметь уцепиться за гуся и повиснуть на нем... Тем временем специальная группа крепких мужчин на берегу стремительно бежит взад-вперед, то натягивая, то отпуская канат, так что он вместе с гусем и ухватившимся за него спортсменом то взлетает высоко в воздух, то обрушивается в воду, чтобы затем немедленно снова взмыться к небесам. Это продолжается до тех пор, пока претендент удерживает птицу. Конечно, первоначально обычай требовал подвешивания живого гуся, а когда несчастному в ходе состязаний отрывали голову, его тут

же заменяли новой жертвой. Лишь в 1980-е гг. защитникам животных удалось добиться замены живых гусей на предварительно умерщвленных, а два десятилетия спустя, в 2006 г., местному обществу была предложена альтернатива «в духе времени»: гусь, но резиновый. Сначала и организаторы, и участники, и публика решительно отвергли столь радикальную инновацию. Но затем, в ходе развернувшейся дискуссии, позиции «консерваторов» постепенно смягчались, соревнующиеся команды одна за другой начали высказываться в пользу муляжа, и, наконец, устроители «гусиного праздника» согласились разрешить участникам использовать на выбор тушку из плоти или резины по их усмотрению (см., напр.: Mirari Arttime 2014; Portero 2015). Направленность «модернизации» здесь, очевидно, такова, что если не произойдет ничего экстраординарного, то в скором времени настоящий, из костей и мяса, гусь – живой или мертвый – в качестве «участника» традиционных состязаний останется только в воспоминаниях. Указанные изменения тем легче принимаются местным обществом, что, во-первых, среди участников праздника абсолютно доминирует молодежь, а она более восприимчива к новым веяниям в идеологии и культуре, а во-вторых, перемены здесь не посягают ни на суть праздника, ни на само его существование.

Другой, куда более сложный оборот приняли события, связанные с известной всем корридой. Нужно сказать, что прославленный «бой быков», завершающийся убийством животного или (гораздо реже) гибелью / увечьем матадора, далеко не исчерпывает всего многообразия бытующих в Испании народных игр и забав с быками и коровами. В подавляющем большинстве случаев эти забавы не предполагают в итоге смерть животного, зато, как правило, опасны для участвующих в них людей (пожалуй, наиболее известен в этом ряду ежегодный пробег бойцовых быков по улицам Памплоны на празднике Сан-Фермин, описанном когда-то Э. Хемингуэем в его знаменитой «Фиесте»). Тем не менее практически все такого рода обычаи («тавромахию» в широком смысле слова, т.е. противостояние человека и быка) защитники животных трактуют как жестокое обращение с бессловесными тварями и энергично борются за полное искоренение любых проявлений «неоправданного дикарства», сколь бы древними они ни были.

Ситуация здесь осложняется тем, что в некоторых исторических областях, прежде всего в Каталонии и в меньшей степени в Стране басков, региональные националисты используют ее в откровенно политических целях – как средство для утверждения (а по сути – конструирования) самобытности своей «малой родины», ее исходно «неиспанской» сущности. Коррида в их трактовке – сугубо негативное явление, навязанное «испанскими завоевателями», чужеродное для местной, глубоко своеобразной культуры; явление, от которого следует «оттолк-

нуться» как можно дальше. Доказательства обратного, согласно которым традиции тавромахии существовали и на каталонских, и на баскских землях с незапамятных времен, во внимание не принимаются. Власти автономной Каталонии действуют, как всегда, последовательно и целеустремленно, и уже с 1980-х гг. отдельные города здесь стали отказываться от проведения корриды, а в 2010 г. запрет на бой быков по всей территории Каталонии был утвержден местным парламентом.

Вместе с тем в масштабах всей Испании «регионально-националистический негативизм» по отношению к корриде выглядит скорее частным случаем, так что нет оснований не согласиться с комментатором, утверждающим, что «в Испании вполне возможно выступать за отмену корриды, не будучи при этом сепаратистом», и что имеется множество убежденных испанских патриотов, которые не хотят, чтобы бедных травоядных продолжали мучить на улицах испанских городов (Valenzuela 2010).

Действительно, кампания против тавромахии в Испании постепенно распространяется все шире и уже докатилась до самого Мадрида, алькальдеса которого (женщина-мэр) отказалась от посещений боя быков и заявила о намерении превратить столицу в «город, дружественный к животным». Ее единомышленники и союзники из левых партий и движений перешли в решительное наступление на корриду. Во многих городах и селениях были объявлены референдумы о том, проводить ли там в дальнейшем бои быков. Надо иметь в виду, что у местных властей имеются весомые средства для того, чтобы воздействовать на оппонентов: это и финансирование общественно значимых мероприятий, и разрешение на их проведение в местах, находящихся в ведении администрации, и требования к устроителям по соблюдению необходимых условий с точки зрения удобства и безопасности граждан... Использование такого административного ресурса уже привело к тому, что в ряде уголков страны проведение корриды было отменено или приостановлено.

Среди доводов, к которым в ходе дискуссий прибегают сторонники незыблемости древней традиции, – ее несомненная уникальность и культурно-историческая ценность; ее неоценимая важность как проявления общенациональной (или региональной, как, например, в Валенсии) идентичности; ее огромное значение для туристической отрасли; ее поддержка со стороны многих миллионов испанцев, права которых, очевидно, нарушаются запретом; занятость большого количества людей в обеспечении ее функционирования, что служит источником существования для них самих и их семей; наконец, сохранение целого ряда связанных с ней сфер деятельности, да и самих бойцовых быков, которых просто не станет с запретом корриды. Основной аргумент их противников все тот же: никакой обычай, сколь бы древним, укоренен-

ным и популярным он ни был, не имеет права на существование, если он противоречит этическим категориям «просвещения» и «либеральной культуры» (см., напр.: Mosterin 2010).

Необходимо отметить, что на сегодняшний день наиболее решительные противники тавромахии сосредоточились в левой части политического спектра, тогда как их оппоненты, пытающиеся защищать «исконные традиции», тяготеют к партиям и движениям более правого толка. При таком раскладе принятый каким-либо региональным парламентом закон о защите корриды как культурно-исторического достояния может быть отменен после выборов, на которых победу одержат противники «архаичного варварского зрелища», и наоборот.

Недавно можно было наблюдать, как коалиция баскских левых националистов Bildu, добившись прекращения корриды в столице провинции Гипускоа городе Сан-Себастьяне (в 2012 г.), даже не попыталась проделать то же самое в соседнем городке Аспейтия, жители которого, поддерживавшие Bildu на выборах, при этом известны как фанатичные энтузиасты боя быков. Соответственно, одним из первых актов теперь уже правых баскских националистов, возглавивших Сан-Себастьян по результатам следующих выборов в 2015 г., стало восстановление здесь корриды. Да и в той же Каталонии продолжают никем не отмененные «бычьи забавы» в ходе некоторых, бесспорно, каталонских народных праздников, где, правда, животное не убивают, но обращаются с ним – по традиции – совсем не милосердно. А в соседней Валенсии в одном только 2015 г. было отмечено более 8 тыс. всевозможных фольклорных мероприятий с использованием быков и коров, жертвами которых пали в общей сложности семь человек.

«Традиционный уклад», если не в образе жизни, то, по крайней мере, в сознании значительной части населения Испании, составляет, судя по всему, ту почву, на которую продолжает опираться здесь древний обычай во всех его разновидностях. Противоборство в Испании носителей двух взглядов на тавромахию – «традиционалистского» и «просвещенно-либерального» – длится уже не один год и все еще далеко от завершения. Борьба идет почти исключительно в форме общественных дискуссий разного уровня и в сфере административно-юридических процедур, не говоря уже о ее использовании в политическом соперничестве для привлечения электоральных симпатий. Попытки небольших групп «защитников животных» помешать «проявлениям варварства», составляющим часть того или иного фольклорного торжества, единичны и, как правило, безрезультатны. Нельзя сказать, что очевидное, хотя и постепенное, отступление «консерваторов» под натиском либеральной идеологии происходит без сопротивления, но это сопротивление имеет вполне мирный характер. Население Испании в настоящее время в массе не рассматривает ситуацию с корридой как имеющую перво-

степенную важность, и все больше людей готовы смириться с тем, что рано или поздно корридам предстоит уйти в прошлое. Так, в недавнем (2015 г.) референдуме в валенсийском городке Альдайя (Aldaia) по поводу дальнейшей судьбы местного боя быков приняли участие менее 15% взрослых граждан. И вот как охарактеризовал в печати настроения жителей Каталонии в отношении споров вокруг тавромахии один из комментаторов: «Здесь нет особого пыла ни “за”, ни “против”. В целом обществу это безразлично...» (Abella 2010; Voix 2010; Gómez Pin 2010; Jiménez Cano 2010; Savater 2010; El nuevo mapa... 2015; Lorca 2015; Zafra 2015).

Женщины на празднике «Мавры и христиане»

Степень общественного возбуждения, однако, резко возрастает, когда инициаторы радикальных преобразований в сфере традиционной праздничной культуры обращаются к «женской теме», точнее – посягают на привычное распределение гендерных ролей в ходе коллективных действий, воспроизводимых год за годом и оговоренных старинным регламентом. В упомянутом выше празднике «Мавры и христиане» готовность основной массы организаторов и участников красочного действия отказаться, «в духе времени», от исходно негативных трактовок мусульманского и мавританского элементов, от воспевания победы испанцев-христиан сменяется решительным неприятием, казалось бы, гораздо менее существенных претензий – требованиями обеспечить участие в празднестве женщин наравне с мужчинами.

Дело в том, что исходно и до недавних пор женщинам здесь отводилась роль исключительно зрителей. С утверждением либерально-демократических порядков общественно активные представительницы прекрасного пола взяли за изменение этой ситуации. Долгое время их попытки оказывались безуспешными или приносили ничтожный – в сравнении с затраченными усилиями – результат. Ничему не помогли многократные постановления судебных инстанций в пользу женщин, ссылающихся на Конституцию, которая запрещает дискриминацию по признаку пола. Выполнению судебных вердиктов мешало то обстоятельство, что, согласно действующему статуту традиционных маскарадных групп (в том же Алькое, к примеру, таких групп двадцать восемь – каждая со своим названием, своими красочными костюмами и своей специфической ролью во время шествий и представлений), вопрос о приеме новых членов в группу может быть решен только общим закрытым голосованием участников. И год за годом, несмотря на сильнейшее давление со стороны прогрессивно настроенных сограждан, судов, администрации, прессы, наконец, официального руководства собственной карнавальная ассоциация, по итогам корпоративного го-

лосования женщинам чаще всего отказывали в приеме, а тем немногим, кого все-таки принимали, не позволяли участвовать в торжественных шествиях и церемониях наравне с мужчинами. И тем не менее обиженные подобным отношением женщины не выходят из карнавальных ассоциаций в знак протеста против дискриминации, а, напротив, остаются там и продолжают борьбу.

Примечательны здесь три обстоятельства:

1) в данном конфликте разделение оппонентов происходит отнюдь не по половому, а по идеологическому признаку, так что на каждой из сторон есть как мужчины, так и женщины;

2) вопрос о включении женщин в подготовку и проведение праздника наравне с мужчинами оказался в ряде мест едва ли не главным на муниципальных выборах последних лет;

3) женщины, претендующие на равное представительство своего пола в соответствующих обычаях шествиях, церемониях, пантомимах и т.д., требуют введения в традиционный регламент специальных женских ролей, которых там прежде не было, со всей необходимой атрибутикой (прежде всего, конечно, стилизованной одеждой); о том, чтобы представляться мужчинами, речь как будто не идет (Gadea 2002, 2012, 2014; Moltó 2006, Giner 2012; 2013; Vila 2013).

«Аларде»

Аналогичный по сути конфликт мы обнаруживаем на противоположном краю Пиренейского полуострова, в Стране басков. Здесь наше внимание привлекает так называемый Аларде (по-баскски «парад», «дефиле») – традиционные ежегодные торжества в двух приграничных с Францией городках баскской провинции Гипускоа: Ируне (30 июня) и Ондаррибии (8 сентября) – в память о героической обороне от французских интервентов, которых несколько столетий назад в итоге долгой осады и при чудесной помощи святых-покровителей удалось заставить ретироваться. Праздник представляет собой самое яркое событие года, в его подготовке и проведении участвуют до двух десятков карнавальных братств. Центральной частью всего мероприятия является торжественный проход нескольких тысяч «стрелков» и «флейтистов» в архаичных нарядах по главной улице, с ружьями той эпохи, из которых в кульминационный момент производится салют... При этом в каждом из марширующих подразделений традиционный регламент разрешает присутствовать только одной женщине (в роли маркитантки в соответствующем наряде); остальные женщины – это зрительницы.

С конца 1990-х гг. в среде местных жителей обозначился раскол. Группа прогрессивно настроенных женщин потребовала разрешения не просто участвовать в празднике в качестве действующих лиц традици-

онных представлений, но дефилировать именно в «мужском качестве», в мужских костюмах «стрелков» и «флейтистов», с ружьями на плечах, и производить салют. Организаторы праздника, при поддержке подавляющего большинства горожан, включая и женщин, решительно отказались менять вековую традицию. Тогда сторонники инноваций заручились решениями судов, поддержкой местной и региональной администрации, политических партий, влиятельных общественных организаций, СМИ, местного омбудсмана. Однако их противники продолжали сопротивляться переменам, используя уже известный нам по ситуации с «Маврами и христианами» способ: карнавальные группы, готовящие праздник, отказываются, опираясь на свое традиционное право, принимать женщин на несвойственные им роли. Дамы, требующие перемен, вместе с поддерживающими их мужчинами сформировали собственное подразделение, где выступают «стрелками» в мужских нарядах и при оружии, и добились распоряжения властей об их включении в состав парадного дефиле. Но накануне первого же шествия по новым административным правилам все остальные его участники приняли экстренное решение пройти в другое время и в другом месте, так что новаторшам пришлось маршировать отдельно. С тех пор их парады проходят под охраной полиции и без каких-то существенных стычек с оппонентами, но в своего рода «коридоре позора».

Так, в сентябре 2015 г. на тротуарах вдоль довольно узкой улицы, где проходили переодетые женщины, их идеологические противники и противницы стояли сплошной стеной, держа в руках широкие и длинные полотнища из неразъятых черных пластиковых мешков для мусора, раскрытые черные зонты, а также плакаты с надписями: «Мы тоже женщины, почему с нашим мнением не считаются?», «Аларде должен быть неизменным!» и т.д. Звучали выкрики с осуждением нарушительниц традиции. Мало чему помогло то обстоятельство, что для поддержки сторонников модернизированного варианта праздника прибывают представительные делегации из самых влиятельных административных, политических и общественных структур баскского региона.

Атмосфера в городе показательно меняется, когда следом начинается «традиционный» парад, в котором участвуют несколько тысяч человек (в то время как в «инновационном», «политкорректном» параде на сегодняшний день – всего несколько сотен). Теперь зрители аплодируют и выкрикивают здравицы. Как и в случае с «Маврами и христианами» Юго-Западной Испании, та или иная позиция, занятая местным политиком по вопросу об участии женщин в традиционных церемониях (да еще на тех ролях, которые давним обычаем закреплены за мужчинами), напрямую влияет на его политическую карьеру. Несколько человек из числа сторонников «прогрессивного обновления» таким образом уже лишились постов в выборных органах власти, тогда как оппозирующие им «консерваторы» резко нарастили свой электоральный

потенциал. Все это вынуждает местную администрацию лавировать между требованиями начальства и волей своих избирателей и воздерживаться от прямого давления на непослушных противников прогресса. Так, в адрес местных муниципальных советов и алькальдов (мэров) двух приграничных городов звучат упреки в том, что они позволили изменить юридический статус праздника, сделать его частным предприятием и тем самым защитить от неизбежного административного или судебного вмешательства.

Тем, кто интересуется гипускоанским Аларде, повезло в том смысле, что события вокруг него оказались объектом не только журналистского, но и научного интереса со стороны ряда испанских исследователей социально-культурных процессов. Ученые высказываются в том смысле, что возникшая коллизия представляет собой реакцию на действие «сил глобализации», радикально трансформирующих прежний уклад жизни, дестабилизирующих привычный строй отношений и порождающих атмосферу неуверенности в будущем. «В Ируне–Ондаррибии мы присутствуем при исчезновении прежней идентичности, связанной с индустриальным обществом и приграничной функцией, и при конфликтном рождении новой идентичности, связанной уже с постиндустриальным обществом услуг и свободным перемещением людей и товаров в пределах Европейского Союза». В этом контексте, считают наши испанские коллеги, праздник Аларде фактически становится одновременно символом и инструментом сплочения местного населения, воплощением его единства и неповторимости, способом выразить несогласие и оказать сопротивление тем инновациям, которые ощущаются как разрушительные для местных общин.

Любопытно, что вплоть до недавнего времени оба городка считались «наиболее либеральными» во всей провинции Гипускоа. Более крупный Ирун даже имел репутацию «космополитичного» – из-за своего приграничного положения, открытости и готовности к принятию самых разных людей, прибывших сюда, толерантного к тому, чтобы усваивать идеи, манеры и обычаи этих разнородных пришельцев. Все изменилось, когда в связи с интеграцией Испании в Объединенную Европу Ирун и Ондаррибия лишились своего векового статуса важнейших контрольных, таможенных, транспортных и прочих узлов на границе с Францией. Затем стали закрываться крупнейшие местные предприятия, и многие потеряли привычный источник заработка. Но ни одна акция протеста против закрытия таможни, шоколадной фабрики, скотобойни и т.д., равно как и против развернувшихся здесь строительных работ, наносящих ущерб окружающей среде, или же против каких-то непопулярных муниципальных решений не собирала, даже отдаленно, такого количества участников, как манифестации в защиту *Alarde Tradicional*, т.е. любимого праздника в его привычном виде.

Более того, включенное наблюдение, проведенное одной из исследовательниц, позволило ей зафиксировать в Ируне запущенный «праздничным» конфликтом процесс своего рода перестройки местного самосознания («ирунской идентичности»). Определение «истинный ирунец» (букв. «ирунец по жизни») стало с недавних пор использоваться не как прежде, когда его привычно прилагали к тем, кто здесь родился или прожил большую часть жизни, а только по отношению к тем (включая и самих себя), кто заявлял себя почитателем «старого» Аларде. А вот их оппонентам, выступавшим за изменение традиционного порядка ради разрешения женщинам маршировать в парадном строю в мужской одежде и с ружьем на плече, отказывалось в праве быть «истинными ирунцами», хотя бы речь шла о местных уроженцах. О таких людях их земляки, соседи и даже близкие родственники теперь говорили, что те «не знают своего народа». Возобладал субъективный, казалось бы, но четкий и абсолютный критерий принадлежности к «своим», «народу Ируна / Ондаррибии»: любовь к традиционному Аларде и его действенная защита. Все, кто покушается на него, кто требует его изменить, тем самым становятся «чужаками» (по-баскски «kanpotarra»), независимо от своего происхождения.

События вокруг Аларде воспринимаются многими в сегодняшней Испании как недопустимое в наши дни стремление сохранить позорное проявление женской дискриминации под видом поддержания нелепой архаичной традиции. В то же время некоторые исследователи трактуют происходящее как выражение протеста против разрушения вчера еще прочного социально-культурного порядка, против посягательств на исконную систему отношений полов, а также против нивелирующего катка «культурной глобализации», безжалостно уничтожающего местное своеобразие ради чуждых, привнесенных извне образцов. Так вышло, что традиционный праздник типа Аларде, как мало что иное в сегодняшней жизни, предоставляет для подобного протеста необходимый организационный ресурс и адекватное смысловое содержание.

Есть, однако, момент, который при таком взгляде на происходящее остается не вполне ясным: почему все-таки «камнем преткновения» для общества, переживающего практически всестороннюю трансформацию, оказывается именно «женский вопрос», а не какой-либо другой из множества не менее болезненных и проблемных? У наблюдателей сложилось впечатление, что местные жители готовы принять едва ли не все преобразования (в том числе и довольно серьезные) в общественно-экономической, хозяйственной, градостроительной и прочих сферах – из тех, что предлагает местная администрация – дабы приспособиться к новым условиям существования в резко изменившихся обстоятельствах; да и сам Аларде, в совокупности составляющих его этапов, элементов и атрибутов, жители вовсе не считают неприкосновенным, они

даже успели внести в него в ходе злосчастного конфликта некоторые изменения и дополнения – но все это только до той поры, пока дело не доходит до включения женщин в регламент действий наравне с мужчинами: здесь сопротивление становится поистине свирепым, сопровождается яростными эмоциями. При этом необходимо отметить, что защитники традиционного Аларде (включая женщин), составляющие, как мы помним, подавляющее большинство местного населения, решительно не согласны с тем, что неучастие в праздничном параде женщин, одетых по-мужски, означает их дискриминацию или приниженное положение в обществе (Rey Martínez 2000; Bullen 2003; Ordaz 2005; Hondarribia... 2015; Lecumberri Napal 2015; Ormazabal 2015).

Барабанщицы и сотрапезницы

Ту же закономерность в сфере традиционных обычаев мы обнаруживаем в столице провинции Гипускоа, городе Сан-Себастьяне. Здесь как минимум с XIX в. ежегодно отмечается грандиозное народное празднество Тамборрада, гвоздем которого является многотысячное шествие мужчин-барабанщиков (при участии лишь нескольких женщин в роли маркитанток и знаменосцев). По традиции организуют праздник более сотни «барабанных команд» (они же «братства», компарсы, или карнавальные группы). Как и в других уже известных нам случаях, некоторое время назад сторонники повсеместного утверждения норм гендерного равенства потребовали отмены прежних «архаичных» правил, препятствующих принятию женщин в «барабанные команды» и их участию наравне с мужчинами во всех связанных с праздником церемониях и мероприятиях.

По данным испанской печати, алькальд Сан-Себастьяна, в отличие от большинства своих склонных к колебаниям коллег из других городов Испании, сразу же не просто поддержал женскую инициативу, требующую инкорпорации в состав «барабанных команд», но начал решительно действовать в этом направлении. Он сумел не допустить «приватизации» главного праздника города (т.е. перевода его в статус частного мероприятия), в противном случае это сильно затруднило бы вмешательство властей и судебных органов в подготовку и проведение Тамборрады.

Алькальд поддержал создание первой «смешанной», т.е. с участием женщин, компарсы (возникшей в результате раскола одной из «традиционных» карнавальных групп), и ей тут же было предоставлено право участия в торжествах наряду со «старожилами». Продолжая держаться жесткой линии в борьбе с сопротивляющимися консерваторами, алькальд пригрозил группам, отказывавшимся принимать в свои ряды женщин, отстранить их от участия в ключевом эпизоде праздника –

подъеме флага Сан-Себастьяна. Наконец, в 2009 г. он добился того, что упрямцев лишили субсидий из городского бюджета, которые выдавались им прежде в качестве компенсации немалых расходов на организацию и проведение Тамборрады. На сегодняшний день из 125 карнавальных групп (они же барабанные команды) продолжают упорствовать в отстаивании своего чисто мужского состава не более чем полтора десятка; остальные были вынуждены смириться и изменить прежний устав (Montero 2009).

Наконец, есть еще одна совокупность обычаев, которые воспринимаются идеологически и культурно доминирующей частью современного испанского общества как безусловное проявление «женской дискриминации» в сфере традиционной праздничной обрядности: речь идет о порядке торжественного застолья. Два характерных примера, представленных ниже, дадут представление о возникших здесь в последние десятилетия конфликтах и практикуемых способах их разрешения.

В теперь уже далеком 1987 г. городской совет все того же Сан-Себастьяна за особые заслуги перед городом торжественно вручил свою главную премию, «Золотой барабан», двум видным персонам: тогдашней главе корпорации «Радио и телевидение Испании» Пилар Мирó и герцогу де Альбуркерке. Вслед за тем, в соответствии с вековым обычаем, лауреатов ожидало торжественное угощение, организуемое крупнейшим из «барабанных братств». Герцог в присутствии алькальда благополучно отужинал среди членов этого братства, а вот сеньоре Мирó, как выяснилось, традиция запрещала переступать порог пиршественного зала исключительно по причине ее принадлежности к женскому полу, так что лауреатке пришлось довольствоваться трапезой в другом помещении и в другой компании, состоявшей из жены алькальда и женщин – членов городского совета. Разразившийся в этой связи скандал привел к тому, что обычай торжественных ужинов в упомянутом «братстве» прекратился, поскольку «братья», невзирая на волну общественного негодования, решительно отказались менять правила, которым следовали поколения их предков.

В 2009 г. в общеиспанском информационном потоке прошло сообщение о конфликте в местечке Льодио баскской провинции Алава. Ежегодно с незапамятных времен в последнее воскресенье августа в крытой галерее одной из здешних приходских церквей, Сан-Педро-де-Лануса, происходит праздничная трапеза. Ее участниками обычай позволяет быть только мужчинам, поскольку только они составляют местное братство Сан-Роке, которое и организует пиршество. И вот в означенном году глава местного совета предупредил членов братства, что если их стародавний устав не будет приведен в соответствие с законами региона и всей страны, категорически запрещающими дискриминацию по полу, совет не разрешит предстоящее застолье в традиционно пред-

назначенном для этого месте, а сам алькальд, также состоящий в рядах братства, не примет участия в торжестве.

Упрямым для принятия правильного решения отвели срок до 2010 г. Как указывал комментатор, перед лицом столь серьезной угрозы братство «замерло в размышлении». Под сильнейшим давлением администрации и судебных инстанций разных уровней, после долгой и ожесточенной полемики в самом культурно-религиозном сообществе, братья большинством голосов согласились, наконец, отменить статью устава, запрещающую принятие женщин в свои ряды. Однако традиционное пиршество 2009 г. было проведено – в последний раз! – еще по прежнему регламенту.

Обстоятельства этого конкретного мероприятия заслуживают внимания. Сама трапеза, по причине того, что она проводилась еще по старому, «дискриминационному», регламенту, была вычеркнута из официальной праздничной программы, хотя до того на протяжении более четырех столетий она считалась гвоздем торжеств. Никто из представителей местной администрации, как и было объявлено заранее, не сел за праздничный стол в числе 400 с лишним мужчин – членов братства. В остальном же это массовое традиционное пиршество прошло, по мнению его участников, «как положено», если не считать того, что на этот раз ему предшествовала манифестация группы молодых людей и около полусотни сочувствующих им граждан. Активисты установили у дверей городского совета несколько рядов стульев, на которые никто не сел и которые символизировали места, предназначенные для женщин на предстоящей праздничной трапезе. Было оглашено заявление с выражением протеста против «запретов и дискриминации». Как сообщалось в СМИ, слушателями и зрителями протестной акции были только присутствовавшие здесь репортеры и операторы. Тысячи жителей городка и гостей, съехавшиеся на праздник в воскресный день, демонстративно игнорировали призывы сторонников гендерного равенства в традиционных обычаях. Они гуляли и развлекались в ожидании того момента, когда можно будет посмотреть на публично пирующих членов братства Сан-Роке.

Год спустя в испанских газетах появились заголовки типа «Впервые за 400 с лишним лет женщины участвуют в трапезе братства Сан-Роке». К тому моменту, т.е. к августу 2010 г., в его состав приняли пятнадцать женщин, и только одной из них было позволено принять участие в знаменитом застолье под стенами приходской церкви (Lagauri 2009; Mujeres... 2010).

Инновации воспринимаемые и инновации отторгаемые

Представляется, что ряд описанных выше ситуаций (он мог бы быть продолжен) дает возможность зафиксировать, как в сфере традиционной праздничной культуры – пусть косвенно, в опосредованном виде,

но проявляется отношение населения к тому интенсивному воздействию «извне» и «изнутри» Испании, которому в настоящее время подвергаются некоторые важные аспекты жизни испанского общества с целью радикально их трансформировать.

Прежде всего, мы видим здесь, что подавляющее большинство местных жителей готовы (и реализует эту готовность) пожертвовать скрупулезным следованием традиции, которую до того свято соблюдали и ежегодно тщательно воспроизводили они сами, а ранее – многие поколения их предков. Любопытно при этом, что в разряд содержательных элементов праздничного комплекса, с изъятием которых (во имя «политкорректности») местное общество так или иначе смиряется, попадают именно те элементы, которые являются, казалось бы, смысловым стержнем данного праздника и которые связаны с тематикой вооруженного противостояния на Пиренейском полуострове арабов-мусульман и испанцев-христиан вкупе с итоговым торжеством христианской стороны. А камнем преткновения на поле относительного общественного согласия неожиданно оказывается второстепенный, казалось бы, вопрос об участии женщин в праздничных акциях и церемониях наравне с мужчинами. Граждане резко разделяются в этом вопросе на «прогрессистов» и «реакционеров» (причем в каждом из двух лагерей присутствуют представители обоих полов, так что речь не идет о примитивном противостоянии женщин и мужчин). И несмотря на то что на стороне первых – вся мощь доминирующей идеологии и авторитет ее влиятельных носителей, вторые упорно сопротивляются, используя сравнительно небольшой, но труднопреодолимый ресурс (древние писанные регламенты праздничных братств). Обе «партии» глубоко убеждены в своей правоте, за каждой из них – определенное мировоззрение со своим набором ценностей, представлений и стереотипов.

Велико искушение провести здесь прямую связь с повседневной жизнью и сделать однозначный вывод о том, что сопротивление участию женщин в древнем обряде в нарушающей его исходный регламент роли свидетельствует о том, что в местном обществе до сих пор сохраняются патриархальный характер отношений и системная дискриминация женщин, что власть в этой системе реально принадлежит мужчинам и они яростно борются за ее сохранение, в том числе и на символическом уровне.

Такой способ истолкования событий представляется вполне логичным и убедительным, тем более, что некоторые его сторонники из среды наших испанских коллег опираются при этом на авторитет корифеев общественных наук (в том числе и этнологов). Однако мне в данном случае более убедительной и, главное, более соответствующей фактам представляется иная трактовка. Очень похоже, что «гендерный спор» в рамках традиционного праздника отражает – в своеобразной, символи-

ческой манере – отношение значительной части местного населения к напористому, нередко агрессивному идеологическому давлению, которое воспринимается как имеющее целью *устранить разницу как таковую между мужчинами и женщинами* во всех сферах общественной жизни и тем подорвать одну из сущностных опор социального бытия. Причем побудительные мотивы такого рода могут не осознаваться людьми, однако возбуждать их иррационально, на уровне своего рода социального инстинкта, или «инстинкта коллективного самосохранения», который резко обостряется, когда дело доходит (или многими ощущается, что доходит) до угрозы самому существованию общества, в котором они живут – по крайней мере, в его прежнем виде.

Сходные по сути примеры таких неосознанных и порой, казалось бы, противоречащих здравому смыслу коллективных реакций можно видеть и в знаменитом образе «дубины народной войны», созданном Львом Толстым в «Войне и мире» (Толстой 1968: 492–493); и в концепции спонтанности, «естественности» феномена терроризма в Стране басков – в ответ на разрушение баскской традиционной культуры и уклада жизни под воздействием сил модернизации (Кожановский 2004: 177–191); наконец, в гораздо более резкой и болезненной реакции практически любой земляческой, этнической или конфессиональной общины на преступление против ее члена – в том случае, если преступник принадлежит к иной по этим параметрам группе.

Иначе обстоит дело с прочими упомянутыми в статье формами, темами и атрибутами традиционной праздничной обрядности, на которые в последние десятилетия и даже годы направлены все возрастающие усилия по их радикальному преобразованию в соответствии с «духом времени» – вплоть до намерений ликвидировать те из них, которые не поддаются исправлению. Сопrotивление защитников этих сюжетов в целом с каждым годом очевидно слабеет, что говорит, во-первых, о прогрессирующем укоренении в испанском обществе норм и категорий «политкорректности» в широком смысле слова, перед которыми отступают и никнут казавшиеся еще недавно незыблемыми культурно-идеологические ценности и убеждения. Последние стоят за отменяемыми и «исправляемыми» моделями и образцами и связаны, соответственно, с признаваемыми «устаревшими» представлениями о сущности своего народа, об истории своей страны, о значении религии, об отношениях полов, народов, конфессий, о правах личности и т.д. Во-вторых, ослабевающее сопротивление говорит о том, что в этих случаях глубинные трансформации не ощущаются как вредоносные и разрушительные для общества.

Литература

Кожановский А.Н. Политическая борьба и культурно-историческая традиция: к вопросу о научном подходе к баскскому терроризму // *Historia animata*: сб. ст. М., 2004. Ч. II. С. 177–191.

- Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 3–4 / Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Т. 114. М.: Худ. лит., 1968.
- Abella C.* Tiempo de construir. URL: http://elpais.com/diario/2010/03/04/cultura/1267657201_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Bericat Alastuey E.* Fragmentos de la realidad social posmoderna // REIS (Revista Española de Investigaciones Sociológicas). 2003. № 102. P. 9–46.
- Boix S.* Coherencia política. URL: http://elpais.com/diario/2010/06/06/cultura/1275775207_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Bullen M.L.* Transformaciones socio-culturales y la recreación de una fiesta. URL: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/zainak/24/09370953.pdf> (дата обращения: 21.07.2016).
- Gadea L.* Alcoi aprovechará las elecciones europeas para consultar cambios en sus fiestas. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2014/02/13/valencia/1392309641_306489.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Gadea L.* Una 'filà' de Alcoy niega a una mujer que desfile junto a los hombres. URL: http://elpais.com/diario/2002/04/14/cvalenciana/1018811894_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Gadea L.* Ni moras ni cristianas. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2012/04/22/valencia/1335120864_420927.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Gadea L.* Pueblos valencianos suprimen de las fiestas actos ofensivos a Mahoma. URL: http://elpais.com/diario/2006/10/02/espana/1159740010_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- García A.* Ya no queman a la Mahoma. URL: <http://www.elmundo.es/suplementos/cronica/2006/537/1139698802.html> (дата обращения: 21.07.2016).
- Gil D.* Pasando la fiesta de moros y cristianos con la comunidad musulmana de Alcoy. URL: <http://www.vice.com/es/read/pasando-la-fiesta-de-moros-y-cristianos-con-la-comunidad-musulmana-de-alcoy> (дата обращения: 21.07.2016).
- Giner J.R.* Confetis morados. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2012/04/15/valencia/1334517737_528249.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Gómez Pin V.* Abolición y repudio. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2010/07/28/actualidad/1280268003_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Hondarribia vive hoy su gran día.* URL: <http://www.diariovasco.com/bidasoa/201509/08/hondarribia-vive-gran-20150907203309.html> (дата обращения: 21.07.2016).
- Jiménez Cano R.* El mundo del toro solo ve motivos políticos. URL: http://elpais.com/diario/2010/07/25/revistaverano/1280008804_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Lamo de Espinosa E.* Pasamos de contrareforma a la contracultura en pocos años // La Nueva España. 01.03.2009. P. 11–12. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/c9b977004f018fc0b903fd3170baead1/La+Nueva+Espaa+01-03-2009.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=c9b977004f018fc0b903fd3170baead1> (дата обращения: 21.07.2016).
- Larrauri E.* Ninguna tradición justifica la exclusión y la discriminación de género, todas están vivas y todas cambian continuamente. URL: <https://heterodoxia.wordpress.com/2009/08/> (дата обращения: 21.07.2016).
- Lecumberri Napal J.* El Alarde de Hondarribia, un desfile que discrimina a las mujeres. URL: <http://www.lavanguardia.com/local/pais-vasco/20150904/54436210679/alarde-hondarribia-desfile-discrimina-mujeres.html> (дата обращения: 21.07.2016).
- Lorca A.* La izquierda entra como un miura en la fiesta de los toros. URL: http://politica.elpais.com/politica/2015/07/30/actualidad/1438276966_756971.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Mirari Artime.* Las cuadrillas de Lekeitio podrán participar en la fiesta de los gansos con patos de goma. URL: <http://www.elcorreo.com/bizkaia/costa/201408/27/cuadrillas-lekeitio-podran-participar-20140826203542.html> (дата обращения: 21.07.2016).

- Moltó E.* ¿Irán? No, Alcoi. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2013/04/21/valencia/1366568034_970594.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Moltó E.* 'La mahoma' se cae de las fiestas de Moros y Cristianos. URL: http://elpais.com/diario/2006/10/07/espana/1160172022_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Montero Y.* Las fiestas miden la igualdad real. URL: http://elpais.com/diario/2009/01/18/paisvasco/1232311199_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Mosterin J.* La España negra y la tauromaquia. URL: http://elpais.com/diario/2010/03/11/opinion/1268262004_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Mujeres comen por primera vez en la Cofradía de Llodio después de 400 años.* URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2010/08/29/paisvasco/1283095068.html> (дата обращения: 21.07.2016).
- Municipios alicantinos suprimen actos de Moros y Cristianos para evitar ofender a los musulmanes.* URL: http://www.lasprovincias.es/prensa/20061008/tema_dia/moros-cristianos-suavizan-fiesta_20061008.html (дата обращения: 21.07.2016).
- El nuevo mapa político pone en cuestión los festejos taurinos.* URL: http://politica.elpais.com/politica/2015/07/28/actualidad/1438075195_499875.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Ordaz P.* Alardes de intolerancia. URL: <http://www.mujeresenred.net/spip.php?article335> (дата обращения: 21.07.2016).
- Ormazabal M.* Plásticos negros de rechazo a la mujer en el Alarde de Hondarribia. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/09/08/paisvasco/1441706961_939079.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Podemos proibirá la tradición de los 'Moros y Cristianos' para no ofender al Islam // Mediterráneo Digital, 19.03.2015.* URL: <http://www.mediterraneodigital.com/portada/nacional/edicion-comunidad-valenciana/alicante/podemos-prohibira-la-tradicion-de-los-moros-y-cristianos-para-no-ofender-al-islam.html> (дата обращения: 21.07.2016).
- Portero A.* Lekeitio, una fiesta con mucho más que gansos. URL: <http://www.deia.com/2015/09/04/ocio-y-cultura/lekeitio-una-fiesta-con-mucho-mas-que-gansos> (дата обращения: 21.07.2016).
- Rey Martínez F.* El Alarde de Irún y la prohibición constitucional de discriminación por razón de sexo. URL: <http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=941355> (дата обращения: 21.07.2016).
- Ruiz A.M.* La identidad europea de los españoles: sentido pasado y presente de la identificación con Europa en España -1ª Parte. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/ri/elcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/europa/dt61-2004#inicio (дата обращения: 21.07.2016).
- Ruiz Sierra J.* La quema de Mahoma desaparece de la fiesta de moros y cristianos por temor. URL: http://www.elperiodicomediterraneo.com/noticias/sociedad/quema-mahoma-desaparece-la-fiesta-moros-cristianos-temor_251383.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Santamarina Campos B.* Moros y cristianos. De la batalla festiva a la discursive. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G24_16Beatriz_Santamarina_Campos.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Savater F.* Un abuso arrogante. URL: http://elpais.com/diario/2010/03/04/cultura/1267657203_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Tezanos Tortajada J.F., Villalón Ogayar J.J., Díaz Moreno V.* Tendencias de cambio de las identidades y valores de la juventud en España. 1995–2007. URL: http://xuventude.xunta.es/uploads/Tendencias_de_cambio_de_las_identidades_y_valores_de_la_juventud_en_Espaa_1995-2007.pdf (дата обращения: 21.07.2016).
- Valenzuela J.* Tampoco ahora se rompe España. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2010/07/28/actualidad/1280268005_850215.html (дата обращения: 21.07.2016).
- Vila L.* Los Moros y Cristianos de Alcoy vuelven a prohibir a dos mujeres hacerse socias. URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2013/03/27/alicante/1364376599.html> (дата обращения: 21.07.2016).

Zafra I. El 'no a los toros' gana el primer referéndum local en Valencia. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/11/23/valencia/1448274406_604026.html (дата обращения: 21.07.2016)

Статья поступила в редакцию 25 июля 2016 г.

Kozhanovskiy Aleksandr N.

TRADITIONAL CELEBRATIONS IN SPAIN AT THE TURN OF THE 20TH – 21ST CENTURIES AS AN ARENA FOR CULTURAL AND VALUE CONFRONTATION

Abstract. Comprehensive changes observed over the last decades worldwide have proved to be deeper and more radical in Spain than in other Western European states due to the country's historical development. Many of the previously cherished socio-cultural values and norms underwent significant transformation to correspond to the principles of the country's currently prevailing ideology. Drawing upon the material collected during Spanish traditional folk celebrations where the essence of the current processes can be clearly seen, the article explores the character, the course, and the outcomes of interaction and confrontation of the 'new' and 'old' socio-ideological orders.

Keywords: Spain, celebrations, tradition, values, transformation, public opinion

DOI: 10.17223/2312461X/15/4

References

- Kozhanovskii A.N. Politicheskaya bor'ba i kulturno-istoricheskaya traditsiia: k voprosu o nauchnom podkhode k baskkomu terrorizmu [Political struggle and cultural-and-historical tradition: on the academic approach towards Basque terrorism], *Historia animata. Sbornik statei* [A collection of papers]. Part II. Moscow, 2004, pp. 177–191.
- Tolstoy L.N. *Voina i mir* [War and peace]. Vol. 3–4. Biblioteka vseмирnoi literatury. Seriya vtoraiia. Vol. 114. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1968, pp. 492–493.
- Abella C. *Tiempo de construir*. Available at: http://elpais.com/diario/2010/03/04/cultura/1267657201_850215.html (Accessed 21.07.2016).
- Bericat Alastuey E. Fragmentos de la realidad social posmoderna, *REIS (Revista Española de Investigaciones Sociológicas)*, 2003, no. 102, pp. 9–46.
- Boix S. *Coherencia política*. Available at: http://elpais.com/diario/2010/06/06/cultura/1275775207_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Bullen M.L. *Transformaciones socio-culturales y la recreación de una fiesta*. Available at: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/zainak/24/09370953.pdf> (Accessed 21 July 2016).
- Gadea L. *Alcoi aprovechará las elecciones europeas para consultar cambios en sus fiestas*. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2014/02/13/valencia/1392309641_306489.html (Accessed 21 July 2016).
- Gadea L. *Una 'filà' de Alcoi niega a una mujer que desfile junto a los hombres*. Available at: http://elpais.com/diario/2002/04/14/cvalenciana/1018811894_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Gadea L. *Ni moras ni cristianas*. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2012/04/22/valencia/1335120864_420927.html (Accessed 21 July 2016).
- Gadea L. *Pueblos valencianos suprimen de las fiestas actos ofensivos a Mahoma*. Available at: http://elpais.com/diario/2006/10/02/espana/1159740010_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- García A. *Ya no queman a la Mahoma*. Available at: <http://www.elmundo.es/suplementos/cronica/2006/537/1139698802.html> (Accessed 21 July 2016).
- Gil D. *Pasando la fiesta de moros y cristianos con la comunidad musulmana de Alcoi*. Available at: <http://www.vice.com/es/read/pasando-la-fiesta-de-moros-y-cristianos-con-la-comunidad-musulmana-de-alcoi> (Accessed 21 July 2016).

- Giner J.R. *Confetis morados*. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2012/04/15/valencia/1334517737_528249.html (Accessed 21 July 2016).
- Gómez Pin V. *Abolición y repudio*. Available at: http://cultura.elpais.com/cultura/2010/07/28/actualidad/1280268003_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Hondarribia vive hoy su gran día*. Available at: <http://www.diariovasco.com/bidasoa/201509/08/hondarribia-vive-gran-20150907203309.html> (Accessed 21 July 2016).
- Jiménez Cano R. *El mundo del toro solo ve motivos políticos*. Available at: http://elpais.com/diario/2010/07/25/revistaverano/1280008804_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Lamo de Espinosa E. Pasamos de contrareforma a la contracultura en pocos años, *La Nueva España*, 01.03.2009, pp. 11–12. Available at: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/c9b977004f018fc0b903fd3170baead1/La+Nueva+Espaa+01-03-2009.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=c9b977004f018fc0b903fd3170baead1> (Accessed 21 July 2016).
- Larrauri E. *Ninguna tradición justifica la exclusión y la discriminación de género, todas están vivas y todas cambian continuamente*. Available at: <https://heterodoxia.wordpress.com/2009/08/> (Accessed 21 July 2016).
- Lecumberri Napal J. *El Alarde de Hondarribia, un desfile que discrimina a las mujeres*. Available at: <http://www.lavanguardia.com/local/pais-vasco/20150904/54436210679/alarde-hondarribia-desfile-discrimina-mujeres.html> (Accessed 21 July 2016).
- Lorca A. *La izquierda entra como un miura en la fiesta de los toros*. Available at: http://politica.elpais.com/politica/2015/07/30/actualidad/1438276966_756971.html (Accessed 21 July 2016).
- Mirari Artime. *Las cuadrillas de Lekeitio podrán participar en la fiesta de los gansos con patos de goma*. Available at: <http://www.elcorreo.com/bizkaia/costa/201408/27/cuadrillas-lekeitio-podran-participar-20140826203542.html> (Accessed 21 July 2016).
- Moltó E. *¿Irán? No, Alcoi*. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2013/04/21/valencia/1366568034_970594.html (Accessed 21 July 2016).
- Moltó E. *‘La mahoma’ se cae de las fiestas de Moros y Cristianos*. Available at: http://elpais.com/diario/2006/10/07/espana/1160172022_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Montero Y. *Las fiestas miden la igualdad real*. Available at: http://elpais.com/diario/2009/01/18/paisvasco/1232311199_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Mosterin J. *La España negra y la tauromaquia*. Available at: http://elpais.com/diario/2010/03/11/opinion/1268262004_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Mujeres comen por primera vez en la Cofradía de Llodio después de 400 años*. Available at: <http://www.elmundo.es/elmundo/2010/08/29/paisvasco/1283095068.html> (Accessed 21 July 2016).
- Municipios alicantinos suprimen actos de Moros y Cristianos para evitar ofender a los musulmanes*. Available at: http://www.lasprovincias.es/prensa/20061008/tema_dia/moros-cristianos-suavizan-fiesta_20061008.html (Accessed 21 July 2016).
- El nuevo mapa político pone en cuestión los festejos taurinos*. Available at: http://politica.elpais.com/politica/2015/07/28/actualidad/1438075195_499875.html (Accessed 21 July 2016).
- Ordaz P. *Alardes de intolerancia*. Available at: <http://www.mujeresenred.net/spip.php?article335> (Accessed 21 July 2016).
- Ormazabal M. *Plásticos negros de rechazo a la mujer en el Alarde de Hondarribia*. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/09/08/paisvasco/1441706961_939079.html (Accessed 21 July 2016).
- Podemos prohibirá la tradición de los ‘Moros y Cristianos’ para no ofender al Islam, *Mediterráneo Digital*, 19.03.2015. Available at: <http://www.mediterraneodigital.com/portada/nacional/edicion-comunidad-valenciana/alicante/podemos-prohibira-la-tradicion-de-los-moros-y-cristianos-para-no-ofender-al-islam.html> (Accessed 21 July 2016).

- Portero A. *Lekeitio, una fiesta con mucho más que gansos*. Available at: <http://www.deia.com/2015/09/04/ocio-y-cultura/lekeitio-una-fiesta-con-mucho-mas-que-gansos> (Accessed 21 July 2016).
- Rey Martínez F. *El Alarde de Irún y la prohibición constitucional de discriminación por razón de sexo*. Available at: <http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=941355> (Accessed 21 July 2016).
- Ruiz A.M. *La identidad europea de los españoles: sentido pasado y presente de la identificación con Europa en España -1ª Parte*. Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/ri/elcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/europa/dt61-2004#inicio (Accessed 21 July 2016).
- Ruiz Sierra J. *La quema de Mahoma desaparece de la fiesta de moros y cristianos por temor*. Available at: http://www.elperiodicomediterraneo.com/noticias/sociedad/quema-mahoma-desaparece-la-fiesta-moros-cristianos-temor_251383.html (Accessed 21 July 2016).
- Santamarina Campos B. *Moros y cristianos. De la batalla festiva a la discursiva*. Available at: http://www.ugr.es/~pwlac/G24_16Beatriz_Santamarina_Campos.html (Accessed 21 July 2016).
- Savater F. *Un abuso arrogante*. Available at: http://elpais.com/diario/2010/03/04/cultura/1267657203_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Tezanos Tortajada J.F., Villalón Ogayar J.J., Díaz Moreno V. *Tendencias de cambio de las identidades y valores de la juventud en España. 1995-2007*. Available at: http://xuventude.xunta.es/uploads/Tendencias_de_cambio_de_las_identidades_y_valores_de_la_juventud_en_Espaa_1995-2007.pdf (Accessed 21 July 2016).
- Valenzuela J. *Tampoco ahora se rompe España*. Available at: http://cultura.elpais.com/cultura/2010/07/28/actualidad/1280268005_850215.html (Accessed 21 July 2016).
- Vila L. *Los Moros y Cristianos de Alcoy vuelven a prohibir a dos mujeres hacerse socias*. Available at: <http://www.elmundo.es/elmundo/2013/03/27/alicante/1364376599.html> (Accessed 21 July 2016).
- Zafra I. *El 'no a los toros' gana el primer referéndum local en Valencia*. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/11/23/valencia/1448274406_604026.html (Accessed 21 July 2016).

УДК 316.7

DOI: 10.17223/2312461X/15/5

ПО СТОПАМ ЭГИЛЯ: ШЕСТ НИДА В СОВРЕМЕННОЙ ИСЛАНДИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI в.)

Ирина Алексеевна Кучерова

Аннотация. В настоящей статье на материалах СМИ, интервью и интернет-источников рассматривается возрождение в Исландии с 70-х гг. XX в. средневекового ритуала воздвижения *шеста нида*. Если в средние века шест нида использовался в качестве ритуализованного оскорбления в женоподобии, обладающего магическим воздействием на адресата, то во второй половине XX в. он становится устойчивым элементом массовых протестов против политики исландского правительства и загрязнения окружающей среды. Образцом для создания шеста нида становится «Сага об Эгиле», что приводит к его унификации по сравнению с описаниями в средневековых источниках. Из магического ритуала воздвижение шеста нида превращается в способ протеста против нарушения интересов исландцев, а также в своего рода перформанс, способ выражения исландской идентичности. Несмотря на произошедшие изменения, суть нида – обвинение в нарушении социальных норм и моральных обязательств – остается прежней.

Ключевые слова: Исландия, шест нида, массовые протесты, исландские саги

Níðstangir eru eitthvað sem við getum öll verið stolt af sem Íslendingar.

Шесты нида – это то, чем все мы как исландцы можем гордиться.

Из комментария пользователя Árni (Níð 2006)

«Он [Эгиль. – *И.К.*] взял орешниковую жердь и взобрался с ней на скалистый мыс, обращенный к материку. Эгиль взял лошадиный череп и насадил его на жердь. Потом он произнес заклятье, говоря: “Я воздвигаю здесь эту жердь [в оригинале – *níðstöng*, т.е. «шест нида». – *И.К.*] и посылаю проклятие [в оригинале – «поворачиваю нид». – *И.К.*] конунгу Эйрику и его жене Гуннхильд, – он повернул лошадиный череп в сторону материка. – Я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из Норвегии”. Потом он всадил жердь в расщелину скалы и оставил ее там. Он повернул лошадиный череп в сторону материка, а на жерди вырезал рунами сказанное им заклятье» (Сага об Эгиле 1999: 201)¹.

Этот известный фрагмент, описывающий воздвижение нида против норвежского короля и его матери исландским скальдом Эгилем Скал-

лагримссоном, взят из одноименной саги, датируемой XIII в. Восемь веков спустя, в 2009 г., мы читаем в газете «Dagblaðið», как тезка скальда Эгиля, физик Эгиль Эгильссон, устанавливая лошадиную голову со светодиодами в глазницах на шест, вновь произносит практически те же самые слова: «Я воздвигаю здесь эту жердь и посылаю проклятие *Landsvirkjun* [«Национальная энергетическая компания». – И.К.], ее политике под руководством Фридрика Софуссона. Я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят *Landsvirkjun* из всех земель от Гейксхёвди до устья Тьерсау»². Эгиль Эгильссон не одинок в своем пристрастии к средневековой магии; история Эгиля Скаллаgrimссона неоднократно повторяется в Исландии на протяжении второй половины XX – начала XXI вв.: шесты нида сооружают студенты и обманутые вкладчики, неоязычники и антивоенные активисты, «зеленые» и художники. В настоящей статье на материале исландских СМИ, блогов и интервью мне хотелось бы подробнее рассмотреть этот феномен и причины его появления: почему средневековый символ вновь становится актуальным? Кем и в каких ситуациях он используется? Как шест нида изменяется со временем, и остается ли что-то общее с описанным в сагах ритуалом?

Средние века

Впервые понятие нида появляется в скандинавских источниках XII–XIII вв. Несмотря на то что в текстах не дается его точной формулировки, нид можно условно определить как демонстративное оскорбление, представлявшее собой ритуализованное адресное обвинение в социальной/сексуальной извращенности и обладавшее, как считалось, магическим воздействием. Норвежские и исландские сборники законов XII–XIII вв. («Законы Гулатинга», «Законы Фростатинга», «Серый Гусь» и др.) признавали создание нида серьезным преступлением, за которое предусматривалось суровое наказание: «Ни один человек не должен делать устного нида о другом, ни деревянного нида. И если о ком-то это станет известно, и будет доказано, что он это сделал, тогда он будет объявлен вне закона»³ (*Gulathingis-Lov* 1846: 57). Более подробные сведения о ниде можно найти в различных литературных источниках: «Деяниях данов» Саксона Грамматика (XII в.), текстах саг («Круг Земной»; «Сага об Эгиле Скаллаgrimссоне», «Сага о Бьёрне-богатыре с Хит-реки», «Сага об Гисли сыне Кислого», «Сага о людях из Озерной долины») и прядей⁴ («Прядь о Торлейве ярловом скальде», «Прядь о Халли Челноке»), а за пределами Скандинавии – в английских судебных документах («*Forest pleas of Rockingham*»⁵, XIII в.).

Вслед за Э. Нуреном (Noreen 1922) исследователи считают центральным для семантики нида понятие *ergi*⁶ (сущ.) или *argr/ragr* (прил.), означавшее некую извращенность как в сексуальном плане, так и в социальном⁷. Культура и взаимодействие людей в различных сферах в представлении средневековых исландцев были связаны с системой определенных табу и ограничений. Их нарушение означало уподобление человека животному⁸ или существу иного мира и влекло за собой его исключение из общества (что было серьезным наказанием в социуме, построенном на системе личных отношений). Таким образом, немужественность в комплексе нида приравнивалась к несоблюдению следующих запретов:

- нарушение гендерных границ (несоответствующая полу одежда, пассивный гомосексуализм, «женские» черты характера. Крайнее проявление – обвинение мужчины в том, что он рождает детей);
- нарушение брачных границ (половой партнер из «иного мира»: обвинения в связи с кобылой / жеребцом, троллем / троллихой);
- нарушение статусных границ (упреки в низкостатусной работе, ассоциация с рабами);
- нарушение социальных обязательств (скупость, нежелание помочь родственникам/свойственникам, нежелание мстить, убийство родичей).

Соответственно, неотъемлемой частью нида являлось обвинение противника в женоподобии и недостойных поступках. Мужчину, считавшегося *argr*, отличали аномальный внешний вид («женская» одежда, безбородость), нетипичное поведение (отсутствие интереса к противоположному полу, трусость), неспособность ограничивать базовые телесные потребности (похоть, обжорство, дефекация в неположенном месте). Обратной стороной такого обвинения часто являлось подчеркнутое утверждение собственной мужественности заявителя, поэтому П. Мэуленграхт Сёренсен тесно связывает гомосексуальную тематику нида с символической «фаллической агрессией» (Meulengracht Sørensen 1967: 27).

Как уже упоминалось выше, нид мог быть устным (*tungunið*) или «деревянным» (*trénið*). Исландский судебник «Серый гусь» делит «деревянный нид» еще на две категории: собственно *trénið* и *níðstöng* («шест нида») (Grágás 1974 [1852]: 183). Устный нид представлял собой ритуализованное оскорбление противника в широком смысле этого слова. Особую действенность ему придавала стихотворная форма – магическая функция поэзии была ярко выражена в восприятии средневековых скандинавов (Almqvist 1965). «Связанное слово» (*bundit mál*) с его аллитерациями, внутренними рифмами, а также возможностью записи рунами усиливало эффективность хулы и гарантировало ее лучшее запоминание и более широкое распространение. Боязнь «скрытого нида» привела к практически полному запрету на сочинение поэзии в

принципе, что отразилось в сборниках законов: *Hvarke a maðr at yrkja vt man löst ne löf* – «Никто не должен складывать о другом ни хулы, ни хвалы» (Grágás 1974 [1852]: 183). Умелый скальд мог замаскировать язвительную насмешку видимыми дифирамбами, тем самым нанеся урон мужественности адресата⁹.

Если стихотворный нид представлял собой устную хулу, обладающую магическим действием за счет особой формы, то «деревянный нид», чьи описания сохранились в нескольких сагах, был хулой символической (Ström 1974: 11). Это мог быть *trénið* – две деревянные мужские фигуры, стоящие одна за другой с явным намеком на гомосексуальные отношения; они сопровождалась определенными визуальными маркерами, указывающими на адресата («Сага о Гисли сыне Кислого» и «Сага о Бьёрне Богатыре из Хит-долины»). Другим вариантом, согласно источникам, был *níðstöng* (букв. *шест нида*) – шест с вырезанной на конце человеческой головой, на который насаживалась принадлежавшая противнику лошадь с распоротым брюхом («Сага о людях из Озерной долины»). На палку могла быть надета и повернутая в сторону противника голова кобылы с вырезанными и окрашенными кровью рунами («Сага об Эгиле») или с разинутой пастью, удерживаемой палочками («Деяния данов»). Воздвижение шеста могло сопровождаться определенной формулой – устной или записанной рунами, часто содержащей призыв к духам-охранителям земли. Таким образом, нид мог быть не только способом выражения агрессии, но и средством защиты. С его семантикой тесно связан и визуальный ряд: мертвая кобыла – проводник в «иной мир» и одновременно намек на обвинения в женоподобии и скотоложестве¹⁰; деревянный шест – фаллический символ и мировое дерево, соединяющее «свой» и «иной» миры; голова на шесте – магический страж, следящий за соблюдением проклятия и направляющий его в нужную сторону, но она может интерпретироваться и как «глаза» духа-охранителя; окровавленные руны – не только «жертва» духам, но и визуальное представление текста, усиленное символикой рун, а также своеобразное «письмо в иной мир». Стихотворная форма усиливала влияние текстовой формулы, конкретизирующей адресата и желаемый результат действия нида, одновременно выступая гарантией эффективной передачи сообщения как в потусторонний, так и в здешний миры (текст, разумеется, читали не только духи, но и соседи, и проезжие путники – стихи было легче запомнить и передать дальше, что увеличивало потенциальный урон для вражеской чести). Как пишет И.Г. Матюшина, «назначение всего, что совершается, вероятно, состоит в том, чтобы обеспечить весьма существенную для ритуала адекватность действенной его части вербальному сопровождению: отсутствующего обвиняют в трусости и женоподобии трижды – начертанными рунами, устным закланием и всем тем, что называется *níðstöng*. . .» (Гуревич, Матюшина 2000: 458).

Очевидно, что нид выполнял определенные функции в обществе: коммуникативную (трансляция сообщения об исключении адресата и – в некоторых вариантах – способ общения с духами земли), аксиологическую (нарушение норм лишь подтверждает их (Meulengracht Sørensen 1967: 24)), магическую. Нид мог использоваться в целом ряде случаев: чтобы отомстить более сильному врагу или ослабить непришедшего на поединок; чтобы повысить свой статус, подчеркнув превосходство над противником (здесь можно вспомнить русский жаргонизм «опустить», который одновременно подразумевает сексуальное насилие и понижение статуса мужчины); чтобы исключить из социума нарушителя норм (ниды про миссионеров), физически изгнать его из страны («Сага об Эгиле») или не допустить на свою территорию (коллективный нид исландцев против норвежского конунга в «Круге Земном»). Наконец, нид мог выступать своеобразным символическим капиталом, средством торговли или манипуляции, как в «Пряди о Халли Челноке». Результатом правильно созданного нида могло стать изгнание или болезнь противника. Целью обряда (как и произносимого текста в случае стихов) являлось исключение адресата из общества: из мира мужчин и из мира живых, в идеале – социальная и/или физическая смерть врага.

Современность

С ростом влияния христианской культуры, а также в связи с преследованием со стороны закона традиция нида постепенно исчезала или, что более вероятно, уходила в тень: описания шеста с рыбьей головой, используемого для связи с иным миром (погодная магия), присутствуют и в более поздних текстах. Б. Алмквист видит следы стихотворного нида в «поэзии сильных скальдов» XVI–XIX вв., оказывающей магическое воздействие на окружающий мир (Almqvist 1965). Клизби и Вигфуссон связывают нид с *beinakerlingavísur* – стишками (как правило, довольно грубыми), нацарапанными путниками на костях овечьих ног и лошадиных черепах, сложенных на пирамидах из камней, для следующего идущего этой дорогой (Cleasby, Vigfusson 1847: 450).

Однако в XX в. в Исландии (а также в других странах, в первую очередь, скандинавских) вновь начинают появляться и устные, и «деревянные» ниды. Характерной чертой является их опора на средневековую литературу, прежде всего на саги. Абсолютным лидером по числу подражаний становится «Сага об Эгиле», традиция нида буквально копируется по ее образцу. Рост национализма, в котором саги играют важную идеологическую роль (Byock 1992, 1994; Jón Karl Helgason 1999; Guðmundur Hálfðanarson 2011), и получение Исландией независимости также требуют воссоздания элементов «исконно исландской культуры», «изобретения традиции» по Хобсбауму. Актуали-

зации «традиции нида», ее распространению и постепенному приведению к единому образцу способствовал целый ряд факторов:

– Выпуск серии *Íslenzk fornrit* – первого популярного издания средневековой исландской литературы. «Сага об Эгиле» (1933 г.) стала вторым томом после «Книги об исландцах» и «Книги о заселении земли», фактически открыв эту серию (первый том вышел значительно позже, в 1968 г.). Помимо литературных достоинств, причиной такого выбора, вероятно, является и показанное в тексте стремление исландцев к независимости от норвежского короля.

– Изменения в системе школьного образования: «Сага об Эгиле» (как и несколько других саг, в которых упоминаются нида) вошла в программу по литературе и была предложена ученикам для обсуждения.

– Вписанность саг в ландшафт Исландии: в городской (улицы Рейкьявика называли в честь героев саг (Jón Karl Helgason 1999: 139–151)) и в природный, особенно в сельской местности, где сохранились средневековые топонимы и представления о событиях саг, происшедших в этих краях (Hastrup 2008).

– Восприятие старшим поколением (в том числе профессиональными историками и филологами) саг как реальной истории, «золотого века Исландии» и, в какой-то мере, образца для подражания, а событий, описанных в текстах саг, – как неких «реперных точек» для соотнесения с современностью (Hastrup 1998, Jón Karl Helgason 2005).

– Участие в процессе создания одного из первых нидов исландского неоязыческого общества *Ásatrúarfélagið Íslands* («Исландское общество асатру», далее ИОА), занимающегося творческой реконструкцией традиции.

– Активное освещение в СМИ практически всех попыток построения нида.

– Проект всеобщего генетического обследования и расшифровки генома DeCode, создавший «воображаемое генетическое сообщество» (Simpson 2000) (о проекте см., напр.: Palsson and Rabinow 1999), «научно обосновавший» саги¹¹, а также государственный проект исландских генеалогий *landnamabok.is*, давший возможность многим проследить свою родословную от героев саг (например, Эгиля Скаллагримссона).

– Выход нида в виртуальное пространство (Интернет, блоги) и использование образа нида для конструирования своей идентичности.

Первое сообщение о нида в исландских СМИ появилось в 1930 г. (*Stúdentar* 1930): студенты в Осло соорудили нид (палку с головой коровы на конце), чтобы показать свое недовольство назначением профессора, которого они считали недостойным. Ровно через 25 лет, в 1955 г., опубликована первая новость о нида в Исландии: коровья голо-

ва на шесте была принесена студентами в соседнее общежитие, где происходила «инициация» новичков (Níðstöng 1955; см. также к фото к статье). Затем – вплоть до 1975 г. – в газетах отсутствовали упоминания о воздвигнутых шестах нида¹². Это, однако, не означало исчезновения нида с их страниц: он всплывал как в регулярных упоминаниях соответствующего сюжета из «Саги об Эгиле», так и в выражении *að reisa (sér) níðstöng* – «воздвигнуть (самому себе) шест нида», т.е. опозорить(ся).

Ситуация изменилась в середине 1970-х гг.¹³, когда шест нида стал активно использоваться протестными движениями. Анализируя газетные публикации, можно заметить, что в обществе постепенно складывалось представление о ситуациях, в которых можно и нужно использовать нид: триггером становится нарушение прав определенной группы людей или угроза благосостоянию общества в целом. Теперь шесты нида – это символ протеста против несправедливых действий правительства (банкиров, промышленников и т.п.), которые расцениваются как нанесение ущерба собственной стране. Ситуация воздвижения шеста в «Саге об Эгиле» в определенной степени соответствует этим представлениям: Эгиль направляет его против могущественных врагов – чужеземных правителей, посягающих на его права (в отличие, например, от «Саги о Бьерне» и «Саги о Гисли», где нид направлен на людей, равных по статусу). Для него соединение магии, поэзии и всеобщего порицания является единственно возможным способом мести – иные заведомо обречены на провал. Воссоздание эпизода из саги, таким образом, помещает нид в определенный социальный контекст – отстаивание своих прав в борьбе с противником, занимающим более высокое положение.

Рассмотрим подробнее ситуации, в которых через нид демонстрируется общественное недовольство. Их можно условно разделить на две основные группы.

1. Протесты против политики правительства

С ростом использования «шестов нида» протестными движениями с середины 1970-х гг. растет и число публикаций о них на страницах исландских газет. Осложнение экономической ситуации в стране привело к политическому кризису и отставке правительства. Исландия была вынуждена вступить в НАТО и согласиться на предоставление своей территории для военной базы США. Все это вызвало возмущение населения, обернувшееся многочисленными протестными акциями. Участники митингов выражали недовольство действиями властей, выступали против размещения ядерного оружия и требовали выхода из НАТО (1975, 1977, 1979, 1985 гг.).

Первый нид, связанный с финансовым кризисом, был воздвигнут осенью 1975 г. 30 исландскими студентами в Бергене в знак протеста против сокращения ссуд на обучение и предназначеня «исландскому правительству и премьер-министру Гейру». Нид привлек огромное внимание СМИ и, без сомнения, это сыграло свою роль в дальнейшей популяризации такого способа протеста. В газетах сохранилось его достаточно подробное описание (Níðstöng 1975; Námsmenn 1975): студенты, собравшиеся на том самом месте, где Эгиль поставил свой нид, подняли на шесте с вырезанными рунами голову трески¹⁴ и повернули ее в сторону Исландии. При этом была озвучена формула, взятая из «Саги об Эгиле». Далее протестующие прочитали две «сочные» хулительные строфы в дроткветте¹⁵ (их текст приводится в газетах), критикуя правительство и премьер-министра и призывая на них беды, если ситуация не будет исправлена, затем побрызгали кровью на руны и произнесли еще одну строфу, на этот раз в гальдралаге (букв. «колдовском размере»). Все завершилось песней, сложенной специально для этого случая.

Отмечу, что в этой акции протеста – с характерным для подобных действий синкретизмом – уже присутствуют все основные элементы, которые будут использоваться в дальнейшем, и даже с некоторым избытком¹⁶:

- 1) голова животного на шесте, направленная на противника;
- 2) текст из «Саги об Эгиле», используемый как магическая формула, в которую нужно лишь подставить имя/название противника и желаемый результат;
- 3) руны на шесте;
- 4) сложенные по случаю (или подобранные по тематике) поэтические строфы (чаще всего в дроткветте);
- 5) некие «магические» элементы: в данном случае это «добавочная» виса в гальдралаге, содержание которой не приводится, но которая явно предназначается для связи с потусторонними силами, и окрашивание рун кровью животного, принесенного в жертву;
- 6) привязка к некому «сакральному» хронотопу или «месту памяти», его присвоение (в данном случае – это место, где Эгиль ставил свой первый, «идеальный» нид, но шест нида может быть установлен перед зданием Альтинга или даже вставлен в руку памятника Йоуну Сигурдссону (Iceland's Independence Hero 2007));
- 7) дополнительный элемент перформанса: в данном случае это исполнение песни, написанной специально для акции; среди других вариантов, например, публичная порка кукол политиков (Ibid.);
- 8) приглашение прессы: как и в Средние века, нид «работает» только в случае, если он становится публичным.

Осенью 1979 г. недовольные прибытием американского флота пытаются сделать сразу несколько нидов: «Общими усилиями противники

войны “отпраздновали” [появление американского] флота тем, что поставили нид американскому флоту и Атлантическому союзу на косе (мысе) Лёгарнеса. Был воздвигнут шест с вырезанными рунами и лошадиной головой на конце. Более того, шест был направлен на местных [исландских] политиков. На шесте нида было записано рунами стихотворение Йоуна Оускара “*Varið ukkur hermen*” [“Берегитесь, солдаты”. – И.К.]] (*Átta skíp* 1979; см. также фото к новости). Любопытно, что как реакция на эти протесты появляется пародийный «шест нида», сделанный учениками гимназии, – жердь с подвешенным на ней бюстгальтером и табличкой, высмеивающей антивоенных активистов и намекающей на нид в Грундартанги (см. далее), приведший к противоположному результату (*Sjaldan* 1979). В 1989 г. газета «*Dagfari*» публикует для всех желающих инструкцию по изготовлению шеста нида, составленную Свейнбьёртном Бейнтейнссоном (1924–1993), верховным *годи* (жрецом) ИОА. Это, вероятно, способствовало еще большей унификации и «традиционализации» обряда (*Sveinbjörn Beinteinsson* 1989). Кризис 1990 г. также привел к появлению нескольких шестов нида, поставленных антивоенными активистами против флота НАТО (*Gísli Rafn Ólafsson* 1990; *Gjald* 1990) и студентами против правительства (*Níðstöng* 1990; также см. фото к новости: *Níðstöng* ВНМР 1990).

Последняя волна протестов (2007–2009 гг.), так называемая «кастриальная», или «свитерная», революция, была связана с мировым экономическим кризисом, который едва не привел к банкротству Исландии в 2007 г. Люди выходили к зданию правительства с лошадиными головами на шестах, с плакатами и лозунгами. Одна из участниц митинга так рассказывала мне о создании нида: «Я не знаю точно, кто это придумал. Это просто носилось в воздухе. Мы стояли на площади, мы были возмущены, и кто-то сказал: “Давайте сделаем нид!”. И все подхватили эту идею» (ПМА 2015: М.). В данном случае свою роль, вероятно, сыграл и тот факт, что перед кризисом успешные бизнесмены и политики назывались в СМИ и речах президента Исландии «финансовыми викингами» (*útrasavíkingar*) и «бизнес-скальдами» (*athafnaskáld*) (см., напр., *Ólafur Ragnar Grímsson* 2003). При этом всячески подчеркивалась преемственность исландцев по отношению к героям эпохи *саг* (об образе викингов до и после кризиса см., напр.: *Kristín Loftsdóttir* 2009; *Nielsen Gremaud* 2010), что провоцировало протестующих выразить свое недовольство заимствованным из Средневековья «лексиконом»¹⁷.

2. Протесты против загрязнения окружающей среды

Другой контекст, в котором активно используется шест нида, – демонстрация возмущения экологической политикой – берет свое начало от деятельности *Ásatrúarfélagið Íslands*. В 1975 г. Свейнбьёртн Бейнтейнссон воздвигает нид, созданный по описанию из «Саги об

Эгиле»¹⁸, против строительства алюминиевого завода в Грундартанги¹⁹. Нынешний верховный *году* Хильмар Эрн Хильмарссон, которому тогда было 17 лет, связывает популярность нида именно с деятельностью Свейнбьёртна, позднее широко освещавшейся СМИ. Он описывает создание ритуала следующим образом, наглядно демонстрируя синкретичность подхода: «Мы были против строительства этого большого завода тяжелой индустрии в Квалфьорде, и множество людей из общества *ásatruáar* было тогда против. И Свейнбьёртн Бейнтейнссон, который в то время был нашим верховным *году*, *allsherjargóði*, он увлекся этой идеей. И там были люди, которые хотели, чтобы он написал стихотворение в правильной форме, которое должно быть вырезано рунами на столбе <...> Да, он написал стихотворение, но он привлек к этому и меня, потому что мы с ним обсуждали разные теории того, как ставился *níðstöng*, о чем, собственно, говорится в «Саге об Эгиле» и что он, конечно, хорошо знал. А я рассказывал о теориях Акселя Ульрика, который был норвежским ученым, у которого появилась идея, что все эти стихи должны делиться на число 8, потому что это магическое число. А Свейнбьёртн знал теории этого очень странного исландского доктора, которого звали Эйрик Кьерульф <...> Так что я считал, как и Свейнбьёртн в то время, что мы должны сделать все руны на шесте делимым на 8; так что мы сели в этом кафе, которое называлось «Мокка», и он записывал стихотворение на салфетке, пока у нас наконец не получилось. Тогда я написал руны, и они были вырезаны на шесте. К сожалению, это не сработало – завод построили. Но... по крайней мере, мы это сделали» (ПМА 2015: Хильмар Эрн Хильмарссон).

В 2003 г. уже сам Хильмар Эрн протестовал схожим образом против строительства геотермальной платформы в Карахнюкар. В прессу попал внутренний отчет компании, осуществлявшей этот проект, в котором заранее подсчитывались возможные человеческие жертвы, и многих это возмутило. В разговоре со мной Хильмар Эрн подчеркивал, что изначально не собирался делать нида, желая лишь провести «ритуал для [сохранения] жизни и конечностей людей, которые работали на строительстве». Однако о готовящейся церемонии узнали СМИ и представили это как нида. «Это стало как-то отторгаться прессой, и когда это стало происходить, мы решили, что мы дадим им то, что они просят. Знаете, я был несколько зол, потому что за неделю до этого они попросили епископа Исландии приехать и благословить технику и работу над дамбой... И я подумал, что это своего рода бесстыдство, и со стороны епископа тоже глупо приезжать и делать это, благословлять. Это было как благословение ружей и боевых орудий во время мировых войн. И так что я... немного завелся. И мой друг, он принес голову рыбы, которая называется *longa* и которая на самом деле встречается в старом описании погодной магии, когда ты насаживаешь голову этой рыбы на

шест и затем поворачиваешь его к морю, если ты хочешь помешать кораблям или даже вызвать шторм. <...> Так что в каком-то смысле это стало смещением»²⁰ (ПМА 2015: Хильмар Эрн Хильмарссон). Шест нида/*vindgapi*, таким образом, явился ответом на провокацию СМИ, которые считали, что ИОА *должно* поставить его, и *годи* решил соответствовать их ожиданиям.

В 2007 г. против этой же платформы протестовало общество *Saving Iceland*, члены которого вложили шест с конским черепом в руку памятника Йоуну Сигурдссону – борцу за независимость Исландии, – символически включив его в ряды своих сторонников (см. фото к: *Iceland's Independence Hero 2007*). В 2009 г. нид поставили жители Тьёрсадала под руководством уже упоминавшегося Эгиля Эгильссона, они выступали против строительства гидроэлектростанции на местном водохранилище (*Sigtryggur Ari Jóhannsson 2009*; там же см. фото). В 2013 г. группа «Друзья лавы» установила шест с головой зубатки, обвязанный лентой цветов исландского флага (еще один символ), чтобы протестовать против разрушения лавового поля в Гаулгахрейни «и держать подрядчиков на расстоянии» (см. фото к: *Mynd dagsins 2013*). В 2014 г. перед зданием Альтинга появился анонимный шест с овечьей головой – «против уничтожающего природу правительства» (*New niðstöng 2014*).

Очевидно, что как в первом (против государственных решений), так и во втором (против загрязнения окружающей среды) вариантах очевидна связь с традиционным значением нида: действия властей Исландии расцениваются протестующими как недостойные. С их точки зрения, правительство поступает в интересах своих граждан, нарушая негласные моральные нормы и обязательства, проявляя «немужественность» (например, согласившись на размещение военной базы США или флота НАТО) или уничтожая уникальную природу ради сиюминутной экономической выгоды. Однако современные нормы морали накладывают определенный отпечаток: так, например, в интервью газете «*Morgunblaðið*» физик Эгиль Эгильссон подчеркивает, что это исконно исландский обряд, восходящий к Эгилю Скаллаgrimссону, и его цель – не месть Национальной энергетической компании, а обращение к духам-охранителям земли, чтобы они защитили свою территорию от наносимого ей вреда (*Sigtryggur Ari Jóhannsson 2009*).

Своеобразным исключением из правила стал произошедший в 2006 г. эпизод, примечательный тем, что шест нида был сделан ради личной мести²¹. Торвальд Стефаунссон, фермер из Отрадала, поставил его на своей земле, прикрепив голову теленка и модифицированную формулу из «Саги об Эгиле» с пожеланием изгнания или смерти своему соседу Оускару Бьёрнссону, под колесами грузовика которого погиб

щенок Стефаунссона. Оускар обратился в полицию, заявив, что его жизни угрожают, но ему отказали, так как на основании «шеста нида» нельзя было возбудить дело (Níðstöng 2006). Характерно, что Торвальд оправдывал свою позицию в блоге, подкрепляя ее и собственной родословной: он является потомком Эгиля Скаллаgrimссона. Нид, по его мнению, доказал свою действенность: духи-охранители разбушевались, и Исландию накрыло сильнейшим за последние несколько лет бураном (Níðstöng 2006)²².

Этот эпизод вызвал большой резонанс в обществе и вдохновил Арнара Аусгейрссона, студента факультета искусств и дизайна Сандбергского университета, на дипломный проект. При этом Арнар превращает в произведение искусства не собственно нид, а его контекст: его работа (Arnar Ásgeirsson 2012) открывается родословной Торвальда, идущей от Эгиля Скаллаgrimссона. Затем следует четыре коллажа из рунических камней и символов: 1) камень с всадником на фоне обобщенной исландской природы (чайки, море, горы, лава); 2) «туристическая» исландская кружка со знаком бесконечности и надписью на английском языке на фоне античных скульптур; 3) изображение Одина верхом на Слейпнире – восьминогом коне, наложенное на очертания готических христианских соборов и прорисовку короля из средневековой книжной миниатюры; 4) четыре рунических камня (по бокам – два с христианскими крестами, посередине – с более выраженной звериной «плетенкой») на абстрактном пикселизованном фоне – символическое (и, вероятно, не без иронии) представление художника о языческом наследии, прорывающемся через христианство, чужую власть, консьюмеризм в современность. Далее следуют история воздвижения нида, отрывки из СМИ и опубликованная переписка автора с Торвальдом, в итоге отрекшимся от своего поступка. Имя последнего вырезано из текста, вероятно, по этическим соображениям. Однако подобная анонимность позволяет распространить описываемый контекст на всех исландцев: ведь вместо закрашенной черным строки можно подставить любое имя, в том числе и имя самого автора. Проект заканчивается информацией об Эгиле Скаллаgrimссоне и его ниде; в заключение следует абзац, в котором Арнар говорит о том, что его родословная также восходит к этому «печально известному викингу» и задается вопросом: «Означает ли это, что мне следует вести себя, как берсерк? Похоже, у меня есть для этого некоторые основания по праву наследства» (Ibid.).

* * *

Несмотря на претензии на традиционность, очевидно, что представления о ниде и его форме значительно изменились. К 1970-м годам шест нида превращается в своего рода невербальный код, используе-

мый в общественных акциях в сравнительно регламентированных ситуациях. При этом (несмотря на форму, взятую из «Эглы») фактическое содержание нида, как правило, в значительной степени опирается на эпизод из «Круга Земного», когда исландцы как единая группа складывают *общественный* нид (по одной строфе «с носа»), чтобы защитить себя от посягательств норвежского конунга (Снорри Стурлусон 1980, гл. XXXIII); не случайно практически все ниды XX в. поднимаются коллективно, от имени некой общности. Адресат, за редким исключением, также представляет собой определенную группу (правительство или группу промышленников), нарушающую права, в идеале – всего исландского народа, а на практике зачастую – заинтересованных жителей конкретной местности. Нид, таким образом, становится способом отстаивания справедливости. При этом обвинение всегда обосновано, его цель – защита и восстановление нарушенных прав. Часть моих респондентов описывала причины воздвижения нида в духе Дж. Скотта (Scott 1990): как низовое сопротивление «слабых», которые не могут иначе повлиять на ситуацию и вынуждены идти на подобные – в чем-то крайние – меры (ПМА 2015: К.). Однако для тех, кто непосредственно участвовал в этом процессе, установка нида была скорее сознательным способом выражения гражданской позиции. В то же время связь между средневековым шестом нида и головой на палке, появляющейся в ходе подобных акций, для многих исландцев не очевидна (ПМА 2015: К., А.); последняя воспринимается уже как относительно стандартный элемент протестной культуры.

Приведенные примеры также показывают, что если вначале визуальное зачастую выступало заменителем вербального (шест нида или «деревянный нид» представлял собой материализованное проклятие или хулу), то к концу XX в. зрительный образ нида вышел на передний план. Голова на шесте превратилась в самостоятельный и узнаваемый символ, почти не нуждающийся в словесном комментарии. Так, если в 1970–1980-х гг. XX в. значительная часть шестов нида еще сопровождалась стихотворными текстами, которые сочиняли их авторы, то начиная с 1990-х гг. это, скорее, стало исключением. В современном мире «вербальная» часть нида теряет свое значение. Как правило, она сводится к стандартному цитированию известной формулы из «Саги об Эгиле» и вырезанию «подходящих», по мнению адресанта, рун: редко кто отваживается сложить стихотворный текст, тем более в сложной и трудной для восприятия форме, характерной для скальдической поэзии. По всей вероятности, это также связано с изменением системы ценностей: большая часть обвинений, характерных для средневекового стихотворного нида, в современном обществе либо представляется абсурдной, либо утрачивает оттенок непристойности. Размывается и терминология: слово «нид» все чаще употребляется именно в отношении

«деревянного» нида. Для обозначения хулительной поэзии обычно подбираются синонимы. Характерно, что при широком употреблении термина «нид» в англоязычных СМИ сами исландцы избегают его употребления. Исполняемый текст авторы даже могут назвать «драпой» (Sigtryggur Ari Jóhannsson 2009), хотя традиционно это слово употребляется для обозначения прямо противоположного жанра скальдической поэзии – длинной хвалебной песни.

Напротив, визуальная часть становится более значимой. В подавляющем большинстве случаев под нидам теперь понимается только «шест нида» – голова или череп лошади (хотя могут использоваться и другие животные) на палке. Альтернативным вариантом является рыба (она вызывает меньшее раздражение у защитников прав животных, ее проще достать, и она не подпадает под штраф за загрязнение общественного пространства (ПМА 2015)). Несмотря на унификацию формы, расширяется представление о допустимых материалах: в зависимости от цели, желания произвести впечатление и важности магической составляющей нида насаженная на шест голова может варьироваться от простой картинке или головы из папье-маше до черепа или настоящей отрубленной головы животного. Шест воспринимается как узнаваемый символ, следовательно, теперь в этом качестве может использоваться даже напоминающая голову коряга (как в случае нида против «финансовых викингов»: Níðstöng 2009). Понимание нида может расширяться практически до бесконечности, включая в себя любой оскорбительный для адресата символ, облеченный хотя бы в отдаленно схожую с «оригиналом» форму. Так, одна из моих респонденток, описывая свое участие в акции протеста, сказала мне, что «нид – это не только голова на палке; например, флаг с бананом на шесте – это тоже нид» (ПМА 2015: М.); в данном случае правительство обвинялось в коррумпированности и предательстве интересов исландцев через намек на «банановую демократию».

Процесс воздвижения шеста нида также становится синкретичным. Поскольку в кратком описании из «Саги об Эгиле» ощущается определенный недостаток «перформативности», участники зачастую пытаются усовершенствовать установку шеста нида, используя для этого имеющиеся у них представления о «языческих» ритуалах. Язычество при этом предстает в виде некоего обобщения: от окрашенных кровью рун и идей Ульрика и Кьерульва до плясок у костра с топориками (нид выпускников техникума против системы образования (Útskriftarnemar 2007)). Более того, в современном восприятии нид иногда соединяется с *сейдом*²³: так, в 2009 г. установка шеста нида против НАТО сопровождалась чтением хулительного текста мужчиной в стилизованной средневековой женской одежде (Nató 2009). Такая ритуальная травестия в восприятии участников, вероятно, нацелена на усиление магической со-

ставляющей нида; в то же время она противоречит его традиционному пониманию: подобное признание в женоподобии и колдовстве выглядело бы странно в контексте средневековых представлений, где обвинение в сейде само по себе считалось оскорблением мужественности.

Ситуация исполнения и/или воздвижения шеста нида становится еще более публичной: крайним ее выражением является трансляция процесса в СМИ и интернет-ниды. Картинки с нидами могут быть способом выражения исландской идентичности, как правило, с определенной долей юмора или иронии (см. например, шуточную инструкцию по установке нида: Föndurhorn Ljenzherrans 2008). За счет активной информационной политики адресатом сообщения оказывается не только местное сообщество, но и вся исландскоязычная, а в некоторых случаях и англоязычная аудитория. Нид переходит из сферы личных взаимодействий (хотя бывают исключения) в область отношений общественных, но его коммуникативная и социальная функции по-прежнему актуальны. Воздвижение нида становится своего рода перформансом: уже упоминавшийся выше нид Торвальда Стефаунссона преобразуется в университетский «цифровой» проект студента-художника, выложенный в Интернете; искусственная голова лошади на шесте, созданная художницей Хильдур Маргретардоухтир, в 2009 г. используется в ходе демонстрации против правительства, а в 2011 г. становится частью инсталляции в шведском музее Färgfabriken Norr, посвященной современному искусству Исландии (Nordens U-land 2011); шест нида оказывается декорацией к выступлению рэперского дуэта Lord Pusshwhip & Svarti Laxness на фестивале Secret Solstice (Komu fram steinsnsar 2016).

Таким образом, во второй половине XX в. в обществе складывается представление о ситуациях, в которых группа людей может использовать шест нида для защиты своих интересов. Нид предстает как своего рода «национальная» реакция на недостойные поступки не только и не столько по отношению к конкретному человеку, сколько к государству в целом (прежде всего в сфере международной политики, экономики и экологии). Литературная традиция, а также государственная политика «строительства нации», включающая в себя конструирование идентичности на основе средневековых текстов саг, и использование с этой целью исторических и генетических данных, придают этому определенный «почвеннический» оттенок. Меняется и отношение к нидам: «низменные» обвинения в сексуальных отклонениях отходят на второй план. Сегодня, напротив, нид требует некоторой образованности и заявляет тесную связь с литературой, культурой и историей «золотого века» независимой средневековой Исландии, в то же время сохраняя актуальность как часть политики и современного искусства. И все же суть нида – обвинение в некоей «извращенности», нарушении моральных норм и социальных обязательств, пусть они и понимаются по-

другому, остается прежней. Вероятно, в этом и заключается разгадка его столь долгой жизни.

Примечания

¹ «Hann tók í hönd sér heslistöng og gekk á bergsnös nokkura, þá er vissi til lands inn; þá tók hann hrosshöfuð og setti upp á stöngina. Síðan veitti hann formála og mælti svo: “Hér set eg upp niðstöng, og sný eg þessu niði á hönd Eiríki konungi og Gunnhildi drottningu” – hann sneri hrosshöfðinu inn á land – “sný eg þessu niði á landvættir þær, er land þetta byggja, svo að allar fari þær villar vega, engi hendi né hitti sitt inni, fyrr en þær reka Eirík konung og Gunnhildi úr landi”. Síðan skýtur hann stönginni niður í bjarggrifu og lét þar standa; hann sneri og höfðinu inn á land, en hann reist rúnar á stönginni, og segja þær formála þenna allan» (Egils saga Skalla–Grimssonar 1933).

² «Hér set eg upp niðstöng. Sný eg niðinu á hönd Landsvirkjunar, eins og hún hefur hegðað sér undir stjórn Friðriks Sophussonar. Sný eg þessu niði á landvættir þær er þetta land byggja, að þær fari villur vegar og engin hendi eða hitti fyrir sitt inni, fyrr en þær reka Landsvirkjun úr löndum allt frá Gaukshöfða til ósa Þjórsár» (Sigtryggur Ari Jóhannsson 2009).

³ «Engi maðr skal gera tungu nið um annan. ne trenið. En ef hann verðr at því kunnr oc sannr. at hann gerir þat. þa liggir hanom utlegð við» (Gulathing-Lov 1846: 57) (здесь и далее, если не указано другого, – перевод автора). Объявление вне закона в средневековой Исландии было по сути равноценно смертной казни, поскольку приговоренный лишался всего имущества и мог быть безнаказанно убит (мстить за него запрещалось). Более того, «поскольку приговор этот был высшей мерой наказания в исландской системе, для его вынесения требовался самый широкий, почти общенациональный (в рамках альтинга) консенсус. Объявления вне закона являлись политическими актами и давали всем исландцам понять, что друзья и родичи приговоренного либо не желают, либо не способны защитить его в суде» (Байок 2012: 356). Согласно «Серому гусю», за «деревянный нид» полагалось частичное объявление вне закона (изгнание из Исландии), а за «устный нид» в виде хулильных стихов – полное (Grágás 1974 [1852]: 183). Стихи, по всей видимости, считались более серьезным оскорблением из-за возможности широко распространить их; «Серый гусь» подчеркивает, что объявление вне закона полагается не только за сочинение хулы, но и за ее распространение (Grágás 1974 [1852]: 183–185).

⁴ Прядь – небольшой рассказ с самостоятельным сюжетом, отдельный или включенный в текст саги.

⁵ Ш. Лоуинг, впрочем, оспаривает правомерность отнесения данного свидетельства (голова оленя с разинутой пастью, поставленная на шесте в лесу «как величайшее оскорбление его величества короля и его лесничих») к ниду, считая описываемый инцидент лишь типологически сходным с исландским «шестом нида», но не имеющим к нему прямого отношения (Lowing 2014).

⁶ Р. Клизби и Г. Вигфуссон определяют *ergi* как «распутство, похоть; развращенность; жадность до денег и пр.» (Cleasby, Vigfusson 1874); Г. Зога – как «распутство, похоть; развращенность, порочность, немужественность, недостойное воина поведение с такими сильными коннотациями, как женоподобие и пассивный гомосексуализм» (Zoëga 1910).

⁷ Подробнее о полемике по поводу определения нида и его взаимосвязи с *ergi* см.: Noreen 1922, Almqvist 1965, Ström 1965, Meulengracht Sørensen 1967.

⁸ А. Финли (Finlay 2001) рассматривает различия между понятиями *nið* и *ýki* (преувеличение) на примере «Саги о Бьёрне-богатыре с Хит-реки», предполагая, что сравнение человека с животным, которое часто рассматривается в сагах как нид, больше подходит под определение *ýki*. Последнее также считалось оскорблением, хотя и в несколько меньшей степени. Об уподоблении нидинга волку см. также: Thorvaldsen 2011.

⁹ См., напр., эпизоды из «Пряди о Торвальде ярловом скальде» и «Саги о Греттире»: в первом скальд мстит ярлу, исполняя нид под видом хвалебной песни; во втором –

Греттир, напротив, слагает хвалебную строфу, «замаскированную» под хулительный стих, смысл которой понятен лишь ему и адресату.

¹⁰ О роли лошади как активного медиатора между бинарными оппозициями (доминирование/подчинение, мужское/женское, мир живых/мир мертвых) и использовании этой двойственности в случае нида см.: Clunies Ross 2014.

¹¹ Разумеется, это не было основной задачей проекта; тем не менее в 2008 г. Национальный музей Исландии использовал данные, полученные DeCode, в своих инсталляциях (ПИМА 2008).

¹² Судя по всему, в этот промежуточный период «Сага об Эгиле» уже начинает использоваться молодежью как образец: Стефаун Хальдоурссон вспоминает, что весной 1969 г. выпускники гимназии, у которых был конфликт с администрацией, в последний учебный день поставили шест с лошадиной головой около школы, «и те, кто хорошо знал “Сагу об Эгиле”, поняли послание» (Stefán Halldórsson 2009).

¹³ В архиве Рейкьявического музея фотографии хранится фото шеста нида (череп лошади на шесте с привязанными к нему рыбьими головами), использовавшегося в ходе протестов во время «тресковой войны» в мае 1973 г. (KRH 1622 003 2-1 1973). Упоминания о нем, однако, отсутствуют в газетах.

¹⁴ Характерно, что изначально планировалось использовать голову лошади, но протестующим не позволили это сделать, мотивируя запрет тем, что это «сексуальный символ». Голова трески выступила в виде более или менее полноценной замены в связи с тем, что в XVIII в. она, насаженная на палку, использовалась в разновидности погодной магии (*vindgapi*), предназначенной для вызывания ветра, чтобы сбить с пути лодки противника (Námsmenn 1975).

¹⁵ Основной размер средневековой придворной скальдической поэзии, отличающийся внутренними рифмами и упорядоченной аллитерацией.

¹⁶ Любопытна и реакция на нид – налицо конфликт интерпретаций и притязаний на прошлое: так, местный священник протестует против обряда, называя его «гнуснейшим богохульством, языческим шабашем и оскорблением правительста народа, который с незапамятных времен был норвежцам братским» (*sem argasta gudlasti, heiðinni trúarathöfn og móðgun við ríkisstjórn þjóðar sem verid hejði vinþjóð norðmanna frá ördfi alda*) (Níðstöng 1975). Характерно, что возмущенный священник употребляет слово *argur*: с его точки зрения извращением и нарушением норм является подобный возврат к прошлому и его «присвоение».

¹⁷ На фотографиях недавних протестов в апреле 2016 г. также можно увидеть шест нида (сушеная рыба голова на палке с привязанными ленточками цветов исландского флага). Тем не менее явно преобладают другие способы визуального выражения недовольства: помимо листов красной бумаги и плакатов, участники протестных акций активно используют скир (намек на выражение «такой богатый, что выливает скир») и бананы, как настоящие, так и нарисованные, – намек на панамские активы первых лиц государства и их родственников и «банановую демократию» Исландии.

¹⁸ На мой вопрос, почему именно она была выбрана в качестве образца, Хильмар Эрн ответил: «Ну, фактически это единственный источник. И потому, что там все так ясно. Я имею в виду то, что он делал. И то, что он поворачивает *landvæf*’ов против короля и королевы... Так что там очень живое описание, оно нас зацепило... Я имею в виду, оно взволновало мое воображение, когда я был ребенком. И, конечно, Свейнбьёртн очень хорошо знал «Сагу об Эгиле», потому что он был из Боргафьорда, где жил Эгиль. Ну, эти истории были в значительной мере частью ландшафта... И для него и его поколения саги были, вероятно, просто правдой» (ПИМА 2015: Хильмар Эрн Хильмарссон).

¹⁹ Эту дату называет Хильмар Эрн, но мне не удалось найти в СМИ упоминаний об этом ниде. В газетах встречаются только новости (на протяжении нескольких лет) о шесте нида (голова зубатки на шесте и стихотворение, записанное рунами) в Грундартанги в 1977 г.; «авторы» нида не уточняются (Verðir 1977; см. также фото к новости: Níðstöngin 1979).

²⁰ Хильмар Эрн далее указывает на двойственность результата: с одной стороны, ко всеобщему удивлению ему удалось вызывать ветер, который по очереди свалил флажки, стоявшие по углам площадки, где проводился ритуал, так что просматривавший запись телеведущий заподозрил его в фокусничестве. *Vindgapi*, таким образом, отчасти выполнило свою функцию. Однако шест нида оказался неэффективен – платформа была построена, несмотря на протесты (ПИМА 2015: Хильмар Эрн Хильмарссон).

²¹ Другой пример мести – жердь с резиновой лошадиной головой, выставленная тайным мужским обществом «Друзья бонда Кетиля» (*Vinir Ketils bóndi*) «ничтожному человеку Инги Фрейру Вильхьялмасону, заведующему новостным отделом DV, за его дерьмовую статью про вестманнэярцев и остальных исландцев» (Níðstöng 2014). Существуют также виртуальные шесты нида, направленные против конкретных людей (см., напр.: Stafræn níðstöng 2008), их авторы, однако, довольствовались интернет-пространством.

²² Природный катаклизм как результат недовольства духов-охранителей земли, вызванного нидам, встречается и в других рассказах. Например, Хильмар Эрн описывает непривычно суровую зиму в Европе как одно из последствий нида, сложенного им против премьер-министра Великобритании (Galdurinn 2010).

²³ Описанная в сагах разновидность колдовства, практикуемая в основном женщинами. Для мужчин считалась связанной с *ergi* и, соответственно, постыдной.

Литература

- Байок Дж.Л. Исландия эпохи викингов. М.: Астрель, 2012.
- Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М.: РГГУ, 2000.
- Saga об Эгиле / Пер. С.С. Масловой-Лашанской, В.В. Кошкина и А.И. Корсуна. СПб.: Амфора, 1999.
- Снорри Стурлусон. Сага об Олаве сыне Трюгтви // *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Пер. А.Я. Гуревич и др. М.: Наука, 1980.
- Almqvist B. Nörron niddiktning: traditionshistoriska studier i versmagi. Bd. 1. Nid mot furstar. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1965.
- Arnar Ásgeirsson. A Festival of Choices. 11–15 July 2012 [Master of Fine Arts Graduation 2012 Project. Sandberg Instituut Amsterdam]. URL: <http://festivalofchoices.nl/documentation/arnarasgeirsson.pdf>
- Átta skip 1979 – Átta skip úr fastaflota NATO í heimsókn: Megintilgangurinn hjálfun við adstæður eins og hér við land. Herstöðvaandstæðingar reistu NATO og bandaríska hernum níðstöng // Morgunblaðið. 19.09.1979. S. 21. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=1517443
- Byock J. History and the sagas: the effect of nationalism // *From Sagas to Society: Comparative Approaches to Early Iceland* / Ed. Gísli Pálsson. London: Hisarlik Press, 1992. P. 44–59.
- Byock J. Modern nationalism and the medieval saga // *Northern Antiquity: The Post-Medieval Reception of Edda and Saga* / Ed. A. Wawn. London: Hisarlik Press, 1994. P. 163–187.
- Cleasby, Vigfusson 1874 – *Icelandic-English Dictionary*, based on the MS. collections of the late Richard Cleasby / Enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson, M.A. Oxford: Clarendon Press, 1874.
- Clunies Ross M. The Role of the Horse in Nordic Mythologies // *Nordic Mythologies: Interpretations, Intersections, and Institutions* / Ed. T.R. Tangherlini. North Pinehurst Press, 2014. P. 50–70.
- Egils saga Skalla-Grimssonar / Utg. Sigurður Nordal. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1933.
- Finlay A. Nið, Adultery and Feud in Bjarnar saga Hitðelakappa // *Saga-Book of the Viking Society*. 1993. Vol. XXIII. P. 158–178.

- Finlay A.* Monstrous Allegations: An Exchange of ýki in Bjarnar saga Hítöelakappa // *Alvissmál*. 2001. № 10. S. 21–40.
- Föndurhorn Ljenzherrans 2008 – Föndurhorn Ljenzherrans // *Blogotheque de Kaffisterkt*. 13.10.2008. URL: <http://kaffisterkt.blogspot.ru/2008/10/fndurhorn-ljenzherrans.html>
- Galdurinn 2010 – Galdurinn gegn Bretum og Hollendingum virkaði // *Fréttablaðið*. 24.11.2010. URL: <http://www.visir.is/galdurinn-gegn-bretum-og-hollendingum-virkadi/article/2010905906205>
- Gisli Rafn Ólafsson.* Kjarnorkuvopn í Sundahöfn? // *Dagfari*. 01.08.1990. S. 12.
- Gjald 1990 – Gjald á lágar ávísanir // Þjóðviljinn. 04.08.1990. S. 2.
- Grágás 1974 [1852] – Grágás. Konungsbók. Genoptrykt eftir Vilhjálmur Finsens utgave 1852. B. II. Odense: Odense Universitetsforlag, 1974.
- Guðmundur Hálfðanarson.* Interpreting the Nordic Past: Icelandic Medieval Manuscripts and the Construction of a Modern Nation // *The Uses of the Middle Ages in Modern European States. History, Nationhood and the Search for Origins* / Eds. R.J.W. Evans and G. Marchal. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 52–71.
- Gulathings-Lov 1846 – Den ældre Gulathings-Lov // *Norges gamle love indtil 1387* / Udg. ved R. Keyser og P.A. Munch. B. 1. Norges Love ældre end Kong Magnus Haakonssøns Regjerings-Tiltrædelse i 1263. Christiania: Chr. Gröndahl, 1846. S. 1–118.
- Hastrup K.* A Place Apart. An Anthropological Study of the Icelandic World. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Hastrup K.* Icelandic topography and the sense of identity // *Nordic Landscapes: Region and Belonging on the Northern Edge of Europe* / Ed. Jones M., Olwig K.R. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. P. 53–76.
- Iceland's Independence Hero 2007 – Iceland's Independence Hero Joins Curse Against Heavy Industry // *Saving Iceland*. 14.11.2007. URL: www.savingiceland.org/2007/11/icelands-independence-hero-joins-curse-against-heavy-industry/
- Jón Karl Helgason.* The Rewriting of Njáls Saga. Translation, Ideology and Icelandic Sagas. Clevedon: Multilingual Matters, 1999.
- Jón Karl Helgason.* Continuity? The Icelandic Saga in Post-Medieval Times // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / Ed. by R. McTurk. Blackwell Publishing, 2005. P. 64–81.
- Komu fram steinsnsar 2016 – Komu fram steinsnsar frá landsleiknum // *mbl.is*. 18.06.2016. URL: http://www.mbl.is/folk/frettir/2016/06/18/eitthvad_sem_heitir_landsleikur/
- KRH 1622 003 2-1 1973 – Кристойун Харальдссон. Фото KRH 1622 003 2-1 1973 [Фотография шеста нида, сделанная в ходе протестов в Рейкьявике во время «тресковых войн» 24.05.1973] // *Ljósmyndasafn Reykjavíkur*. URL: <http://ljosmyndasafn.reykjavik.is/fotoweb/archives/5000-Heim/Ljosmyndasafn/Kristj%C3%B3n%20Haraldsson/KRH%201622%20003%202-1.jpg.info#c=%2Ffotoweb%2Farchives%2F5000-Heim%2F%3Fq%3Dn%25C3%25AD%25C3%25B0st%25C3%25B6ng>
- Kristín Loftsdóttir.* Krjammesta fólkið í heimi. Þrástef íslenskar þjóðernishyggiu í gegnum lýðveldisbaráttu, utrás og kreppu // *Ritið*. 2009. № 2–3. Bls. 113–139.
- Lowing S.B.* The Forest Pleas of Rockingham: A (Re)Discovered Instance of Sculptural *Níð*? // *European Journal of Scandinavian Studies*. 2014. Vol. 44, is. 1. P. 20–42.
- Meulengracht Sørensen P.M.* The Unmanly Man: Concepts of Social Defamation in Old Norse Society / Transl. by J. Turville-Petre. Odense: Odense University Press, 1983.
- Meylan N.* La (re)conversion des „esprits de la terre“ dans l'Islande médiévale // *Revue de l'histoire des religions*. 2013. № 3. P. 333–354.
- Mynd dagsins 2013 – Mynd dagsins: Níðstöng reist í Gálgahrauni // *Pressan.is*. 18. okt. 2013. URL: www.pressan.is/Frettir/Lesafrett/mynd-dagsins-nidstong-reist-i-galgahrauni
- Nató 2009 – Nató reist níðstöng við Akureyrarflugvöll // *Fríðarvefurinn*. 24.08.2009. URL: <http://fridur.is/2009/08/24/nato-reist-ni%C3%B0stong-vi%C3%B0-akureyrarflugvoll/>
- Námsmenn 1975 – Námsmenn í Bergen mótmæla: Reistu níðstöng gegn ríkisstjórninni // *Dagblaðið*. 08.11.1975. S. 16.

- New niðstöng 2014 – New niðstöng in Reykjavík // The Norse Mythology Google+ Page. 25.03.2014. URL: <https://plus.google.com/109421497303371532029/posts/6LQZgMJPorT>
- Nielsen Gremaud A.-S. The Vikings are coming! A modern Icelandic self-image in the light of the economic crisis // NORDEUROPAforum. 2010. Vol. 20, № 1–2. P. 87–106.
- Nið 2006 – Nið // masterbenedict.blogcentral.is. 21.12.2006. URL: <http://masterbenedict.blogcentral.is/blog/2006/12/21/nidstong/> (дата доступа: 14.03.2014).
- Niðstöng 1955 – Niðstöng reist við Gamla Garð // Alþýðublaðið. 16.02.1955. S. 8.
- Niðstöng 1975 – Niðstöng reist á Herðlu // Þjóðviljinn. 07.11.1975. S. 12.
- Niðstöng 1990 – Niðstöng hund heiðnar bölbænir // Tíminn. 04.09.1990. S. 1.
- Niðstöng 2006 – Niðstöng veldur vandræðum // Visir.is. 21. desember 2006. URL: www.visir.is/nidstong-veldur-vandraedum/article/200661221100
- Nidstong 2006 – Nidstong // TF4M – Arctic Diamonds. URL: <http://www.tf4m.com/nidstong> (дата обращения: 03.04.2015).
- Niðstöng 2007 – Niðstöng reist gegn Alþingi // Visir.is. 10. nóvember 2007. URL: www.visir.is/nidstong-reist-gegn-althingi/article/200771110024
- Niðstöng 2009 – Niðstöng reist gegn útrásarvíkingum // Visir.is. 17.07.2009. URL: www.visir.is/nidstong-reist-gegn-utrasarvikingum/article/2009826098392
- Niðstöng 2014 – Niðstöng í tilefni skrifu. Fréttatilkynning frá Bræðrafélaginu Vinir Ketils Bónða // Eyjafrettir. 2014.07.05. URL: <http://www.eyjafrettir.is/greinar/nidstong-i-tilefni-skrifa/2014-07-05>
- Niðstöng BHMR 1990 – Niðstöng BHMR // Tíminn. 29.12.1990. S. 18. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?issId=281028&pageId=4061497&lang=en&q=N%CD%D0ST%D6NG
- Niðstöngin 1979 – Niðstöngin gleymd á tyllidegi járnblendis // Morgunblaðið. 30.06.1979. S. 16. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?issId=117524&pageId=1514854&lang=is&q=n%C3%AD%C3%B0st%C3%B6ng
- Nordens U-land – 2011 Nordens U-land? – Isländsk konst i kristid // Färgfabriken Norrs. URL: <http://www.fargfabriken.se/sv/> (дата обращения: 2014.03.24).
- Noreen E. *Studier i fornvästnordisk diktning*. S. II. Uppsala: A.-B. Akademiska Bokhandeln, 1922.
- Ólafur Ragnar Grímsson 2003 – Keynote Address by the President of Iceland Ólafur Ragnar Grímsson at «A Country of Progress – A World of Opportunities» Investment Conference. Copenhagen, 23 October 2003. P. 6. URL: <http://english.forseti.is/media/files/03.10.23.Kaupm.hofn.business.pdf>
- Palsson G. and Rabinow P. Iceland: The Case of a National Human Genome Project // Anthropology Today. 1999. Vol. 15, № 5. P. 14–18.
- Scott J. *Domination and Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven, London: Yale University Press, 1990.
- Sigtryggur Ari Jóhannsson 2009 – Sigtryggur Ari Jóhannsson. Reistu Landsvirkjun niðstöng // Dagblaðið Visir – DV. 18. nóvember 2009. S. 14.
- Simpson B. Imagined genetic communities: Ethnicity and essentialism in the twenty-first century // Anthropology Today. 2000. Vol. 16, № 3. P. 3–6.
- Sjaldan hafa 1979 – Sjaldan hafa jafn fáir skemmt jafnmörgum... // Morgunblaðið. 21.09.1979. S. 1.
- Stafræn niðstöng 2008 – Stafræn niðstöng // Þú ert á vitlausri síðu. Þetta er sko ekki síðan hans Steindórs. 08.01.2008. URL: <http://herrschnabel.blogspot.ru/2008/01/stafrn-stng.html>
- Stefán Halldórsson 2009 – Stefán Halldórsson. [Minningar. Ragnar R. Kvaran] // Morgunblaðið. 19.02.2009. S. 31.
- Ström F. Nið, Ergi and Old Norse Moral Attitudes. The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies delivered at University College London at 10 May 1973. L.: Viking Society for Northern Research, 1973.

- Stúdentar 1930 – Stúdentar reisa professor níðstöng // Morgunblaðið. 15.02.1930. S. 4. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?issId=67681&pageId=1101515&lang=is&q=n%C3%AD%C3%B0st%C3%B6ng
- Sveinbjörn Beinteinsson. Níðstöng // Dagfari. 17.06.1989. S. 5.
- Thorvaldsen B.Ø. The níðingr and the wolf // Viking and Medieval Scandinavia. 2011. No. 7. P. 171–196.
- Útskriftarnemar 2007 – Útskriftarnemar í vélstjórn við VMA vilja að verknámi sé gert hærra undir höfði: Níðstöng gegn menntastefnu // Fréttablaðið. 7 maí 2007. S. 13 URL: <http://www.visir.is/ExternalData/pdf/fbl/070507.pdf>.
- Verðir 1977 – “Verðir vorra jarða valdrán heiftum gjaldí”: Grundartangaverksmiðjunni reist níðstöng // Þjóðviljinn. 02.07.1977. S. 3.
- Zoëga G.T. A concise dictionary of Old Icelandic. Oxford: Clarendon Press, 1910.

Статья поступила в редакцию 25 июля 2016 г.

Kucherova Irina A.

FOLLOWING EGILL: THE NÍÐSTÖNG IN CONTEMPORARY ICELAND (THE SECOND HALF OF THE 20TH TO THE EARLY 21ST CENTURIES)

Abstract. Drawing on the mass media reports, interviews and internet sources, the article looks at the revival of the ‘níðstöng’ medieval ritual in Iceland since the 1970s. If, in the Middle Ages, the níðstöng was used as a ritualized insult pointing to someone’s effeminacy which had a magical effect on the insulted, in the second half of the 20th century, though, it became a recurrent element of mass protests against Icelandic government’s policy and environmental pollution. The Egil’s Saga was used as a prototype for the níðstöng ritual that resulted in the unification of this ritual compared with other medieval descriptions. Being originally a magical ritual, the níðstöng has now turned into a form of protest against non-respect of the Icelanders’ interests and into a performance in a sense and a way to manifest the Icelandic identity. Nevertheless, despite this transformation, the meaning of the níðstöng remains essentially the same, that is, to accuse someone of violating social norms and moral obligations.

Keywords: Iceland, níðstöng, mass protests, Icelandic sagas

DOI: 10.17223/2312461X/15/5

References

- Byock J.L. *Islandiia epokhi vikingov* [Viking Age Iceland]. Moscow: Astrel’, 2012.
- Gurevich E.A., Matyushina I.G. *Poeziia skal’dov* [Skaldic Poetry]. Moscow: RSUH, 2000.
- Saga ob Egile* [Egil’s saga]. Translated by S.S. Maslova-Lashanskaia, V.V. Koshkin & A.I. Korsun. St. Petersburg: Amfora, 1999.
- Snorri Sturluson. *Saga ob Olave syne Triuggvi, Snorri Sturluson. Krug Zemnoi* [Snorri Sturluson. Heimskringla]. Translated by A.Ia. Gurevich et. al. Moscow: Nauka, 1980.
- Almqvist B. *Nörron niddiktning: traditionshistoriska studier i versmaga. Bd. 1. Nid mot furstar*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1965.
- Byock J. History and the sagas: the effect of nationalism. *From Sagas to Society: Comparative Approaches to Early Iceland*, ed. Gísli Pálsson. London: Hisarlik Press, 1992, pp. 44–59.
- Byock J. Modern nationalism and the medieval saga. *Northern Antiquity: The Post-Medieval Reception of Edda and Saga*, ed. A. Wawn. London: Hisarlik Press, 1994, pp. 163–187.
- Clunies Ross M. The Role of the Horse in Nordic Mythologies. *Nordic Mythologies: Interpretations, Intersections, and Institutions*, ed. T.R. Tangherlini. North Pinehurst Press, 2014, pp. 50–70.

- Finlay A. Nið, Adultery and Feud in Bjarnar saga Hítödelakappa. *Saga-Book of the Viking Society*, 1993, vol. XXIII, pp. 158–178.
- Finlay A. Monstrous Allegations: An Exchange of ýki in Bjarnar saga Hítödelakappa. *Alvíss-mál*, 2001, no. 10, s. 21–40.
- Guðmundur Hálfðanarson. Interpreting the Nordic Past: Icelandic Medieval Manuscripts and the Construction of a Modern Nation. *The Uses of the Middle Ages in Modern European States. History, Nationhood and the Search for Origins*, ed. R.J.W. Evans, G. Marchal. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 52–71.
- Hastrup K. *A Place Apart. An Anthropological Study of the Icelandic World*. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Hastrup K. Icelandic topography and the sense of identity. *Nordic Landscapes: Region and Belonging on the Northern Edge of Europe*, ed. Jones M., Olwig K.R. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008, pp. 53–76.
- Jón Karl Helgason. *The Rewriting of Njáls Saga. Translation, Ideology and Icelandic Sagas*. Clevedon: Multilingual Matters, 1999.
- Jón Karl Helgason. Continuity? The Icelandic Saga in Post-Medieval Times. *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*, ed. by R. McTurk. Blackwell Publishing, 2005, pp. 64–81.
- Kristín Loftsdóttir. Krjarnmesta fólkið í heimi. Þrástef íslenskar þjóðernishyggju í gegnum lýðveldisbaráttu, utrás og kreppu [The most resilient people in the world: Icelandic nationalism and identity during the colonial period, economic expansion and crash]. *Ritið*, 2009, no. 2–3, bls. 113–139.
- Lowing S.B. The Forest Pleas of Rockingham: A (Re)Discovered Instance of Sculptural Nið? *European Journal of Scandinavian Studies*, 2014, vol. 44(1), pp. 20–42.
- Meulengracht Sørensen P.M. *The Unmanly Man: Concepts of Social Defamation in Old Norse Society*. Odense: Odense University Press, 1983.
- Meylan N. La (re)conversion des «esprits de la terre» dans l’Islande médiévale [(Re)converting Medieval Iceland’s “Spirits of the Land”]. *Revue de l’histoire des religions*, 2013, no. 3, pp. 333–354.
- Nielsen Gremaud A.-S. The Vikings are coming! A modern Icelandic self-image in the light of the economic crisis. *NORDEUROPAforum*, 2010, vol. 20, no.1–2, pp. 87–106.
- Noreen E. *Studier i fornvästnordisk diktning. S. II*. Uppsala: A.–B. Akademiska Bokhandeln, 1922.
- Pálsson G., and P. Rabinow. Iceland: The Case of a National Human Genome Project. *Anthropology Today*, 1999, vol. 15(5), pp. 14–18.
- Scott J. *Domination and Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven, London: Yale University Press, 1990.
- Simpson B. Imagined genetic communities: Ethnicity and essentialism in the twenty-first century. *Anthropology Today*, 2000, vol. 16(3), pp. 3–6.
- Ström F. Nið, Ergi and Old Norse Moral Attitudes. *The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies delivered at University College London at 10 May 1973*. L.: Viking Society for Northern Research, 1973.
- Thorvaldsen B.Ø. The niðingr and the wolf. *Viking and Medieval Scandinavia*, 2011, no. 7, pp. 171–196.

УДК 316.472

DOI: 10.17223/2312461X/15/6

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СТЕРЕОТИПА В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: АВСТРИЙСКИЙ КЕЙС*

Екатерина Викторовна Холлер

Аннотация. В статье показано, как с помощью национальных и региональных авто- и гетеростереотипов австрийцы конструируют свою идентичность в период трансформации общества, вызванной различными кризисами (беженцев, финансовым). На основе собственного полевого материала в виде интервью, наблюдений, а также контент- и дискурс-анализа СМИ автор приводит живые примеры использования стереотипов в национальном и региональном контексте. Многие из стереотипов стали в глазах австрийцев чертами «национального характера», другие – чертами «регионального характера», которыми спекулируют туриндустрия, СМИ и политика. В работе предпринята попытка классифицировать австрийские стереотипы и распознать историю их появления. Эмпирический материал автор подкрепляет теоретическими наработками социологов и антропологов, занимавшихся изучением стереотипов.

Ключевые слова: стереотип, национальная идентичность, региональная идентичность, австрийцы

Typing people is almost inevitable, because of its functional usefulness
(Типизация людей практически неизбежна из-за ее функциональной пользы)
Secord P.F., Backman C.W. 1964: 20

Реабилитация стереотипа и схема идентичности

Стереотипы и идентичность – казалось бы, противопоставляемые понятия. Идентичность реальна, обоснована и рациональна. Стереотип ложен, не поддается объяснению и далек от науки. Именно так считает и австрийский, и российский, и любой другой обыватель. Но в данной статье я на примере Австрии покажу, что стереотип является одним из главных образующих элементов австрийской идентичности. Для начала, однако, стоит реабилитировать это понятие, ведь многие сомневаются в том, что стереотипы достойны изучения, принимая их за субъек-

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-31-01021 «Перестройка идентичности и трансформация уклада жизни в странах Европы на рубеже XX–XXI вв.», а также при дополнительном финансировании РГНФ по исследовательскому проекту № 16-01-00287а.

тивные и обобщающие эмоциональные конструкции. Но тогда правильно задают вопрос немецкий историк Ханс Хеннинг Хан и его жена Ева Хан в совместной статье, посвященной национальным стереотипам: все ли обобщения являются стереотипами? (Hahn, Hahn 2002: 21). В таком случае тень падает не только на социологию и этнологию в принципе, но и на любую область гуманитарного знания.

Андреас Цик в своей книге по социопсихологическим исследованиям стереотипов говорит о различии предрассудков и стереотипов, объясняя это когнитивной основой последних. Предрассудки же, как утверждает ученый, имеют только эмоциональную составляющую (Zick 1997: 185). Так, один информант не любит венцев за их диалект: *«как только они открывают рот, это уже невыносимо. Их не любят, у них негативный образ»* (ПМА: Helmut K.). Однако говоря о штирийцах, тот же респондент, противореча себе, отвечает: *«они душевные, да, они разговаривают так... [изображает штирийский диалект. – Е.Х.], но это их диалект, он часть их»* (Там же).

Чтобы было понятнее, негативный образ венцев – это предрассудок, поскольку не несет в себе никакой смысловой нагрузки и даже не аргументирован логически. Стереотип о венцах – это, например, знаменитый венский снобизм. Оксфордский социологический словарь также отличает стереотипы от предрассудков, обозначая последние как, чаще всего, негативную характеристику группы или индивида, характеризующуюся стереотипичными убеждениями, не подтвержденными действительностью, а основанными на чувствах и эмоциях (A dictionary of sociology 2015). В этом же словаре определение стереотипам предполагает «часто пейоративное значение в противовес социологическому процессу типизации» (Ibid.).

Известно, что стереотипы можно изучить, классифицировать, структурировать как любой когнитивный процесс, однако не стоит забывать и об их все же имеющейся эмоциональной нагрузке. Именно сочетание этих двух признаков делает стереотипы инструментом деконструкции австрийской идентичности, которую важно изучить сейчас, в период трансформации общественного самовосприятия на фоне кризиса Евросоюза и усиленного потока мигрантов. На мой взгляд, стереотипы всегда составляли текстуру идентичности, а в период резонанса дискурса национальной идентичности в Австрии – от явной консолидации до дискредитирования – они стали еще более функциональны. И потому именно в период возросшего спроса на идентичность представляется важным изучать и классифицировать национальные, региональные и социальные стереотипы.

Уже на начальном этапе исследования мы можем наметить общие черты стереотипов и идентичности: оба конструкта представляют собой обобщения и оба субъективны. Также стереотипы в научном пони-

мании не сводятся к примитивным клише вроде «немец с пивным животом и обьевший сосисок» или «русские, которые пьют водку, как воду». Они, с одной стороны, более осознаны, в том плане, что респондент понимает, что, возможно, сейчас, отвечая на вопрос, склонен к необъективным обобщениям («да, это стереотип, но...»), а с другой стороны, менее осознаны, поскольку информант понимает, что участвует в научном исследовании и от него хотят серьезного ответа, который он и старается предоставить.

Именно с такой амбивалентностью я столкнулась при опросах австрийских респондентов. Помимо опросов применялись метод включенного наблюдения, а также дискурс- и контент-анализ СМИ. В естественных условиях стереотипы тоже имели место, однако, мной была замечена общая тенденция нарочитого избегания стереотипов в СМИ, что обуславливается общепринятой политкорректностью. Нужно добавить, что изначально стереотипы никак не фигурировали в задачах и целях научного проекта, они всплыли на поверхность только в процессе исследования, когда мной составлялась схема деконструкции австрийской идентичности (рис. 1).

Рис. 1. Схема деконструкции австрийской идентичности

Схема представляет собой условную структуру, отражающую основные составные части австрийской национальной идентичности. Эти

составные части я называю ингредиентами, из которых получаются рецепты идентичности, состоящие из дискурсивных понятий. Схема полярна. Два полюса по горизонтали представлены противопоставлением локальное – глобальное, по вертикали – власть – народ. Эти оси выдают вектор происхождения ингредиента: навязывается ли он сверху (top down) или идет из народа (bottom up); является ли ингредиент сугубо австрийским явлением или берет свои корни в мировой практике. На локальном полюсе главным ингредиентом идентичности является регионализм, выраженный в Австрии католицизмом, ностальгией по империи и панальпизмом. На противоположной стороне находятся космополитические веяния, выраженные в членстве Австрии в ЕС, наличии в Вене штаб-квартиры ООН, а также политика мультикультурализма и такие глобальные процессы, как миграции и эмансипация. Эти ингредиенты, в свою очередь, делятся на еще меньшие составные части – молекулы идентичности, среди которых можно выделить комплексы, шутки и рассматриваемые в статье стереотипы. На живых примерах австрийских информантов и анализе научной литературы я попробую доказать чрезвычайную функциональность стереотипов в построении национальной, региональной и даже индивидуальной идентичности, особенно в период трансформации европейского общества.

Про отличие австрийцев от немцев и венскую душевность

Для начала разберемся в свойствах стереотипа как научного объекта. Стереотип как средство обобщения проявляет себя только в группе и может быть тут же нивелирован в отношении индивидуума. То есть информант из Штирии может сказать, что штирийцы являются *«суровыми, тихими и закрытыми»* и могут быть при этом полной противоположностью феномена (ПМА: Hannes Pirker). На вопрос, считает ли он себя типичным штирийцем, отвечает утвердительно, приводя в пример другие качества, присущие штирийцам (а значит, и ему): *«предприимчивость, серьезность и усердие»* в отличие от венцев, но не в такой гипертрофированной форме, как у немцев, принцип которых он выразил в знаменитой швабской поговорке: *«Schaffe schaffe, Häusle baue, sterben»* (Там же) (работать и экономить, построить дом и умереть).

Выбранные качества составного стереотипа «типичный штириец» соответствуют форме фаворизируемой идентичности информанта. Это вполне естественный жест, если рассматривать его через призму теории социальной идентичности Генри Тэджфела: стереотипы служат функцией для «позитивации» своей социальной идентичности. То есть мы категоризируем группу, к которой принадлежим, априори позитивно и, как правило, стереотипично. Поэтому по социальной идентичности создаем собственную.

Таким образом, идентичность проявляется в обществе, но обладает индивидуальными характеристиками.

Если же у группы принадлежности преобладают негативные черты, то индивид стремится покинуть группу. Если это невозможно, как со штирийцами, то эти отрицательные черты трактуются как положительные (Tajfel 1982: 102–103). Среди респондентов встречались те, кто прекрасно отзывался о немцах, хваля их за трудоспособность, организованность и пунктуальность, но не столько намекая на то, что им хотелось бы стать похожими. Наоборот, в противовес приводили примеры того, что австрийцы более расслаблены, умеют наслаждаться жизнью и практически все использовали эпитет *«gemütlich»* («уютный, душевный»), который несет особую смысловую нагрузку для австрийцев, а тем более для венцев, подменяя собой все положительные качества (хороший, добрый и т.п.) и часто использующийся в качестве их синонимов.

Термин *«gemütlich»* подразумевает под собой феномен гармонии, комфорта, домашней и непринужденной атмосферы, характерный не только для австрийской культуры, но и особенно для венской, поэтому отдельного упоминания стоит дискурсивное понятие *«Wiener Gemütlichkeit»* (венская душевность), которое, хотя и является составляющей общенемецкой идентичности, всегда противопоставлялось северному протестантскому немецкоговорящему миру. Считалось, что именно в Вене, а также на юге Германии, в Баварии, время тянется медленнее, люди более беззаботные, меньше спешки и суеты (Schmidt-Lauber 2003: 182). Австрийцы, противопоставляя немцев себе, спекулировали именно отрицательной коннотацией серьезности и положительной коннотацией недисциплинированности: *«австрийцы не [столь – Е.Х.] точны и серьезны, как немцы, не такие педанты»* (ПМА: Edeltraud H.).

Так, негативный стереотип «бездельника» в австрийской культуре превратился в стереотип «душевного человека, умеющего получать удовольствие от жизни». Тем временем, говоря о «странах восточного блока» и о том, почему они не являются Европой, информанты, оперируя теми же терминами, тут же переворачивают ситуацию с ног на голову, восхваляя педантичный и точный подход к работе австрийцев и немцев. В качестве примера может служить описание Штефаном III. своих земляков – представителей Верхней Австрии: *«открытые и расслабленные люди, приземленные»* (ПМА: Stefan Standharinger). Информантом совершается некая выгодная подмена понятий: распространенный гетеростереотип простоватых верхнеавстрийцев стал положительной характеристикой расслабленных и приземленных в противовес ханжеским венцам.

Про балы и транснациональные стереотипы

Интересно, что и у австрийцев, и у туристов есть два стереотипичных образа Австрии – региональный и венский, которые ни в коем слу-

чае не противопоставлены друг другу, а наоборот, сумели слиться в единый национальный облик. Именно поэтому национальная австрийская идентичность пестрит амбивалентными ингредиентами: ностальгия по империи и альпийская провинциальность, эмансипация и католицизм, регионализм и мультикультурализм. Эта комплексная австрийская идентичность пропагандируется и муниципальными инстанциями, которые регулярно устраивают общественные праздники, посвященные именно региональной австрийской «традиции», как, например, ежегодный фестиваль «Штирийская деревня» на площади Ратуши в Вене, а также организуют балы – типично венское мероприятие – не только в столице, но и в сельской местности.

Таким образом, региональный стереотип, который не у всех соответствует региональной идентичности, становится, однако, составной частью национальной идентичности. (Я могу не быть штирийцем, но «штирийскость» будет частью моей национальной идентичности.) При этом заимствованная региональная черта подвергается адаптации под местные условия. Например, балы, которые были изначально развлечением для высших слоев общества, подверглись влиянию политкорректности и традиционной «гильдийности» австрийского общества, т.е. склонность общественной группы к гомеостазу в аналог с образованием профессиональных гильдий в Средневековой Европе, которая сегодня лоббируется социально-ориентированной рыночной экономикой. Именно поэтому сегодняшние балы посвящены той или иной группе или идентичности: бал фермеров, бал работников медицины, бал академиков, бал ЛГБТ и т.д. Парадокс в том, что вопреки тенденции избранным как дань политкорректности и нейтралитету на эти балы разрешается ходить не только представителям перечисленных групп. Балы представляют собой пример наложения национального стереотипа на вненациональную идентичность, а вернее – способ формирования комплексной идентичности посредством инструментализации стереотипов:

«Я – транснациональный» (врач, представитель среднего класса, мужчина, представитель сексуальных меньшинств) + «Я – национальный» (австриец, а следовательно, любитель балов, шницелей, пива и гор или штириец, а следовательно, ношу зеленый костюм и пью белое вино) + «Я – индивидуальный» (имя, фамилия, характер, увлечения) = моя идентичность.

Не стоит думать, что первый компонент «Я – транснациональный» не поддается стереотипизации. Просто национальные стереотипы более уловимы и стабильны. Помимо этого, они имеют в своем составе также и транснациональные стереотипы (социальные, политические, религиозные, профессиональные и т.д.) (Hahn, Hahn 2002: 19). Более того, многие из транснациональных стереотипов не только являются состав-

ляющей индивидуальной идентичности, но и крепко вплелись в сущность именно региональной идентичности, как мы увидим ниже в примере с Каринтией.

Вопрос переплетения идентичностей и связанных с ней стереотипов затрагивается в теории позиционирования, которая в большинстве своем применяется сегодня в маркетинге, когда предпринимателю необходимо «позиционировать» свой товар на рынке, т.е. найти свою нишу и, самое главное, отличия от конкурентов. Точно так же и в теории идентичности постмодернизма посредством материальных вещей и символов, которые отличают его от другого, индивид находит свое место в обществе (Van Langenhove, Harre 2010).

Стереотипы же в рамках этих теорий играют атрибутивную функцию, т.е. являются этими самыми отличительными символами позиционирования человека в социуме, в том числе и в национальном контексте. В социальном контексте, прибегнув к стереотипам, индивид встает на позицию конформиста, а противореча им – на позицию нонконформиста. То есть по отношению к стереотипам можно формировать и национальную, и социальную, и индивидуальную идентичность.

Про географию стереотипов, спортивных тирольцев и черный венский юмор

Если рассматривать автостереотипы моих информантов, то здесь прослеживаются явные параллели с гетеростереотипами, возможно, с небольшими поправками. Житель Зальцкаммергута описывают себя (т.е. представителей региона) как *«с одной стороны, упрямых лбов, с другой – сердечных и держащихся вместе, не сумасбродных и дружелюбных людей»* (ПМА: Helmut K.). Или уже упоминавшийся автостереотип жителя Верхней Австрии – *«сдержанный, приземленный»* (ПМА: Stefan Standhartinger, Bernadette Rimpl), который вполне соответствует их образу среди австрийцев, в менее утонченном облики.

Региональные стереотипы не всегда связаны с административной землей. Так, в отдельную идентичность можно выделить регион Зальцкаммергут, объединяющий в себе три административных единицы, где люди называют себя зальцкаммергутцами. Некоторые выделяют границу Запад–Восток Австрии: *«между западом и востоком большая разница. Например, юмор: для меня на западе смешнее. На востоке юмор черный, с подтекстом – на западе он карнавальный, очевиднее, банальнее. На западе люди более деятельные, активные: и на эту гору, и на ту. Еще на западе все обращаются на “ты”, на востоке – на “Вы”. Если ты попадешь в западную больницу, то врач тебе скажет “ты”. В Вене такого точно не случится»* (ПМА: Stefan Standhartinger). Даже среди моей сравнительно небольшой выборки находились согласования гетеро- и автостереотипов:

венка Анна Ададек, словно в подтверждение реплик предыдущего информанта, рассказывает мне о грубом юморе тирольцев и о слегка злобном венском юморе (ПМА: Anna Adamek).

Многие информанты видят различие менталитетов между жителями городов и деревень: *«социальная активность намного лучше развита в сельской местности, люди не только друг с другом, но и друг для друга. В городе каждый живет для себя»* (ПМА: Margarete K.). И в этом случае мы имеем дело с транснациональным стереотипом, который будет релевантен в любых странах мира.

Приверженцы теории позиционирования Л. Ван Лангенхов и Р. Хааре затрагивают тему различия персональных и социальных стереотипов. Персональные – то, как ты лично воспринимаешь других, генерализация на основе личного опыта. Социальные стереотипы – обобщение ожиданий от той или иной культуры, не основанное на личном эмпирическом опыте (Van Langenhove, Harre 2010: 237). Персональные стереотипы сформулировать легче, но и социальные встречаются довольно регулярно. Только в редких случаях респонденты отвечали, что лично не знают жителей конкретного региона, или пытались не прибегать к обобщениям, при этом имея свою теорию объяснения: *«о зальцбургцах я не могу ничего сказать, потому что это серая зона: один хвост [имеется в виду форма географических границ земли. – Е.Х.] уходит в одну сторону, сторону Верхней Австрии, другой – в сторону Тироля, а третий – в сторону Штирии. У них много разных идентичностей»* (ПМА: Stefan Standhartinger).

Для характеристики штирийцев практически все прибегали к эпитету *«gemütlich»* (душевный), хотя, как мы уже знаем, именно его же использовали при описании австрийцев в целом. Скорее всего, у информантов не было единого образа штирийцев, но имелись положительные эмоции, связанные с ними, поэтому была использована типичная положительная для австрийцев черта. Таким образом, мы видим, что стереотип в обывательском его понимании, т.е. обобщенный и необъективный образ, соответствует представлению о самом себе в контексте группы, т.е. идентичности, по крайней мере, помогает ее осознать и сформулировать категориально.

Из австрийцев в интервью приняли участие только представители Вены, Верхней Австрии и Штирии, поэтому именно касательно этих административных областей удалось выяснить автостереотипы. Приступая к гетеростереотипам, информанты, как правило, намного быстрее и четче подбирали слова для их описания. Но функциональность стереотипов для построения идентичности проявляется не только в рамках автостереотипа. Да, идентичность – это субъективная характеристика себя в контексте своей группы, но чтобы обозначить границы этой группы, мы прибегаем к сравнению с тем, что находится за ее

пределами. И эта «заграница идентичности» и есть гетеростереотип. Одна из двух функций стереотипа – ограничение (Hahn, Hahn 2002: 28). Так, например, двое из информантов при описании жителей региона Каринтии сказали, что у них плохая репутация, потому что они голосуют за правые партии и управляются ими (ПМА: Bianca Figl, Anna Adamek). То есть политический выбор большинства каринтийцев – что является фактом – способствовал появлению стереотипа правонастроенных, может быть, даже националистически настроенных граждан. Тем самым люди огораживают свою идентичность от такой весьма негативной характеристики. Однако ограничительная черта не обязательно должна быть негативной: встречающийся у трех информантов стереотип тирольцев – заядлые альпинисты, спортсмены (ПМА: Katrin Standhartinger, Stefan Standhartinger, Anna Adamek). Этим самым нетирольцы причисляют себя к противоположному образу или хотя бы к менее спортивным людям. Хан и его жена считают, что если гетеростереотип негативен, то он, как правило, противопоставляется положительному автостереотипу, а если он позитивный, то имеет побудительный характер, т.е. призывает субъект становиться лучше, быть более похожим на объект стереотипа (Hahn, Hahn 2002: 32).

Подводя итоги географической систематизации региональных стереотипов Австрии по полученным данным, можно провести условную *регионально-социальную ось*: Вена – буржуазия и аристократия с черным юмором, регионы – закрытые и жесткие рабочие и крестьяне; *регионально-политическую*: Каринтия – электорат правых партий, Запад – консервативных, Вена – левых; *регионально-ментальную*: Вена – высокомерные снобы, тирольцы – спортивные из-за окружения гор, жители Нижней Австрии – депрессивные из-за скучного ландшафта и туманов.

О родстве стереотипа с шуткой

Ханс Хеннинг Хан и Ева Хан в своей статье пишут о родстве стереотипов с анекдотами, говоря, что суть шутки, которая часто упускается в повествовании, так же, как и суть стереотипа, понятна не всем, но те, кому она понятна, разделяют схожие эмоции, аналогично сами стереотипы проявляются наиболее ярко и компактно в шутках и анекдотах (Hahn, Hahn 2002: 19, 57). В этом сравнении есть смысл, ведь есть шутки-анекдоты интернациональные, а есть понятные только людям, объединенным какой-либо общностью, будь то профессия или национальность. В проведенных интервью информанты на просьбу дать характеристику той или иной общности часто не находили лучшего ответа, как привести пример анекдота: два кровельщика сидят на крыше и жалуются друг другу о том, как трудно работать: «*Зенн, работа – такая каторга*» – «*Франц, да, работа – мука*», *после долгих рассуждений*

о тяжелом труде Франц говорит напарнику: “Зепп, давай, может, начнем уже – тогда быстрее закончим”» (ПМА: Hannes Pirker). Таким анекдотом информант выражает отношение к работе австрийцев. В качестве отдельного дискурса можно рассматривать понятие «*Wiener-Schmäh*» (венский юмор), на его примере я также хочу показать, что стереотипы не должны выражаться в характеристиках, а еще точнее могут быть представлены в виде шутки. Дискурс «*WienerSchmäh*» прекрасно раскрывается в следующих ответах информантов:

– «очень черный юмор, много сарказма, цинизма, но так, что это не воспринимается всерьез: человек делает вид, что он воспринимает всерьез, а на самом деле – нет» (ПМА: Bianca Figl);

– «немного сарказма и выставлять что-то трагичное веселым, а что-то веселое – с перчинкой» (ПМА: Regina Strobl).

И часто на вопрос «какие венцы?» не находится лучшего ответа, чем привести в пример песню-шутку: «*Papa alle починит*» (ПМА: Anna Adamek). Вкратце в ней поется о непослушных детях, которые все ломают и крушат, но относятся к своим проказам легко, эта легкомысленность воплощается в припеве «*да, papa alle починит*» (Alexander P.). Своеобразный венский юмор стал подтверждающим фактором стереотипичного образа снобистского венца.

Виртуальная карта, журнал «Servus» и среднее арифметическое австрийских идентичностей

Ханс Хеннинг Хан и его жена представляют две функции стереотипов: интеграция и ограничение, обе из которых способствуют национальной консолидации (Hahn, Hahn 2002: 28), именно поэтому стереотипы точно так же являются способом формирования идентичности и по оси «top down» схемы, т.е. навязываются нам властями. Например, горный ландшафт является излюбленным символом пропаганды идентичности. Пролистав любой выпуск австрийского развлекательного журнала «*Servus*», вы найдете большое количество изображений деревенской идиллии с деревянным домиком, фермерскими продуктами и мирно пасущимися альпийскими коровами на фоне горного пейзажа и счастливых австрийцев в национальных костюмах – самыми распространенными гетеростереотипами об Австрии. Но самое главное, что у журнала огромное количество местных подписчиков, и мало кто возмущается «пропагандой клише австрийского образа жизни». Достаточно представить в России журнал, пестрящий изображениями медведей с балалайками, березками, под которыми затягивает заунывную мелодию гармонист в рубахе. Именно в этом и заключается феномен австрийской культуры, потому что здесь гетеростереотип практически соответствует автостереотипу.

Туризм, таким образом, становится доказательством взаимосвязи идентичности и стереотипа. Как правило, туриндустрия преувеличивает положительные черты культуры и приукрашает или сакрализует отрицательные. Но в Австрии туриндустрии ничего не нужно создавать самой. Например, в горнолыжном туризме просто имитируется крестьянско-альпийский образ жизни и лишь слегка адаптируется под запросы требовательных клиентов. Балы являются не искусственно созданной утехой для иностранцев, а традиционным досугом для местных. Национальную одежду действительно носят, порой даже как повседневную (рис. 2).

Рис. 2. Австрийцы в национальных костюмах. Брук-ан-дер-Мур, 26.09.2015
(фото Е.В. Холлер)

Безусловно, в Австрии имеются и «ловушки для туристов», вроде классических концертов массового производства, но поскольку в эпоху постмодернизма важна только востребованность культуры, а не ее аутентичность, следовательно, имитация не чуть не уступает имитируемому. Но в России, в отличие от Австрии, имитировать приходится гораздо больше. Например, в Суздале налицо скорее имитация прошлого, когда во всем городе запрещено строить здания высотой более трех этажей для сохранения исторически-культурного облика города. То есть стереотипы русской культуры, которые так ярко представлены в

Суздале, не соответствуют русской идентичности, тогда как в Австрии соответствуют. Кроме того, у австрийцев существует четкое представление об истинной идентичности и «туристической маске». Так, например, большинство информантов отвечало на вопрос «какие жители гор?» практически единогласной характеристикой: суровые, твердые, закрытые, при этом добавляя, что это, конечно, не те, что работают в туристической индустрии (ПИМА). То есть в этом случае существуют два гетеростереотипа обитателей Альп: вышеприведенный внутриавстрийский и туристический (веселые, гостеприимные, приветливые, простые). Первый помогает формировать идентичность австрийцев, второй – в какой-то степени, идентичность туристов и международный образ Австрии, а следовательно, еще более упрощенный гетеростереотип. Ханс Хеннинг Хан и Ева Хан, ссылаясь на польского этнолога Мигра, также сравнивают стереотип с моделью возможного мира, с виртуальной картой в наших головах (Hahn, Hahn 2002: 26).

Необходимо понять, что международный гетеростереотип не является ложным образом, просто чем меньше масштаб карты, в данном случае в нашей голове, тем примитивнее и символичнее становятся характеристики. В Интернете я натолкнулась на карту мировых стереотипов, в которой территории государств были исписаны стереотипами о них. Крупным странам, вроде США и России, повезло, поскольку они располагали достаточным количеством места, а вот Австрия ограничилась Моцартом на месте Вены и йодлерами в регионах (Hooton 2014). По теории социопсихолога Д. Гамильтона стереотипы как когнитивные категории имеют дело с перенасыщением информации (Van Langenhove, Naeye 2010: 237), т.е. при стереотипизации происходит симплификация комплексного.

Сегодня, однако, упрощение имеет негативную коннотацию. Почему? Просто симплификация – это пренебрежение деталями, грубая категоризация, отбор. В настоящее время на Западе процветает политика диверситета и мультикультурализма. В эпоху глобализации естественно стремление к индивидуализации, а значит, прочь от категоризации. Именно поэтому стереотипы становятся все больше атрибутом невежества и воспринимаются как что-то негативное. Но именно в эпоху глобализации, Интернета и усиленного потока миграции люди перегружены информацией и образами. Поэтому наш мозг старается воспринимать все компактно, редуцированно. Именно поэтому мы и мыслим категориями символов и стереотипов. Штириец может рассказать о тонких нюансах в ментальностях жителей Верхней и Нижней Штирии, а турист воспринимает собирательный образ австрийца из балов, классической музыки, альпийского пения и традиционных кожаных шорт. Но самое интересное, что и австриец тоже себя так воспринимает, если не арены выходит не региональная, а национальная идентичность, если

ему нужно найти обобщения всех регионов в одном собирательном образе. Собирательный образ Австрии для туристов более-менее понятен: согласно исследованию Гюнтера Швайгера в 1990-е гг. образ Австрии ассоциируется у неавстрийцев с Новогодним концертом Венской филармонии, ежегодно транслирующимся на весь мир первого января, и с горными лыжами – национальным спортом (Bruckmüller 1997: 13). В своей схеме деконструкции идентичности я попыталась нащупать собирательную модель идентичности австрийцев, вернее, две получившиеся (см. рис. 1). Первая – идентичность Зальцкаммергут, объединяющая в себе локальные особенности всей Австрии (регионализм, католицизм, ностальгию по империи и т.д.). Название было подобрано по уже известному региону Зальцкаммергут – популярной туристической области, объединяющей в себе три административные земли (Верхняя Австрия, Зальцбург и Штирия) и все типичные образы страны. Здесь пропадают административно-региональные различия, а также различия между классами, это идеальная смесь традиций и стереотипов на естественный манер: *«нужно только прогуляться вокруг Аусзее [название городка. – Е.Х.]: ты увидишь мужчин и женщин в горных ботинках, но в платьях и в шляпах. И так они ходят в горы»* (ПМА: Margarete K.).

В сердце Зальцкаммергута, городке Бад Ишль, воплощаются все авто- и гетеростереотипы Австрии. Известная летняя резиденция-курорт Габсбургов, где каждое лето проводили Франц-Иосиф и Елизавета, стала туристическим местом с 1800 г. Именно там были всегда представлены три модели общества: либерально-бюргерская, австрийская, пролетарская, т.е. там исчезали социальные различия, политика и проблемы. Там все становились «людьми» (Helmuth 2005: 350). До сих пор в регионе туризм процветает за счет сочетания всех «типичных образов»: так, в августе, ко дню рождения Франца-Иосифа, проводят фестиваль *Keisertage* (императорские дни) с концертами, костюмированными парадом, скачками и даже турниром по гольфу в старинных костюмах. За императорскими днями тут же следует ежегодный фестиваль *Bauernherbst* (Фермерская осень), где те же концерты и костюмированные шествия проводятся под лозунгом прославления фермерской культуры и свежих продуктов (Bad Ischl).

Вторая, противоположная, идентичность – «Нейтральный гражданин мира» – соответствует политике мультикультурализма, нейтралитета, социалистическим тенденциям в экономике и т.д. Как правило, она противопоставляется предыдущей идентичности, и информанты предпочитают отвечать, что они не обладают никакой национальной идентичностью или являются космополитами (ПМА: Bianca Figl). Однако отрицание национальной идентичности – тоже идентичность, которая обладает своим набором стереотипов.

Про объединяющие стереотипы и оппортуниста герра Карла

Понятие идентичности сложно обозначить терминологически. В любом случае она оперирует категориями, которые обозначают принадлежность к какой-либо группе. Идентичность в большинстве своем социальна, т.е. если индивид характеризует себя каким-либо понятием, то, скорее всего, есть еще люди, которые себя идентифицируют так же. Но для членов любой общности необходимы их легитимация и кодификация. Стереотипы служат психологическим кодом общего сознания, т.е. условием понятной и свободной коммуникации, признание стереотипа всеми сторонами взаимодействия предупреждает конфликты и недопонимание, объединяет (Imhof 2002: 58). Недаром живущие за рубежом соотечественники часто держатся вместе на почве одинакового происхождения (соответственно, одинаковых автостереотипов), хотя у себя на Родине, возможно, не имеют между собой ничего общего.

Таким образом, объединяющая национальная идентичность, которая была, например, недостаточным фактором для взаимодействия двух индивидуумов в родных краях, стала условием общения за их пределами. В конкретном случае с Австрией этот принцип тоже действует. Все опрошенные считают себя европейцами, и в случае сравнения с неевропейскими странами, которые каждый определял по-своему, информанты тут же обретали европейскую идентичность, которая отличается так называемыми европейскими ценностями, в которые, если обобщить ответы, входят секуляризация, демократия, правовое государство, главенство прав человека, нелегитимность пыток (в отличие от США, например), благосостояние и поддержание мира.

Эти понятия, по сути, тоже стереотипичны, именно такой гетеростереотип Европы, который соответствует автостереотипу, присущ многим неевропейским странам мира, включая те, откуда в настоящее время направляется усиленный поток беженцев и мигрантов, желающих попасть именно в такую Европу. Общие стереотипы могут объединять не только соотечественников. К примеру, на семинаре по межкультурной коммуникации в Вене мультинациональную аудиторию попросили привести примеры культурного шока, с которым они столкнулись в стране. Румынка говорит, что она была удивлена дружелюбностью, оптимизмом и позитивным настроем австрийцев, на что сидящий в зале немец ухмыляется и утверждает, что австрийцы, наоборот, пессимисты. В этом оба оппонента находят поддержку в лице некоторых других участников семинара и начинается дискуссия – происходит консолидация по общему стереотипу.

Как и региональные идентичности внутри одной нации, стереотипы могут быть противоречивыми и уживаться в рамках одного культурного кода (Imhof 2002: 60). Если говорить о национальной идентичности,

то она состоит из порой противоречащих себе обобщений: так, австрийцы гордятся высоким культурным наследием и классиками музыки, но и считают себя близкими природе и Альпам (ПМА) (рис. 3).

С одной стороны, испытывающие ностальгию по габсбургской империи, с другой – нейтральные миротворцы. Многие из этих образов, как уже упоминалось, в действительности соответствуют фактам сегодня, но есть и так называемые пережитки стереотипов.

Рис. 3. Юные австрийские музыканты. Брук-ан-дер-Мур, 26.09.2015
(фото Е.В. Холлер)

В статье австрийского историка Э. Брукмюллера описаны некоторые исторически сложившиеся стереотипы Австрии и австрийцев. Стереотип музыкальной столицы мира сложился благодаря композиторам XVIII–XIX вв., а стереотип нейтральной страны появился после подписания в 1955 г. Декларации о независимости Австрии (Bruckmüller 1997). Интересно, что многие эти стереотипы имеют достоверную основу, не относящуюся к настоящему. Сегодня нет ни великих австрийских композиторов, ни империи, да и нейтралитет не столь явный, хотя бы потому что Австрия входит в ЕС.

Более подробно остановимся на стереотипе «нейтралитет». Для комплексного изучения, помимо упомянутого журнала «Servus», был исследован школьный учебник для седьмого (в России – десятого)

класса. В главе, посвященной «австрийской идентичности», в качестве примера приведен монолог антигероя герра Карла из часового художественного фильма-кабаре, снятого в 1961 г. по сценарию Гельмута Куалтингера и Карла Мерца. «Симпатичный и милый, на первый взгляд, герр Карл все больше проявляет себя в фильме как оппортунист. Все дело в том, что Австрия по окончании Второй мировой войны была публично провозглашена первой жертвой режима Гитлера, в связи с этим критическое отношение народа к собственной истории проявляется не сразу. В данном случае учебник в образе герра Карла показывает ученикам типичного австрийца послевоенного времени – оппортуниста, ищущего оправдание своему прошлому» (Холлер 2015: 8).

Этот образ оппортуниста не стал национальным стереотипом, но стал толчком к становлению послевоенного комплекса как следствие запоздалой гиперрефлексии, который, связавшись с образом нейтральной страны, уже стал компонентом национальной идентичности. События стали историей, но образы сохранились, это выявляет еще одну функциональную особенность стереотипа для построения идентичности, которую я назвала атавизацией истории, формирующую именно образ страны, но основанную на исторических фактах, которые уже не актуальны.

Самое интересное, что это не просто пережиточные стереотипы, а консолидированные понятия, которыми спекулируют в туризме, политике и культуре для навязывания австрийцам определенного национального характера. Здесь я вновь обращаюсь к схеме деконструкции идентичностей и ее вектору «top down», которая подразумевает именно навязывание, порой агрессивное, идентичностей сверху, т.е. «политику идентичности неких силовых структур», эту концепцию поддерживает в своей статье Лив, которая видит в, казалось бы, безобидных акциях отстаивания своей идентичности и самоидентификации результат работы глобальной «машины идентичности» (Leve 2011). Кстати, такой концепции придерживаются многие этнологи в Австрии, видя за образами-клише, навязанными нам политикой и туриндустрией, только корыстные цели этих структур. Я же, будучи последовательницей постмодернизма, считаю, что если люди имеют национальную идентичность, пусть даже навязанную, значит, она пользуется спросом и необходима обществу.

Стереотипы как интеграционный код и смягчитель конфликтов

Наиболее активно консолидируются эти «исторические стереотипы» сейчас, в период кризиса с беженцами. В вопросах интеграции в «европейское общество» людям необходимо четко охарактеризовать и обозначить границы этого общества, чтобы подтвердить или, наоборот,

забраковать интеграцию. Эту гипотезу подтверждает норвежский математик и социолог Йохан Гальтунг, который видит в стереотипах социокультурный код, сравнивая его с генетическим кодом человека. Для него стереотип – это социокультурная, коллективная (поскольку требует партнера и его восприятие того, что нормально и естественно) и бессознательная программа по взаимодействию людей. Это как определитель нормальности или ненормальности во избежание конфликтов (Imhof 2002: 59). Именно основанная на стереотипах прошлого идентичность помогает сегодня определить, кто разделяет с тобой эти стереотипы, а кто – нет. При этом в качестве мигранта индивиду не обязательно соглашаться с данным кодом, но необходимо знать этот код, выраженный в стереотипе, и пытаться приблизиться к нему. Нельзя забывать, что эти коды имеют силу только в коллективе, поэтому их никто не хочет приписывать себе. Зачастую информанты тоже отвечают стереотипично, но тут же оправдываются, добавляя: «я знаю, это клише, но».

Дело в том, что стереотипы обладают свойством изменчивой прозрачности. Они неуловимы в обыденной жизни, их используют без рефлексии, бессознательно, но они тут же набирают вес, как только произнесут их название. Общество не любит мыслящих клише, поэтому информант сразу оправдывается за использования стереотипа, чтобы вернуться в привычное состояние баланса. Это наблюдение отсылает нас к понятию «проблематизация», введенному М. Фуко. Проблематизация наделяет рефлекслирующим содержанием любой вид поведения, который до этого был естественным в культурном контексте. То есть то, что раньше было нормальным, становится вдруг проблематичным и неправомерным (Foucault 1994: 117–118). Это «вдруг» антрополог Дж. Зигон, основываясь на философии Хайдеггера, называет «нарушение» (breakdown) (Zigon 2007: 136). Именно такое нарушение происходит, когда информант задумывается о значении стереотипа и о его наличии у себя в мыслях, именно поэтому, стремясь оставаться конформистом, он в одно и то же время принимает стереотип, поскольку так думает общество, с другой – отвергает его, поскольку тут уже хочет быть конформистом со стороны толерантного общества, которое не мыслит клише.

Я попыталась продолжить теорию Гальтунга, предположив, что коллективная среда обитания стереотипа не единственная: устоявшись в обществе, он может укорениться в сознании под видом собственных мыслей. И отталкиваясь от теории позитивации идентичности Тэджфела, можно сказать, что индивид начнет подсознательно искать подтверждение своему стереотипу и меньше замечать опровержения. Это подтверждает даже определение стереотипа, данное уже в немецком социологическом словаре: «Стереотип – схематичное, редуцированное

до нескольких ориентиров, долгое время неизменчивое и, несмотря на новый, противоречащий им опыт, устойчивое представление о существенных признаках и поведении других людей или групп людей...» (Hillmann 1994: 842). Однако стереотипы служат смягчителями конфликтов не только в качестве культурных кодов, но и в качестве не поддающихся верификации дискурсов, когда в случае конфликта можно всегда сослаться на нелегитимность стереотипов («это не мои мысли, это общепринятый стереотип»). То есть, с одной стороны, стереотип легитимирует собственные высказывания, с другой – защищает их от нападок, поскольку ими не является. Такой инструментализм стереотипов может быть опасен, но действителен в различных конфликтных ситуациях.

Изменчивость стереотипов

Еще одно важное свойство стереотипов – их относительность, благодаря которой поддерживается баланс между гетеро- и автостереотипами. Мигранты, которые проживают в Австрии более одного года, склонны характеризовать австрийцев согласно гетеро- и автостереотипам, которые часто совпадают, но есть ли среди тех и других единогласие? На некоторых вышеприведенных мною примерах были рассмотрены совпадения гетеро- и автостереотипов, но как быть, если гетеростереотипы тоже относительны? Дело в том, что порой гетеростереотипы австрийцев совершенно противоречат друг другу. Для выходца из Молдовы Владимира национальная черта австрийцев заключается в следующем: «в Австрии слово “Termin” (назначенное время для встречи) – оно как священная корова, когда в нашей стране это полностью игнорируется» (ПМА: Владимир), но оба опрошенных мною немца высказали противоположную точку зрения: «немцы пунктуальные, австрийцы – меньше» (ПМА: Frau S.) и «если в Германии я скажу друзьям, что мы встречаемся в 18:00, то уже в 17:55 все на месте, здесь в 18:20 ты получаешь смс: “Я приеду через 20 минут”. Это Австрия: редко, когда кто-то приходит вовремя. Это “Gemütlichkeit”» (ПМА: Stefan Tieme). Тем не менее русская респондентка, прожившая примерно одинаковое количество времени в Германии и в Австрии (по 6 лет), тоже придерживалась немецкого варианта оценки австрийской точности: «австриец – не очень пунктуальный, привязан к дому, семейный человек, любит природу, любит хорошо поесть, попить винца, наслаждается жизнью, gemütlich» (ПМА: Валентина Дмитриева) (рис. 4).

Исходя их собранных данных, была выявлена тенденция: чем меньше мы знаем культуру, тем более обобщенный будет стереотип, тем отдаленнее он будет от автостереотипа. Ведь большинство опрошенных австрийцев признали, что немцы, действительно, намного более

пунктуальны, чем они: *«австрийцы – душевные [снова используется прилагательное “gemütlich”. – Е.Х.], немцы – более требовательны в отношении производительности, более точны и пунктуальны»* (ПМА: Bernadette Rumpf).

Еще одна тенденция: чем меньше информанты жили в Австрии, тем чаще они употребляли в описании именно термин «австрийцы», тогда как другие, переехавшие сюда много лет назад, как правило, уточняли регион, о котором они говорят (венцы, штирийцы), т.е. актуальными становятся региональные характеристики, именно поэтому некоторые респонденты легко характеризовали австрийцев, но не знали, что сказать при просьбе описать венцев или жителей сельской местности.

Рис. 4. Gemütlichkeit: винодельческий регион южной Штирии называют австрийской Тосканой. Южная Штирия, 2015 (фото Х. Кальтенбергер)

Можно утверждать, что один стереотип более точен, нежели другой, и, скорее всего, опрошенные поменяют свой взгляд на австрийскую пунктуальность, прожив там еще какое-то время. Вполне вероятно, что на примере мигрантов мы наблюдаем процесс превращения гетеростереотипа в автостереотип, но для этого необходим баланс стереотипов. Они не должны быть абсолютными противоположностями и должны иметь свойство уточнения. Так, индивид, собирающийся переехать в Вену, имеет сначала общеевропейский стереотип, переехав туда, – об-

ациональный австрийский и только после нескольких лет жизни – венский, который когда-то сможет перерасти в автостереотип. Такая постепенная реализация гетеро- и автостереотипов в какой-то степени также упрощает процессы интеграции мигрантов в австрийское общество. Конечно, будут встречаться разногласия по принципу «ожидание – реальность», поскольку стереотипы – это грубая, обобщенная, лишенная нюансов характеристика, но в целом это свойство помогает справиться с культурным шоком, который, по сути, и является оправдавшим или не оправдавшим себя стереотипом.

Существует и обратный процесс перехода автостереотипа в гетеростереотип. Так, немка Frau S. признается: *«я очень изменилась, после того, как переехала в Австрию <...> я уже первая, кто шутит над немцами. Когда я их встречаю, то говорю: “снова эти пифке”»* (ПМА: Frau S.) (пифке – шутливое разговорное прозвище немцев в Австрии). Посредством стереотипа она все больше обретает идентичность австрийки и «доказывает» разделением австрийских стереотипов свою интеграцию, но, судя по ее высказыванию, по-прежнему актуальной остается и немецкая идентичность.

Разделение людьми одних и тех же стереотипов всегда способствует интеграции в общество. Свойство относительности стереотипов опровергает свойство их неизменности. Герман Баузингер писал, что стереотипы представляют собой «некритичные обобщения, которые не поддаются проверке и резистентны к изменениям» (Müns 2002: 125). Однако еще в начале XVIII в. в Австрии были созданы так называемые гравюры народностей («Völkertafel»), в которых была отражена таблица, дающая короткую характеристику народам, населяющим Европу в то время. Самым первым изображен испанец, указаны такие его качества, как мужественный, щедрый, добрый и т.д. Последним шел турок, заклеянный следующими прилагательными: предательский, ленивый, самовлюбленный и т.д. Все эти стереотипы, которые уже ближе к предрассудкам, соответствовали тогдашнему западнцентристскому мировоззрению австрийцев, недаром все положительные качества приведенных народностей расположены по убыванию соответственно оси «запад – восток». Кроме того, турки получили столь нелюбимую характеристику по причине принесших много бед турецких войн в XVII в. Выше в качестве свойства стереотипа была упомянута «катавизация истории». Здесь же наблюдается обратный процесс адаптации стереотипа к исторической действительности, что тоже помогает сформировать собственную идентичность.

Про SySyKoll и символы Австрии

В чем выражены стереотипы? Порой они представляют собой лишь набор символов. Например, немецкий германист и литературовед Юр-

ген Линк вводит понятие «синхронная система коллективных символов» (SySyKoll), представляющее собой обобщенную «образность культуры, совокупность ее самых распространенных аллегорий, эмблем, метафор, наглядных моделей и ориентировочных топиков, сравнений и аналогов» (Link 1997: 25). Проще говоря, согласно Линку эта система символов – образно-редуцированная модель общества, воплощенная в символах, которая определяет рамки нормальности. Коллективные символы есть не что иное, как стереотипы, но еще более редуцированные, воплощенные в дискурсивных понятиях вроде «*Gemütllichkeit*» (душевность), «*Nachhaltigkeit*» (принцип неистощительного использования природы и природных ресурсов) и т.д. Именно поэтому весьма продуктивным оказался следующий метод выяснения автостереотипов. Я попросила своих информантов называть первые пришедшие в голову символы, связанные с Австрией. Большинство называли стереотипичные образы, вроде Моцарта, Собора Святого Стефана, двуглавого орла, красно-бело-красного флага и т.д. Но встречались и нетривиальные высказывания вроде «*правый уклон в политике*» (ПМА: Bianca Figl), «*энциан и эдельвейс*» (ПМА: Anna Adamek), «*липпицианская лошадь, зальцбургский музыкальный фестиваль, венский хор мальчиков*» (ПМА: Regina Strobl), «*кисть из волос серны на шляпе, горные ботинки, горный ландшафт, кожаные шорты*» (ПМА: Johannes H.).

Таким образом, в систему, или облако, символов информанты включают либо связанный со страной туристический гетеростереотип, либо объекты гордости или же национальные недостатки, пришедшие им на ум: от природных красот до культурного достояния и политических предпочтений. Причем множество символов становится традиционным коллективным стереотипом (Drews, Gerhard, Link 1985: 256) и, как и стереотип, имеет лишь частичное отношение к стране и к людям: в Европе существуют намного более правонастроенные страны (Венгрия, Словакия), а горные ассоциации точно так же можно связать со Швейцарией, но система символов остается неизменчива. Линк говорит о функциональности системы в качестве показателя нормальности / ненормальности общества, именно «синхронная система коллективных символов» (SySyKoll) формирует «мы-идентичности» и «они-идентичности» (Imhof 2002: 69).

Эта теория лишний раз доказывает функциональность стереотипа в построении идентичности, уточняя, что и так редуцированный стереотип может быть сам редуцирован до символов, которые, выстраиваясь в ассоциативный ряд, облегчают индивиду упорядочивание картины общества при избытке информации. Именно символическая структура отличает стереотип от категории или обобщения (70).

Заключение

Впервые о стереотипах в научном контексте еще в 1922 г. заговорил Липпманн, отмечая, что наш стереотипный мир не является тем, каким мы его хотим видеть, а тем, каким мы его ожидаем увидеть (Lippmann 1922). Исходя из этого, можно предположить, что стереотип дает либо ложную информацию, либо частичную информацию (по принципу «в каждой шутке есть доля правды»), т.е. это зерно правды, которое было изуродовано и дискредитировано из-за преувеличений, эмоциональной нагрузки и недопустимых обобщений (Hahn 2002: 24). Сегодня, в период трансформации европейского общества, стереотип обретает все более значимый вес. Исторически стереотипы распространялись на уровне народных сказаний, легенд и слухов, передавались из уст в уста. Теперь же их продвигают и официальные лица вроде журналов и телевидения, политики и образования, поэтому уровень доверия к ним возрос. Современная ситуация в Европе прекрасно подходит для изучения стереотипов и «усиливающейся» национальной идентичности. С одной стороны, наплыв беженцев, с другой – набирающие обороты разговоры о выходе из ЕС, а следовательно, растущая национальная консолидация. Стереотип как объект научного знания априори легитимировал себя, поскольку, имея необоснованную сущность, не может сам являться обоснованным или необоснованным. Он является способом построения национальной, региональной и индивидуальной идентичности в эпоху глобализации. Стереотипы не отражают реальную картину культуры и общества, но помогают деконструировать австрийскую идентичность в острый для нее период – период консолидации, с одной стороны, и период отвержения – с другой.

Источники и материалы:

ПМА – полевые материалы автора. Экспедиция в Австрии, март – ноябрь 2015 г. Информанты: Валентина Дмитриева, Владимир, Alexander P., Anna Adamek, Bernadette Rimpl, Bianca Figl, Edeltraut K., Frau S., Hannes Pirker, Helmut K., Katrin Standhartinger, Johannes H., Margarete K., Stefan Standhartinger, Stefan Tieme, Regina Strobl.

Литература

- Холлер Е.В. Деконструкция деконструкции или как исследовать идентичность // Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX–XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2015. № 28. С. 5–12.
- A dictionary of sociology* / Ed. by J. Scott. Oxford, 4-е изд. Oxford Univ. Press, 2015. URL: <http://www.oxfordreference.com.orosociology.han.onb.ac.at> (дата обращения: 28.02.2016).
- Alexander P. Der Papa wird's schon richten ORIGINAL. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wk5eclHme8U> (дата обращения: 07.03.2016).
- Bad Ischl. Salzkammergut // Tourismusverband Bad Ischl. URL: <http://badischl.salzkammergut.at> (дата обращения: 06.03.2016).

- Bruckmüller E.* Mythen, Bilder, Stereotypen: Selbst- und Fremdbilder über Österreich // 1000 Jahre Österreich – Wege zu einer österreichischen Identität. Vorträge anlässlich des Dies Academicus der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien am 10. Jänner 1996 / Red. F. Römer. Archiv венского университета, Вена, 1997. Vol. 6. S. 11–31.
- Drews A., Gerhard U., Link J.* Moderne Kollektivsymbolik. Eine diskurstheoretisch orientierte Einführung mit Auswahlbibliographie // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur, 1. Sonderheft. Forschungsreferate, 1985. S. 256–365.
- Foucault M.* Essential Works of Michel Foucault, Vol. 1: Foucault, Ethics: Subjectivity and Truth / ed. P. Rabinow. N.Y.: New Press, 1994. 334 p.
- Hillmann K.-H.* Wörterbuch der Soziologie. 4. Переработанное и оригинальное издание. Stuttgart: Kroener Alfred GmbH, 1994. 842 s.
- Hahn H.H., Hahn E.* Nationale Stereotypen. Plädoyer für historische Stereotypenforschung // Hahn H.H. (ed.). Stereotyp, Identität und Geschichte. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2002. S. 17–56.
- Helmuth T.* Die Erfindung des Salzkammerguts. Imaginationen alpiner Räume und ihre gesellschaftlichen Funktionen // Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance / Ed. by J. Mathieu, S. Boscani Leoni. Bern: Peter Lang, 2005.
- Hooton C.* This map of the world in stereotypes is insanely comprehensive // Independent 27.05.2014. URL: <http://www.independent.co.uk/news/weird-news/this-map-of-the-world-in-stereotypes-is-insanely-comprehensive-9440933.html> (дата обращения: 15.02.2016).
- Imhof M.* Stereotypen und Diskursanalyse. Anregungen zu einem Forschungskonzept kulturwissenschaftlicher Stereotypenforschung / Ed. by H.H. Hahn. Stereotyp, Identität und Geschichte. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2002. S. 57–72.
- Leve L.* Identity // Current Anthropology. 2011. Vol. 52, № 4 (August 2011). P. 513–535. The University of Chicago Press im Auftrag von Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/660999> (дата обращения: 13.05.2015).
- Link J.* Versuch über Normalismus. Wie Normalität produziert wird. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
- Lippmann W.* Public Opinion. 1949. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456.html> (дата обращения: 14.01.2016).
- Müns H.* Arbeitsfelder und Methoden volkskundlicher Stereotypenforschung / Ed. by H.H. Hahn. Stereotyp, Identität und Geschichte. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2002. S. 125–154.
- Secord P.F., Backman C.W.* Social psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1964.
- Schmidt-Lauber B.* Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2003.
- Tajfel H.* Gruppenkonflikt und Vorurteil. Entstehung und Funktion sozialer Stereotypen. Bern u. a.: Hans Huber Verlag, 1982.
- Van Langenhove L., Harre R.* Cultural stereotypes and positioning theory // Harre R., Van Langenhove L. People and societies: Rom Harre and designing the social sciences. London: Routledge advances in sociology, 2010. P. 236–247.
- Zick A.* Vorurteile und Rassismus. Eine sozialpsychologische Analyse // Texte zur Sozialpsychologie. Münster u. a., 1997. Bd. 1.
- Zigon J.* Moral breakdown and the ethical demand. A theoretical framework for an anthropology of moralities. SAGE Publications (London, Los Angeles, New Delhi and Singapore). 2007. Vol. 7 (2). P. 131–150.

Статья поступила в редакцию 25 июля 2016 г.

Holler Ekaterina V.

FUNCTIONAL USEFULNESS OF STEREOTYPE IN THE CONSTRUCTION OF IDENTITY: THE CASE OF AUSTRIA*

Abstract. The article shows how, using national and regional auto- and hetero-stereotypes, the Austrians construct their identity in the period of transformation of the society caused by different crises (migrant crisis, financial crisis, etc.). Based on her field material (interviews, observations, and content and discourse analyses of the mass media), the author gives vivid examples of how stereotypes are used in the national and regional contexts. In the Austrians' eyes many of the stereotypes have become the 'national character' features; other stereotypes have made up the 'regional character' features that are exploited in tourist industry, the media, and politics. The article illustrates an attempt to classify the Austrian stereotypes and identify the history of formation of these. Here, the empirical material is provided along with theoretical analyses by sociologists and anthropologists specializing in research on stereotypes.

Keywords: stereotype, national identity, regional identity, Austrians

* The research has been conducted under the Russian Foundation for the Humanities project # 15-31-01021, titled 'Reconstruction of identity and transformation of the way of life in Europe at the turn of the 20th – 21st centuries', and received complementary funding from the Russian Foundation for the Humanities under the research project # 16-01-00287a.

DOI: 10.17223/2312461X/15/6

References

- Holler E.V. Dekonstruktivna dekonstruktsiia ili kak issledovat' identichnost', *Peremeny v samo-soznanii i zhiznennom uklade evropeitsev na rubezhe XX–XXI vekov (Avstriia, Islandiia, Ispaniia, Serbiia), Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii no. 28* [Changes in self-consciousness and the way of life of Europeans at the turn of the 20th–21st centuries (Austria, Iceland, Spain, and Serbia). Applied and Urgent Ethnological Research No. 28]. Moscow: IEA RAN, 2015, pp. 5-12.
- A dictionary of sociology*. Eds. by Scott, J. Oxford, 4th edition. Oxford Univ. Press, 2015. Available at: <http://www.oxfordreference.com.orosociology.han.onb.ac.at> (Accessed 28 February 2016).
- Alexander P. *Der Papa wird's schon richten* ORIGINAL. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Wk5eclHme8U> (Accessed 7 March 2016).
- Bad Ischl. Salzkammergut, *Tourismusverband Bad Ischl*. Available at: <http://badischl.salzkammergut.at> (Accessed 6 March 2016).
- Bruckmüller E. Mythen, Bilder, Stereotypen: Selbst- und Fremdbilder über Österreich, *1000 Jahre Österreich – Wege zu einer österreichischen Identität*. Franz Römer (Red.). Wien, 1997, pp. 11–31.
- Drews A., Gerhard U., Link J. Moderne Kollektivsymbolik. Eine diskurstheoretisch orientierte Einführung mit Auswahlbibliographie, *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur, 1. Sonderheft*. Forschungreferate, 1985, pp. 256–365.
- Foucault M. *Essential Works of Michel Foucault, Vol. 1: Foucault, Ethics: Subjectivity and Truth* (ed. P. Rabinow). NY: New Press, 1994. 334 p.
- Hillmann, K.-H. *Wörterbuch der Soziologie*. 4. Revised and original edition. Stuttgart: Kroener Alfred GmbH, 1994. 842 p.
- Hahn H.H., Hahn E. Nationale Stereotypen. Plädoyer für historische Stereotypenforschung, *Hahn H.H. (ed.). Stereotyp, Identität und Geschichte*. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2002, pp. 17–56.
- Helmuth T. Die Erfindung des Salzkammerguts. Imaginationen alpiner Räume und ihre gesellschaftlichen Funktionen, *Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance*. Ed. by Mathieu, J., Boscani Leoni, S. Bern: Peter Lang, 2005.
- Hooton C. This map of the world in stereotypes is insanely comprehensive, *Independent* 27.05.2014. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/weird-news/this-map-of-the-world-in-stereotypes-is-insanely-comprehensive-9440933.html> (Accessed 15 February 2016).

- Imhof M. Stereotypen und Diskursanalyse. Anregungen zu einem Forschungskonzept kulturwissenschaftlicher Stereotypenforschung, *Hahn H.H. (ed.). Stereotyp, Identität und Geschichte*. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2002, pp. 57–72.
- Leve L. Identity, *Current Anthropology*. 2012. Vol. 52. No. 4 (August 2011). pp. 513–535. The University of Chicago Press im Auftrag von Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/660999> (Accessed 13 May 2015).
- Link J. *Versuch über Normalismus. Wie Normalität produziert wird*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
- Lippmann W. *Public Opinion*. 1949. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456.html> (Accessed 14 January 2016).
- Müns H. Arbeitsfelder und Methoden volkskundlicher Stereotypenforschung, *Hahn H.H. (ed.). Stereotyp, Identität und Geschichte*. Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2002, pp. 125–154.
- Secord P.F., Backman C.W. *Social psychology*. New York: McGraw-Hill, 1964.
- Schmidt-Lauber B. *Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung*. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2003.
- Tajfel H. *Gruppenkonflikt und Vorurteil. Entstehung und Funktion sozialer Stereotypen*. Bern u. a.: Hans Huber Verlag, 1982.
- Van Langenhove L., Harre R. Cultural stereotypes and positioning theory, *Harre R., Van Langenhove L. People and societies: Rom Harre and designing the social sciences*. London: Routledge advances in sociology, 2010, pp. 236–247.
- Zick A. Vorurteile und Rassismus. Eine sozialpsychologische Analyse, *Texte zur Sozialpsychologie Bd. 1*. Münster u. a., 1997.
- Zigon J. *Moral breakdown and the ethical demand. A theoretical framework for an anthropology of moralities*. SAGE Publications (London, Los Angeles, New Delhi and Singapore), 2007. Vol. 7 (2), pp. 131–150.

МИГРАНТЫ И ОСВОЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 339.13

DOI: 10.17223/2312461X/15/7

ПОСТСОВЕТСКИЕ РЫНКИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: НОВЫЙ ФЕНОМЕН ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ?*

Виктор Иннокентьевич Дятлов

Аннотация. Рынки под открытым небом, в том числе и «этнические» рынки, были важнейшей составной частью постсоциалистического транзита, неотъемлемой принадлежностью городского пейзажа и повседневной жизни миллионов людей. Включенные в трансграничные потоки «челноков», они стали частью мировой системы, по которой шли огромные потоки товаров, денег, людей, происходил контакт деловых культур, культур вообще. Гипотеза статьи состоит в том, что это был качественно новый феномен, радикально отличавшийся от предшествовавших по времени «колхозных» рынков и «барахолок» советской эпохи. Новизна предопределялась формирующимся рыночным контекстом, особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, огромной ролью, новыми людьми и новыми отношениями.

Ключевые слова: базар, «этнический» рынок, «челноки», «этническая экономика», трансграничные миграции

Ярчайшая примета городской жизни постсоциалистической эпохи – большие и маленькие, иногда огромные, рознично-мелкооптовые рынки под открытым небом. Бывшие стадионы, закрытые фабрики, пустыри, заполненные бесконечными рядами торговых прилавков, контейнеров, ангаров, наскоро приспособленных для торговли заводских цехов. Тысячи, иногда десятки тысяч торговцев и покупателей, огромные потоки товаров, денег, услуг. Первозданный на первый взгляд хаос, в котором, как в муравейнике, сформировались свой порядок, система влияния и власти, своя логика отношений и связей.

Рынки под открытым небом, в том числе и «этнические» рынки, были важнейшей составной частью постсоциалистического транзита, неотъемлемой частью городского пейзажа и повседневной жизни мил-

---

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России») и гранта РФФИ (проект № 16-03-00100 «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города»).

лионов людей. В повседневность горожан они вошли вначале как важный механизм выживания, а затем и как элемент организации городского пространства и городских отношений. От Вьетнама до Германии, связанные активностью миллионов «челноков» – торговцев, они были частью мировой системы, по которой шли огромные потоки товаров, денег, людей, происходил контакт деловых культур, культур вообще.

Основная гипотеза статьи состоит в том, что это были не пережившие советский строй рудименты «восточных базаров» и ярмарок. Традиционных базаров вообще. Это и не гипертрофированно разросшееся продолжение советских «колхозных» рынков и «барахолок» (вещевых рынков). При некотором внешнем сходстве, иногда при генетическом родстве с ними – это качественно новый феномен. Новизна предопределялась контекстом – особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, огромной ролью, новыми людьми и новыми отношениями.

Продолжение традиции? Проблема исторических предшественников

В каком-то смысле базар вечен, он существовал и играл важную роль в любом относительно организованном и сложном обществе. Но это не означает его неизменности. В разных исторических контекстах он приобретает различные функции, меняет – иногда радикально – внутренние характеристики и параметры, играет разные роли в обществе. Вопрос о том, насколько постсоветские открытые рынки являются частью, продолжением данной традиции, во многом упирается в наши знания и представления об этой традиции.

Самый известный тип, вошедший в массовую мифологию и ставший стереотипом, – это, несомненно, «восточный базар». О нем много написано европейскими путешественниками, это излюбленная натура для европейских художников. Он породил яркие образы в художественной литературе. Чего стоит только образ бухарского базара в блестящей книге Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» (Одно из последних переизданий: Соловьев 2008). Существует богатейшая историографическая традиция, дающая незаменимый исследовательский инструмент для дальнейших исследований. Достаточно вспомнить только классические труды Фернана Броделя (Бродель 1988) и Клиффорда Гирца (Гирц 2004). Однако прямая преемственность «восточных базаров» с постсоциалистическими рынками отсутствует. Это был важный, возможно, системообразующий элемент традиционного общества – с соответствующими функциями, местом в социальной системе, внутренней организацией, повседневными практиками. В России его существование прервалось модернизацией и было окончательно добито

революцией. Хотя, возможно, где-то (скажем в Центральной Азии) могли сохраниться, пройдя через советскую эпоху хотя бы в виде рудиментов, и генетическая преемственность, традиция, стиль жизни, система ценностей, практики.

Намного сложнее дело обстоит с «колхозными» рынками, «барахолками», «толкучками» советской эпохи. Они были в каждом советском городе, большом или малом, да и во многих селах постоянно функционировали хотя и небольшие, но важные для их обитателей рыночки. Советских эпох было несколько, соответственно, и рынки были очень разными по своей организации и роли в жизни общества. Они претерпевали радикальные изменения: от «Сухаревки» времен Гражданской войны до «колхозного» рынка и «барахолки» времен застоя. Особой, можно сказать уникальной, была их роль в чрезвычайные периоды советской истории – времена революций, войн и неизбежных после них трудностей. Они становились жизненно важным институтом выживания огромных масс людей, способом ухода их из-под всеобъемлющего государственного контроля. В спокойные, относительно стабильные времена они меньше бросались в глаза, однако были важны тем, что генерировали осуждаемые, а то и просто запрещенные советской идеологией практики и модели поведения.

В каком-то смысле «колхозные» и «вещевые» рынки («барахолки») – это прямые исторические предшественники постсоветских рынков. Отчасти и генетические – в качестве площадок, с которых они начали развиваться, главное же – как носитель идеи и отношений рыночности в официально нерыночном обществе. Конечно, базар – это не рынок, но в базарности неизбежно присутствует рыночный элемент. Принципиально важно, что «колхозные» рынки и «барахолки» были не очень любимым и совсем не уважаемым феноменом социалистического общества, однако вполне законным.

По официальным правилам рынки были местом примитивного обмена, купли-продажи личных вещей, площадками для сбыта излишков с приусадебных участков колхозных крестьян, важным подспорьем в снабжении жителей городов. По сути же, набор функций был неизмеримо богаче. Это было место легитимного обмена и торга; канал обмена и механизм жизнеобеспечения города и деревни; площадка, на которой формировался и функционировал рыночный механизм межрегионального обмена; терминал «теневой экономики»; зародыш «этнической экономики». Это была легальная «крыша» для незаконных и сурово караемых «спекулянтов», «теневиков», «фарцы» (Романов, Суворова 2003; Клинова 2014) и прочих представителей нелегального предпринимательства.

Но все это историографическое «белое пятно», почти все осталось только в виде легенд и мифов в исторической памяти. В виде распро-

страненного сюжета в художественной литературе, фильмах, но в основном относящихся к кризисным моментам – войнам и послевоенным временам. Сейчас изучать «колхозные» базары, «барахолки» и «толкучки» чрезвычайно трудно из-за острого дефицита источников и их заведомой неполноты и односторонности. В силу идеологически сомнительного характера объекта, масса информации, очевидной для участников процесса, не просто закрывалась, засекречивалась, она просто не откладывалась на бумаге, скрывалась за эвфемизмами или не проговаривалась вообще, совершаясь «по умолчанию».

Слабая изученность советских базаров не дает возможности детально и подробно проследить их роль в процессе формирования рыночной системы новой эпохи. Однако помимо отдельных упоминаний в исследованиях по смежной проблематике, имеется несколько чрезвычайно интересных и важных работ, посвященных как раз переходному периоду 1990-х гг. (Титов 1999; Ильина, Ильин 1998, 2001). Они дают, правда, срез ситуации даже не позднесоветской, а раннекапиталистической, когда базар уже стремительно менялся.

При крахе социалистической системы отношений, в том числе государственной распределительной системы, рынки стали важнейшим механизмом снабжения потребительскими товарами огромной массы людей, площадкой и механизмом формирования слоя массового мелкого бизнеса, механизмом кристаллизации рыночных отношений и связей. Они послужили первоначальной стартовой площадкой для начала крупного регионального бизнеса и «бизнеса» массы начинающих мелких торговцев и «челноков». Рынки достались им по наследству от социалистического прошлого как место привычного и законного обмена и торгова.

Однако новые времена и новые задачи радикально изменили и функции прежних «колхозных» рынков и «барахолки», их место в новой, формирующейся системе отношений. Изменился сам их характер (новые формы собственности, новый менеджмент, новые функции), произошла экспансия торговли на новые площадки. Старые оказались неадекватно малыми и не очень хорошо организованными для новых задач. Поэтому создаются новые рынки на стадионах, разорившихся фабриках и т.д. – там, где простор, коммуникации, чистое место с точки зрения организации и собственности. Старые рынки и «барахолки» стали не самой крупной и влиятельной частью новой системы, утратив при этом советские черты организации и стиля.

Формировались на «колхозных» базарах и «барахолках» в эпоху позднего социализма и элементы «этнической экономики». В 1960–1980-е гг. здесь сложился устойчивый, довольно многочисленный и очень заметный слой выходцев с Кавказа. Они обслуживали, в основном, трафик и продажу овощей, фруктов, цветов, произрастающих у них на родине. Масштабы и регулярный характер их деятельности поз-

воляют говорить о ней как о профессиональном предпринимательстве, полуправильном с точки зрения властей и не одобряемом общественной моралью.

Тогда и сформировался «образ кавказца» – человека, не просто отличающегося особенностями культуры и поведения, внешним обликом, но и олицетворяющего в моральных категориях тех лет «торгашество» (Дятлов 2010; Восток России... 2011: 490–499). Можно предположить, что привычные этнические категории стали способом стереотипизации явлений социально-экономических. Навязанный государством и в целом принятый обществом взгляд на этничность («национальность» в терминах того времени) как на феномен скорее не культурный, а определяемый «кровью», происхождением, провоцировал и появлением расовых коннотаций в этом стереотипе. «Кавказцев» выделяли как группу и относились как к группе, олицетворяющей не просто непривычные культурные нормы и практики поведения, но и осуждаемый общественной моралью тип экономического поведения.

Таким образом, базары советской эпохи были не только историческим предшественником постсоциалистических рынков, но и их стартовой площадкой, предоставив свою территорию, сохраненную идею и культуру рыночности, сформировавшийся в советскую эпоху слой полуправильных предпринимателей, их материальные и символические ресурсы. Однако новая эпоха, с ее кардинально новыми возможностями, потребностями, ресурсами, сформировала и совершенно новое качество изучаемого феномена.

Открытые рынки в рыночную эпоху: новые функции и новая роль

Без невероятно разросшейся сети розничных рынков трудно представить городскую жизнь России эпохи бурных перемен конца XX – начала XXI в. По определению В.В. Радаева, «розничные рынки – групповое размещение торговых объектов внемагазинного формата. Независимо от того, располагаются они в крытом строении или под открытым небом, рынки – это объединение торговых объектов, не относящихся к числу капитальных строений». К таким форматам он относит павильон, киоск, палатку, товарный лоток, разъездную торговлю. «Розничные рынки часто называют “открытыми”, но этот признак вовсе не следует понимать буквально. Такие рынки вовсе не обязательно находятся на улице, а при переносе под крышу автоматически не становятся магазинами. Встречались и другие названия рынков – например “стихийные” или “мелкооптовые”. Они тоже не слишком удачны» (Радаев 2007: 54–55).

Роль рынков как вечного, но динамично меняющегося института определяется контекстом, системой экономических, социальных власт-

ных отношений в обществе. Принципиальный разрыв с советской эпохой в этом смысле состоял в том, что были легализованы, узаконены и реабилитированы рыночные отношения как основной тип экономических и социальных связей, как позитивная ценность. Открылись границы, и появились возможности интеграции в мировую рыночную экономику. Рухнула социалистическая система производства и распределения товаров народного потребления. Потребовалась, причем немедленно, альтернативная система жизнеобеспечения.

Из государственного сектора экономики было выброшено огромное количество людей, сразу потерявших средства к существованию. Произошла девальвация их прежних жизненных стратегий, статусов, квалификаций. Рынки, рыночная деятельность стали средством выживания, областью обретения новых ресурсов и статусов, территорией самореализации. Здесь можно было начинать почти с нуля, не имея за спиной первоначального капитала, связей, рыночного опыта и системы ценностей. Конечно, имевшие это нелегальные и полунелегальные предприниматели-профессионалы старого режима получили огромное стартовое преимущество. Сюда пришла масса высокообразованных и готовых к географической и социальной мобильности горожан, насколько это было возможно для людей, выросших в рамках социалистической системы.

Товарный голод в сочетании с открытыми границами и проторенными первопроходцами – польскими «челноками» – путями и созданной ими инфраструктурой, породили массовый феномен *челночничества* (Иванов, Комлев, Толчинский 1998; Майоров 2002; Жилкин 2003; Рыжова 2005; Климова 2006; Порецкина 2006; Яковлев, Голикова, Капралова 2006; Климова, Щербакова 2008; Климова 2008). «Челночная» торговля сыграла огромную, возможно, даже решающую роль в снабжении населения в критический момент краха социалистической экономики. Для сотен тысяч занятых в ней людей она стала школой предпринимательства, инкубатором для мелкого и среднего бизнеса. Были сформированы огромные товарные трансграничные потоки, почти не учтенные, кстати, официальной статистикой.

Масштабы «челночной» торговли быстро породили спрос на стабильные стационарные площадки, терминалы формирования и распределения товарных потоков. Процесс их формирования начался на оставшихся от социализма площадках – «колхозных» рынках и «баракхолках». Однако этот резервуар переполнился мгновенно. Создаются новые площадки – на стадионах, пустырях, территориях и цехах разорившихся заводов и т.д. Это были не только новые площадки, но и новый стиль, новые механизмы организации, власти и контроля.

Происходит быстрый переход от торговли с рук к прилавкам, контейнерам, ангарам. Рынки обрастают обслуживающей инфраструкту-

рой и сопутствующими услугами. Был стремительно пройден путь от первоначального хаоса и индивидуальных усилий (где рынок был просто площадкой для торговли) к системе, от конгломерата отдельных торговцев – к структурированию, сетям, параллельным институтам власти и управления. К рынку – как сложно организованному организму. Индивидуальный и действующий на свой страх и риск «челнок» быстро интегрируется в систему (на разных условиях).

Когда ограничительные действия властей, конкуренция крупных компаний, создавших эффективную и конкурентоспособную систему импорта и крупного опта, постепенно вытеснили «челноков», рынки приспособились и к этой ситуации. В качестве входных и выходных терминалов они остались частью меняющейся системы, меняясь при этом сами.

Анализ деятельности постсоветских рынков будет не просто неполным, а в значительной мере и искаженным, если игнорировать или просто недооценивать то, что они не были просто конгломератом автономно функционирующих субъектов торговли. Уже только их симбиоз с «челноками» делает их интерфейсом для межрегиональных и международных торговых обменов. Постсоветские рынки практически сразу стали важной частью международных сетей, по которым огромным потоком шли товары, деньги, люди, информация, встречались и притирались друг к другу деловые культуры, где формировались и эффективно функционировали нормы, правила и санкции за их невыполнение.

В самом общем виде эта система состояла из трех важнейших элементов. Товарные потоки начинали формироваться во «входных терминалах», особенно в Китае и Турции, для которых обслуживание российской «челночной» торговли стало значимой отраслью экономики. В функции этих терминалов входили отслеживание эволюции спроса в России, формирование листа заказов для местных производителей и мелкооптовых партий, опт и розница, консалтинг, услуги («помогайки»), сервис (рестораны, сауны, проституция). Второй элемент – это «челноки», вслед за которыми пришли и, в конечном счете, вытеснили их специализированные фирмы. Их функция – закупка, формирование товарных партий, транспортировка, растаможивание (для фирм), оптовый сбыт в России. Иногда «челноки» сами и сбывали привезенные товары. Но побеждали специализация и разделение труда.

И, наконец, рынки в России, а также отчасти в Восточной Европе, как опорные базы новой системы торговли и снабжения. Их наиболее заметная, но, возможно, не главная функция – розница и мелкий опт для непосредственных потребителей. Именно из них состояли огромные людские потоки, достигавшие иногда десятков тысяч человек в день. И хотя сумма покупок большинства из них была невелика, но в массе это давало огромные обороты. Однако главной функцией крупных рынков была все-таки логистика. На иркутском рынке «Шанхай»

регулярно делали оптовые закупки не только торговцы из ближайших городов, но из Улан-Удэ и Читы. О масштабах этого бизнеса говорит информация, ставшая доступной после закрытия Черкизовского рынка в Москве. Он обеспечивал работой до 100 тыс. человек, 70–80% из которых, по оценкам Федерации мигрантов России, были гражданами КНР. По оценкам китайской газеты «Дунфан цзаобао», на рынке остался товар на сумму около 5 млрд долларов, принадлежащий китайским торговцам (Габуев, Козенко 2009).

Таким образом, рынки вряд ли можно охарактеризовать как чисто российское явление. Это не конгломерат изолированных друг от друга торговых площадок, а система отношений и связей глобального масштаба, часть мировой рыночной экономики.

Радикально поменялась роль рынков в экономической и социальной жизни общества. Они стали не просто ключевыми элементами формирующейся рыночной системы снабжения, а значит и жизнеобеспечения, низших и средних слоев населения страны, но и площадкой, полигоном, на котором происходило формирование слоя массового мелкого предпринимательства. Сюда сходились огромные товарные и денежные потоки, концентрировались самые разнообразные интересы. Здесь происходила стыковка формальной и неформальной экономик. В конце концов, регулярные походы на них входили в стратегию экономического выживания основной массы горожан.

На круглом столе «Трудовая миграция и розничные рынки» (2007 г.) сенатор Владимир Слуцкер отметил, что в России насчитывается около 6 тыс. розничных рынков, на которых заняты 1,2 млн человек. «Рынки полностью одевают, обувают, кормят и поят все население России... Большинство потенциальных покупателей рынков – малообеспеченные россияне, поэтому любые непродуманные действия по регулированию рынков могут существенно подорвать их жизненный уровень» (Московское бюро 2007).

Рынки, став школой предпринимательства, породили новые массовые социальные и профессиональные группы, с собственным образом жизни, типом поведения, с особой субкультурой (Григорьева 2008). Есть примеры того, как организованно и энергично они могли отстаивать свои корпоративные интересы. Борясь против решения муниципальных властей о закрытии иркутского рынка «Шанхай», торговавшие на нем местные торговцы объединились в собственный профсоюз, провели несколько публичных акций, даже обратились с посланием к президенту страны. Для защиты своих интересов они основали газету «Восточно-Сибирский Шанхай», которая почти год вела энергичную борьбу против решения о закрытии рынка (Этнические рынки... 2015: 105–123). Рынок это не спасло, но ярко продемонстрировало властям, что это реальная сила, с которой необходимо считаться и искать компромиссные решения.

Массовость рыночных торговцев, их происхождение из различных социальных слоев и социальных страт, сохранившиеся тесные связи с ними – все это способствовало легитимации в прежде нерыночном обществе рыночных ценностей, привычек, образа жизни, понимания законности и необходимости рыночной торговли (Орлова 2011; Ульянкина 2014).

Рынки теперь – не просто место, где товары и деньги переходят из рук в руки. Это место встречи и взаимного привыкания людей различных культур. Место и механизм привыкания к феномену этнического и культурного многообразия как норме. Они стали неотъемлемой частью городского пространства в качестве олицетворения не только торговли и рыночных отношений, но и особого культурного феномена. Природа этой особенности требует отдельного изучения. Но может быть далеко не случайно в телевизионном сериале «Черкизона. Одноразовые люди» рынок предстает неким воплощением сталкеровской «зоны». Местом за пределами чужим и уже только поэтому опасным, но и привлекательным своей экзотикой и возможностями. Скорее всего, это гипертрофированный взгляд, художественное преувеличение. Вряд ли обычный посетитель рынка испытывает там чувство риска или опасности, но ощущение настороженной отчужденности явно присутствует.

Вокруг них естественным образом формируется самая разнообразная инфраструктура сервиса и развлечений. Поближе к рынкам предпочитают селиться мигранты, формируя здесь хотя и размытые пока еще, не очень явно выраженные, но этнические кластеры. Рынки – предмет постоянной озабоченности городских властей являются важным источником ресурсов и механизмом жизнеобеспечения и одновременно – причиной или поводом разнообразных проблем и конфликтов. Поэтому «этнические» рынки постоянно находятся в центре общественного внимания, это предмет регулярных дискуссий в прессе и Интернете. И внимание это редко бывало доброжелательным.

«Этнические» рынки и «этническое предпринимательство»

Глубокая интегрированность постсоциалистических рынков в глобальную рыночную экономику, ключевая роль в их функционировании трансграничного челночничества вкупе с беспрецедентными в истории России трансграничными трудовыми миграциями создали феномен, который население обозначило как «китайские», «кавказские» или «киргизские» рынки и торговые ряды. В исследовательской литературе их чаще всего называют «этнические» рынки. Условность терминологии очевидна – на них торгуют и оказывают разнообразные услуги люди различных национальностей и гражданств. Все они этнофоры, но прилагательное «этнический» у нас привычно относят только к пред-

ставителям меньшинств. О терминах не спорят, о них договариваются – и коль скоро они прочно вошли в оборот, придется ими пользоваться.

Наиболее распространенным феноменом этого ряда стали «китайские» рынки, которые возникли в больших и многих малых городах Востока России, а также часто и в городах Европейской России. «Китайскими» они были названы населением этих городов, что очень часто маркировалось и названием рынков («Шанхай», или «Шанхайка», «Маньчжурия», «Китайский рынок» в Иркутске, например). Иногда названия были в этническом смысле нейтральными, но это не мешало считать их «китайскими». Так или иначе, это взгляд извне.

Если попытаться понять, что дает основание для такого взгляда, можно выделить следующие факторы: китайские товары, китайские торговцы, китайские капиталы, китайский менеджмент (обычно закулисный). В целом это констатация не преобладания китайских торговцев, а типа отношений, определяемого китайским товаром. Этот тип отношений включает дешевизну товара, его не очень высокое качество, возможность торговаться, стилистику поведения китайских торговцев, их деловую культуру. С течением времени *китайскость* становится брендом, торговой маркой – и такое понимание далеко выходит за этническое поле, определяя по большей мере параметры экономические и даже социальные. Тогда появляется смысл осознанно, в качестве деловой технологии, формировать и «китайский облик» рынка – через нехитрый набор символов (название, китаизированный дизайн в оформлении и т.д.). *Китайскость* становится специально производимым товаром для продажи. И, видимо, далеко не случайно выстроенный на месте снесенной знаменитой иркутской «шанхайки» торговый пассаж был назван «Шанхай Сити-молл».

Это предполагает возможность ситуаций, когда рынок мог маркироваться как «китайский» без видимого преобладания китайских торговцев. Об этом свидетельствует, в частности, небольшое исследование А. Охотникова о китайском рынке в Новосибирске (Трансграничные миграции... 2009). Материала для анализа мало – и можно лишь предполагать в качестве гипотезы, что на рынки городов Западной Сибири и Урала китайские товары продвигались через государства Центральной Азии. Удобнее и выгоднее было использовать услуги граждан этих стран и их деловые сети.

К слову говоря, Турция, одно время сопоставимая с Китаем по объемам производимых для продажи по «челночным» каналам товаров, не включилась в процесс их транспортировки и продажи в России. Турецкие товары шли сюда без турецких «челноков» и без турецких капиталов и менеджмента. В результате турецкие товары не породили «турецких» рынков.

Зато китайские товары породили не только «китайские», но и «киргизские» рынки. Соответствующих исследований почти нет, но имею-

щиеся наблюдения показывают, что буквально в считанные годы в России сформировались многочисленные (особенно учитывая небольшую численность населения этой страны) киргизские общины (Из Азии в Сибирь... 2013; Переселенческое общество... 2013: 466–491). Для нас важно, что в отличие от таджикских и узбекских мигрантов, они активно вторглись в бизнес на открытых рынках и завоевали там довольно сильные позиции. В большинстве сибирских и дальневосточных городов сформировались «киргизские» рынки или «киргизские» ряды. Можно предположить, что этот интенсивный миграционный поток был вызван не только совокупностью выталкивающих факторов – слабостью экономики страны, бедностью населения, регулярными политическими потрясениями. Киргизия стала важным транзитным пунктом для продвижения потребительских товаров из Китая (и не только) на российские рынки. Эти потоки в значительной части обслуживаются киргизами.

И здесь мы подходим к чрезвычайно важному вопросу о роли мигрантов в деятельности и структуре рынков, особенно этнических. Роль эта не просто заметна – она велика настолько, что стала одной из существенных характеристик феномена. И дело не только в численности. Конечно, и один только китайский товар сам по себе может быть важным знаком, символом отношений и статусов. Но когда за ним стоит человек, проблема приобретает дополнительные измерения.

Уже отмечалось, что у присутствия мигрантов на рынках имеется советская предыстория. Когда же с распадом Советского Союза и крахом социалистических отношений в Россию хлынул поток трансграничных мигрантов, то значительная их часть в поисках работы и экономических возможностей пришла на рынки. «Челноки» изначально были разных национальностей и гражданской принадлежности – русские, украинцы, китайцы, киргизы и т.д. Преобладание или заметная роль тех или иных групп определялась не столько тем, что иногда называют «этнической предрасположенностью», сколько ситуацией и экономической целесообразностью. Ведь и саму стратегию челночничества, практики, навыки, инфраструктуру бывшие советские граждане переняли от поляков. Не зря многие русские рынки в Китае и Турции первоначально были «польскими».

Те же «кавказцы», которые в советские времена специализировались на обслуживании товарных потоков из родных мест, постепенно переориентировались на общую торговую и посредническую деятельность. Уже отмечалось, что экономически эффективнее обслуживать потоки китайских товаров через Центральную Азию стали жители этого региона. Многочисленные китайские «челноки» или занялись в России стабильным бизнесом, или вступили в кооперацию с русскими торговцами.

Открытые рынки стали местом и механизмом экономической и социальной адаптации трансграничных мигрантов, площадкой концен-

трации их экономической деятельности и социальной организации, анклавом «этнического бизнеса».

Все это делает чрезвычайно насущным и важным вопрос, сформулированный в продолжающихся дискуссиях об «этнической экономике» (Aldrich, Waldinger 1990; Радаев 1993; Бредникова, Паченков 2000; Уолдингер, Олдрич, Уорд 2008; Min Zhou 2004; Рыжова 2008): коллективные или индивидуальные стратегии избирают мигранты в качестве инструмента достижения экономического успеха на рынках? Если коллективные, то на какой основе формируются их группы? Их поведение на рынках определяется экономической целесообразностью или соображениями групповой лояльности? Дополняют или исключают друг друга эти мотивы? Какова роль этнического фактора в их рыночной деятельности, да и в образе жизни в принимающем обществе? Возможно или невозможно использование ими сети внутриэтнических (внутригрупповых, но маркированных этнически) связей, отношений сотрудничества, зависимости и власти в качестве ресурса в предпринимательстве?

Эти вопросы возникли в концепциях «этнической экономики» в результате изучения огромного количества самых разнообразных случаев и ситуаций. Предлагаемые ими исследовательские подходы, утверждения и гипотезы важны не для получения априорного ответа, не как источник единственно правильного знания, а для того, чтобы задать вопросы изучаемому феномену.

Относительно сформулированных выше вопросов высказывались прямо противоположные гипотезы. Одна из них состоит в том, что торговец руководствуется чисто экономическими мотивами и стимулами, поэтому этнические, земляческие и другие групповые лояльности не определяют выбора его стратегии и практик. Есть и противоположная точка зрения – модель поведения торговца предопределена его принадлежностью к этнической группе и групповой лояльностью.

Для обоснования или отрицания этих гипотез по отношению к современной России катастрофически не хватает эмпирического материала. Представляется, однако, что ответ на этот вопрос может быть разным в различных обстоятельствах и контекстах. Главное же, такая постановка вопроса может увести от признания того, что групповые связи и лояльности (земляческие, семейные, клановые, этнические или маркируемые в качестве этнических) могут быть мощным рыночным, экономическим ресурсом. Опыт «торговых меньшинств» традиционного общества свидетельствует об этом со всей очевидностью (Дятлов 1996). Конечно, специфика постсоциалистических рынков в том и состоит, что это институт общества современного, не общинного. Поэтому прямые аналогии здесь невозможны. Но постановка вопроса представляется не просто корректной, но и чрезвычайно важной и перспективной.

Использование эвристического инструментария «этнической экономики» позволяет вновь вернуться к проблеме того, что же такое «этнические» рынки. Сложившееся понимание, как уже было отмечено, определено взглядом принимающего общества. Оно исходит из безусловной презумпции того, что на «китайском» рынке действуют не торговцы (в том числе и китайского происхождения и гражданства), а китайцы как группа, люди, чье экономическое поведение, деловые практики, человеческие лояльности определяются их *китайскостью*. Принимающее общество видит на рынках группы, а отдельных людей воспринимает как органическую их часть.

Исследовательская задача состоит, видимо, в том, чтобы поставить здесь знак вопроса. И пытаться отвечать на вопросы на основании исследования конкретных ситуаций и кейсов. Причем крайне желательно – в динамике. «Этнические» рынки – это площадки, где действуют отдельные люди, мотивированные, прежде всего, мотивом прибыли? Или это поле деятельности групп, организованных по этническому принципу? Или не по этническому, но этнически маркированному? Противоречит ли одно другому? Являются ли «этнические» рынки просто торговыми площадками, на которых действуют на свой страх и риск отдельные торговцы, или там сложились устойчивые и эффективные внутренние механизмы регулирования, контроля и власти? Если да, то являются ли они этническими или клановыми, но этнически маркированными? Или власть определяется наличием экономического и силового ресурса? Существует ли разделение труда по этническому признаку? При этом необходимо иметь в виду ярко выраженный феномен этнизации миграционных процессов в глазах современного российского общества. Ситуацию, когда процессы социально-экономические (миграция, например) привычно описываются в категориях культурных, в том числе и этнических. Когда логика и практики поведения мигранта приписываются этнической группе.

Вопросов куда больше чем ответов. Существующий корпус исследований (крайне немногочисленный и обрывочный) дает не так много оснований для широких обобщений и генерализации. Однако опыт изучения иркутских рынков позволяет утверждать (не распространяя это априори на все «этнические» рынки), что это не просто торговые площадки и хозяйствующие субъекты. Там сложилось и разделение труда (в том числе и по этническому принципу), и внутренние механизмы организации и контроля, и социальные сети, в том числе и на этнической основе.

Можно предположить, что формируется и особая субкультура таких рынков. Одним из свидетельств этого стали формирование и довольно широкое распространение пиджинов – особенно в российско-китайском торговом приграничье. Возрождена на новой основе и в новом

историческом контексте дореволюционная традиция кяхтинского пиджина как языка приграничной торговли, сформировался специфический язык общения «этнических» рынков как таковых (Григоричев, Гужей 2017).

Заключение

Постсоветские рынки уходят в прошлое – вместе с постсоциалистической переходной эпохой. Они стремительно отступают под натиском конкуренции современных и экономически эффективных торговых форматов – ретейлерских сетей, пассажей, гипермаркетов, моллов. Регулярный внешнеторговый бизнес вкупе с ужесточением таможенной политики выдавили челноничество – залог их устойчивости и процветания. Экономические факторы выдавливания, маргинализации открытых рынков дополнялись политикой властей. Здесь достаточно вспомнить сначала частичный, а затем и полный запрет иностранцам торговать на открытых рынках, постановление об их закрытии в крупных городах.

По определению, это феномен временный, преходящий. Само название говорит о временности, переходности, исчерпанности. В этом принципиальное отличие от тех же «восточных базаров», с их длительной историей, укорененностью в традиции, богатой культурой.

Конечно, открытые рынки, в том числе и этнически маркированные, не исчезнут совсем. Своя ниша у них останется – в формате «блошиных» рынков (Паченков 2004), продовольственных рынков, да и в какой-то мере оптово-розничных тоже. Вряд ли исчезнет и «этнический бизнес» – он уже сейчас эффективно осваивает современные форматы, реагируя на все запреты и ограничения. Однако время процветания открытых рынков позади, если, конечно, страну не постигнет какой-нибудь новый политический и экономический катаклизм.

Это не значит, конечно, что не было предыстории, генетических корней и что не будет продолжения в каких-то формах. Качественное своеобразие, принципиально важная оригинальная характеристика постсоветских рынков – это их миссия рыночного института в формирующемся рыночном обществе. Это был способ экономической деятельности и механизм выживания людей, выросших в городском индустриальном обществе, но в условиях официального запрета на рыночные отношения. Постсоциалистические рынки создавали не рыночные по происхождению люди. Конечно, с активным участием прежних рыночных элементов.

Не менее важна была роль трансграничных трудовых мигрантов, которая прочно вписала постсоветские рынки в контекст «этнической экономики». Вместе с критически необходимой массой импортирован-

ных потребительских товаров мигранты несли рыночную модель поведения, психологию, ценности, системы практик. Этому вовсе не мешало то, что зачастую происходили эти мигранты из таких же постсоциалистических обществ. В случае Китая – даже из страны социалистической, но с бурно развивающейся рыночной экономикой. В любом случае, за большинством из них не стояла непрерывная, устойчивая, многовековая базарная традиция. Поэтому трудно говорить о них как об инструменте прямой трансплантации рыночной культуры. Эта проблема требует отдельного разговора, здесь же достаточно констатации того, что мигранты сыграли непропорционально высокую относительно своей численности и места в обществе роль в становлении и развитии постсоциалистических рынков.

Рынки приобрели огромное символическое значение, олицетворяя в глазах населения массу новых форм жизни, экономических и культурных практик, способов социальных контактов и отношений. Это сделало их важным объектом внимания в городском сообществе, предметом управленческих решений властей всех уровней и их головной боли по поводу сопровождающего их сгустка проблем и конфликтов.

Открытые рынки стали машиной по выработке рыночности и предпринимательской модели поведения, этике, системы ценностей. Создав все это, они исчерпали свою функцию, исполнили миссию и должны уйти. Уйти – как по определению переходный тип отношений, оставив после себя богатое, разнообразное и противоречивое наследство.

Литература

- Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика: сб. стат. по материалам междунар. семинара / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе; Центр независимых социологических исследований. Труды. СПб., 2000. Вып. 8. С. 47–53.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
- Восток России:* миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.
- Габуев А., Козенко А.* Китай торгуется за Черкизовский рынок // Коммерсантъ. 2009. № 131. 22 июля.
- Гириц К.* Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 3. С. 153–160.
- Григоричев К., Гузей Я.* Язык «этнических» рынков: Базар как пиджин и ситуация границы // Russian Journal of Linguistics. 2017 (в печати).
- Григорьева И.Н.* «Работа, жизнь, второй дом...»: жизненные миры торговцев рынка под открытым небом // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность: сб. ст. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 145–157.
- Дятлов В.И.* Предпринимательские меньшинства: торгоши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996.

- Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. 2010. № 3–4. С. 121–149.
- Жилкин О.Н. «Челночество» в России: новая жизненная стратегия в период экономических реформ (на примере Иркутской области) // *Центр независимых социологических исследований «Неформальная экономика в постсоветское пространство: возможности исследования и регулирования»*, семинар; ред.: И. Олимпиева, О. Паченков. СПб.: Изд-во ЦНСИ, 2003. С. 164–172.
- Иванов В.В., Комлев Ю.Ю., Толчинский Л.Г. «Челночный» бизнес в Казани // *Социологические исследования*. 1998. № 11. С. 40–44.
- Из Азии в Сибирь*, или В поисках «Нового света» (положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в Бурятии). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013.
- Ильина М., Ильин В. Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2001. 196 с.
- Ильина М., Ильин В. Торговцы городского рынка: штрихи к социальному портрету // *ЭКО*. 1998. № 5. С. 103–120.
- Климова С.Г. Концептуализация роли челнока ее исполнителями // *Социологические исследования*. 2008. № 4. С. 52–62.
- Климова С.Г. Челноки: бегство от нужды или погоня за шансом // *Социальная реальность*. 2006. № 2. С. 26–41.
- Климова С.Г., Щербакова И.В. «Челночество» и государство: этапы эволюции отношений // *Россия реформирующаяся*. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 389–405.
- Клинова М.А. Спекуляция и фарцовка в СССР 1960–1980-х гг.: векторы современного историографического осмысления // *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: XII Всерос. науч. конф., посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 78–83.
- Майоров С. Челноки // *Отечественные записки*. 2002. № 7. С. 414–422.
- Московское бюро по правам человека*. Хроника МБПЧ: март–апрель 2007 г. (Архив автора).
- Орлова Л.В. Социальное становление малого и среднего бизнеса России в региональном измерении: процессы, структуры и институты самоорганизации: дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2011.
- Паченков О. Блошинный рынок в перспективе социальной политики: «бельмо на глазу» города или институт «повседневной экономики»? // *Социальная политика: реалии XXI века / Независ. ин-т соц. политики*. М.: Поматур, 2004. Вып. 2. С. 271–314.
- Переселенческое общество Азиатской России*: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
- Порецкина Е.М. «Челночный» бизнес. Краткая история вопроса и его особенности в Санкт-Петербурге // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. № 5. С. 24–31. URL: http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210867019357086file.pdf (дата обращения: 15.08.2016).
- Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.
- Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // *Полис*. 1993. № 5. С. 79–87.
- Романов П., Суворова М. «Чистая фарца»: социальный опыт взаимодействия советского государства и спекулянтов // *Неформальная экономика в постсоветском пространстве*. Проблемы исследования и регулирования / Под ред. И. Олимпиевой, О. Паченкова. СПб.: ЦНСИ, 2003. С. 148–164.
- Рыжова Н.П. Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики? // *Стабильность и конфликт в российском приграничье*. Этнополитические процессы в

- Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 202–227.
- Рыжова Н.П.* Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. № 3. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/123/> (дата обращения: 15.08.2016).
- Соловьев Л.С.* Повесть о Ходже Насреддине. М.: Эксмо, 2008. 624 с.
- Титов В.Н.* Вещевой рынок как социальный институт // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 20–35.
- Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной интеграции* / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
- Ульянкина О.В.* Социальный статус торговцев городских рынков в условиях современной России (региональный аспект): дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2014.
- Волдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р.* Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 5. С. 30–55.
- Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.
- Яковлев А., Голикова В., Капралова Н.* Открытые рынки и «челночная» торговля в российской экономике: вчера, сегодня, завтра (по материалам эмпирических исследований 2001–2005 гг.). М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Aldrich H.E., Waldinger R.* Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 111–135.
- Min Zhou.* Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergencies, Controversies and Conceptual Advancements // International Migration Review. 2004. Vol. 38, № 3. P. 1040–1074.

Статья поступила в редакцию 16.10.2016 г.

Dyatlov Viktor I.

POST-SOVIET OPEN-AIR MARKETS: A NEW PHENOMENON OR CONTINUATION OF TRADITION?*

Abstract. Open-air markets, ‘ethnic’ markets included, were a pivotal part of the post-Soviet transition and an integral element of the urban landscape and of daily life of millions of people. Being included in trans-borders flows of ‘chelnoks’ (shuttle traders), they became part of the world system encompassing large-scale movement of goods, money, and people where business cultures and cultures, more generally, would come into contact. The hypothesis of the article is that this was a qualitatively new phenomenon that was radically different from the preceding ‘kolkhoz markets’ and from Soviet-era ‘baraholkas’ (open-air second-hand goods market places). The difference was determined by the emerging market context, special economic and social functions in the period of transition, and by new people and new relationships.

Keywords: market place, ethnic market, ‘chelnoks’, ‘ethnic economy’, transnational migrations

* The research is conducted within the fundamental part of the Russian Ministry of Education and Science state task (project, titled ‘Discursive mechanisms of construction of boundaries in the heterogeneous society of the Russian East’) and supported by the grant of Russian Foundation for Fundamental Research (project # 16-03-00100, titled ‘‘Ethnic’ markets in the post-Soviet Siberian city).

DOI: 10.17223/2312461X/15/7

References

- Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost' «etnicheskoi ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [The ethnicity of 'ethnic economy' and migrants networking], *Etnichnost' i ekonomika: sb. stat. po materialam mezhdunar. seminar* [Ethnicity and economy: a collection of articles associated with an international seminar]. Ed. by O. Brednikova, V. Voronkov, E. Chikadze; Tsentr nezavisimykh sotsiologicheskikh issledovaniy. St. Petersburg, 2000, pp. 47–53.
- Brodell F. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 2. Igry obmena* [The material civilization, economics, and capitalism, 15th–18th centuries. Vol. 2. Exchange games]. Per. s fr. L.E. Kubbelia. Red. Iu.N. Afanas'eva. Moscow: Progress, 1988. 632 p.
- Vostok Rossii: migratsii i diaspori v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov [The East of Russia: migrations and Diasporas in a society of resettlers at the turn of the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk, 2011. 624 p.
- Gabuev A., Kozenko A. Kitai torguetsia za Cherkizovskii rynek [China bargains for the Cherkizovskiy market], *Kommersant*, 2009, no. 131, 22 July.
- Girts K. Bazarnaia ekonomika: informatsiia i poisk v krest'ianskom marketinge [Market place economy: information and the search in peasant marketing], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2004, Vol. 7, no. 3, pp. 153–160.
- Grigoriev K., Guzei Ia. Iazyk «etnicheskikh» rynkov: Bazar kak pidzhin i situatsiia granitsy [The language of 'ethnic' markets: a market place as a pidgin and a border situation], *Russian Journal of Linguistics*, 2017 (in print).
- Grigor'eva I.N. «Rabota, zhizn', vtoroi dom...»: zhiznennye miry torgovtsev rynka pod otkrytym nebom [‘Work, life, and the second home...’: the life worlds of open-air market tradesmen], *Fol'klor malykh sotsial'nykh grupp: traditsii i sovremennost'*. Sb. statei [The folklore of numerically small social groups: traditions and the modern times. A collection of articles]. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 2008, pp. 145–157.
- Diatlov V.I. *Predprinimatel'skie men'shinstva: torgashi, chuzhaki ili poslannye Bogom? Simbioz, konflikt, integratsiia v stranakh Arabskogo Vostoka i Tropicheskoi Afriki* [Entrepreneurial minorities: tradesmen, strangers, or the ones sent by God? Symbiosis, conflict, and integration in the countries of the Arab East and Tropical Africa]. Moscow, 1996.
- Diatlov V.I. Transgranichnye migranty v sovremennoi Rossii: dinamika formirovaniia stereotipov [Transnational migrants in contemporary Russia: the dynamics of formation of stereotypes], *Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz*, 2010, no. 3–4, pp. 121–149.
- Zhilkin O.N. «Chelnochestvo» v Rossii: novaia zhiznennaia strategiia v period ekonomicheskikh reform (na primere Irkutskoi oblasti) [‘Shuttle trade’ in Russia: a new life strategy in the period of economic reforms (the case of Irkutsk region)], *Tsentr nezavisimykh sotsiol. issled. «Neform. ekonomika v postsovet. prostranstve: vozmozhnosti issled. i regulirovaniia», seminar; red.: I. Olimpieva, O. Pachenkov* [The Centre for Independent Social Research. ‘The post-Soviet informal economy: the potential for research and regulation’, a seminar; edited by I. Olimpieva and O. Pachenkov]. St. Petersburg: Izd-vo TsNSI, 2003, pp. 164–172.
- Ivanov V.V., Komlev Iu.Iu., Tolchinskii L.G. «Chelnochnyi» biznes v Kazani [‘Shuttle trading’ business in Kazan], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1998, no. 11, pp. 40–44.
- Iz Azii v Sibir', ili v poiskakh «Novogo sveta» (polozhenie trudovykh migrantov iz Tsentral'noi Azii v Buriatii)* [From Asia to Siberia, or in search of a ‘New World’ (the state of labour migrants from Central Asia in Buryatia)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2013.
- Il'ina M., Il'in V. *Rossiiskii bazar: sotsial'naiia organizatsiia i marketing* [A Russian market place: social organization and marketing]. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkar'skogo gos. un-ta, 2001. 196 p.

- Il'ina M., Il'in V. *Torgovtsy gorodskogo rynka: shtrikhi k sotsial'nomu portretu* [City market place tradesmen: some touches to the social portrait], *EKO*, 1998, no. 5, pp. 103–120.
- Klimova S.G. *Kontseptualizatsiia roli chelnoka ee ispolniteliami* [The role of shuttle traders as conceptualized by themselves], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, no. 4, pp. 52–62.
- Klimova S.G. *Chelnoki: begstvo ot nuzhdy ili pogonia za shansom* [Shuttle traders: escaping from privation or chasing the chance], *Sotsial'naia real'nost'*, 2006, no. 2, pp. 26–41.
- Klimova S.G., Shcherbakova I.V. «Chelnochestvo» i gosudarstvo: etapy evoliutsii otnoshenii [‘Shuttle trade’ and the state: stages of the evolution of relationships], *Rossiiia reformiruiushchaisia. Ezhegodnik. Otv. red. M.K. Gorshkov. Vyp.7* [The reforming Russia. Yearbook. Edited by M.K. Gorshkov. No. 7]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2008, pp. 389–405.
- Klinova M.A. *Spekuliatsiia i fartsovka v SSSR 1960-kh – 1980-kh gg.: vektory sovremenogo istoriograficheskogo osmysleniia* [Speculation and clandestine resale (fartsovka) in the USSR in the 1960s-1980s: the vectors of contemporary historiographic comprehension], *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia: Industrial'naia modernizatsiia Urala v XVIII—XXI vv. XII Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 90-letiiu Zasluzhennogo deiatelia nauki Rossii, doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vasil'evicha Bakunina. Materialy* [The industrial Ural region. The Bakunin readings: Industrial modernization of the Ural region in the 18th to the 21st centuries. The 12th Russian academic conference devoted to the 90th anniversary of the distinguished scholar of Russia, doctor of sciences (history) and professor Aleksandr Vasilievich Bakunin. Proceedings]. Ekaterinburg, 4-5 dekabria 2014 g.: v 2-kh t. Ekaterinburg: UrFU, 2014, Vol. 1, pp. 78–83.
- Maiorov S. *Chelnoki* [Shuttle traders], *Otechestvennye zapiski*, 2002, no. 7, pp. 414–422.
- Moskovskoe Biuro po pravam cheloveka. Khronika MBPCh: mart-aprel' 2007 g.* (Arkhiv avtora) [The Moscow Bureau for Human Rights. The MBHR chronicles: March and April 2007].
- Orlova L.V. *Sotsial'noe stanovlenie malogo i srednego biznesa Rossii v regional'nom izmerenii: protsessy, struktury i instituty samoorganizatsii: dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Social development of a regional dimension of Russia's small and medium business: processes, structures, and institutions of self-organization: a Doctor of Sciences (Sociology) dissertation]. Saransk, 2011.
- Pachenkov O. *Bloshninyi rynek v perspektive sotsial'noi politiki: «bel'mo na glazu» goroda ili institut «povsednevnoi ekonomiki»?* [A flea market through the prism of social policy: a ‘thorn in the city’s flesh’ or an ‘everyday life economy’ institution?], *Sotsial'naia politika: realii XXI veka* [Social policy: the twenty-first-century realities]. Nezavis. in-t sots. politiki. Moscow: Pomatur, 2004, Vol. 2, pp. 271–314.
- Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [The resettlement society of the Asian part of Russia: migrations, spaces, and associations]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Ottisk, 2013. 624 p.
- Poretskina E.M. «Chelnochnyi» biznes. *Kratkaia istoriia voprosa i ego osobennosti v Sankt-Peterburge* [‘Shuttle trading’ business. A brief history of the matter and its special features in the city of Saint Petersburg], *Teleskop: nabliudeniia za povsednevnoi zhizn'iu peterburzhtsev*, 2006, no. 5, pp. 24–1. Available at: http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210867019357086file.pdf (Accessed 15 August 2016).
- Radaev V.V. *Zakhvat rossiiskikh territorii: novaia konkurentnaia situatsiia v roznichnoi torgovle* [The seizure of Russian territories: a new situation of competition in retail]. Moscow: GU VShE, 2007. 220 p.
- Radaev V.V. *Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoi opyt i Rossiia* [Ethnic entrepreneurship: Russia and the world], *Polis*, 1993, no. 5, pp. 79–87.
- Romanov P., Suvorova M. «Chistaia fartsa»: sotsial'nyi opyt vzaimodeistviia sovetskogo gosudarstva i spekuliantov [‘Pure clandestine resale’: social interaction of the Soviet state and speculators], *Neformal'naia ekonomika v postsovetskom prostranstve. Problemy is-*

- sledovaniia i regulirovaniia* [The post-Soviet informal economy. Issues of research and regulation]. Ed. by I. Olimpieva, O. Pachenkov. St. Petersburg: TsNSI, 2003, pp. 148–164.
- Ryzhova N.P. Blagoveshchensk – forpost imperii ili zona svobodnoi ekonomiki? [Blagoveshchensk, an Empire's outpost or a free economy area?], *Stabil'nost' i konflikt v rossiiskom prigranich'e. Etnopoliticheskie protsessy v Sibiri i na Kavkaze* [Stability and conflict in Russian border areas. Ethno-political processes in Siberia and the Caucasus]. Ed. by V.I. Diatlov, S.V. Riazantsev. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniam, 2005, pp. 202–227.
- Ryzhova N.P. Fenomen etnicheskogo predprinimatel'stva: zapadnaia traditsiia i rossiiskoe prochtenie [The phenomenon of ethnic entrepreneurship: a Western tradition and its reading in Russia], *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, 2008, no. 3. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/123/> (Accessed 15 August 2016).
- Solov'ev L.S. *Povest' o Khodzhe Nasreddine* [The tale of Hodja Nasreddin]. Moscow: Eksmo, 2008. 624 p.
- Titov V.N. Veshchevoi rynek kak sotsial'nyi institut [A clothes market as a social institution], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1999, no. 6, pp. 20–35.
- Transgranichnye migratsii i prinimaiushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoi integratsii: monografiia* [Transnational migrations and the host society: the mechanisms and practices of mutual integration: a monograph]. Ed. by V.I. Diatlov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. 396 p.
- Ul'iankina O.V. *Sotsial'nyi status torgovtsev gorodskikh rynkov v usloviakh sovremennoi Rossii (regional'nyi aspekt): diss...kand. sotsiol. nauk* [The social status of city markets tradesmen in contemporary Russia (a regional aspect): a Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Saransk, 2014.
- Waldinger R., Aldrich Kh., Word R. Etnicheskie predprinimateli [Ethnic entrepreneurs], *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2008, Vol. 9, no. 5, pp. 30–55.
- Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: a bargaining space and a meeting point]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigoriev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. 343 p.
- Iakovlev A., Golikova V., Kapralova N. *Otkrytye rynki i «chelnochnaia» trgovlia v rossiiskoi ekonomike: vchera, segodnia, zavtra (po materialam empiricheskikh issledovaniy 2001–2005 gg.)* [Open-air markets and 'shuttle trade' in Russian economy: yesterday, today, and tomorrow (based on the empirical research materials of 2001–2005)]. Moscow: GU VShE, 2006.
- Aldrich H.E., Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship, *Annual Review of Sociology*, 1990, Vol. 16, pp. 111–135.
- Min Zhou. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergences, Controversies and Conceptual Advancements, *International Migration Review*, 2004, Vol. 38, no. 3, pp. 1040–1074.

УДК 316.014

DOI: 10.17223/2312461X/15/8

«ПОЛУГОРОДСКИЕ ФЕРМЕРЫ» И «КИТАЙЦЫ-ОГОРОДНИКИ»: ПОСТКОЛХОЗНАЯ РЕНТА В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ПРИГОРОДА*

Константин Вадимович Григоричев

Аннотация. Статья посвящена анализу развития неформальных экономических практик в контексте неинституализированного пригородного пространства. Основным вопросом является влияние колхозного прошлого на специфику развития экономики постсоветского пригорода. Исследование выполнено в жанре кейс-стади и основано на серии полуформализованных интервью 2016 г. и полевых наблюдений в пригородной зоне Иркутска 2009–2016 гг. Показывается, что важнейшей основой неформальной экономической деятельности местных жителей пригорода является использование наследия деятельности колхозов, которое обозначается автором как постколхозная рента. Рассматриваемый кейс позволяет обозначить несколько вариантов такой ренты: переход полностью в нелегальную экономическую деятельность, отход от принципов рынка к реципрокности хозяйственных отношений и использование современной административной ренты для пользования рентой постколхозной. На основе постколхозной ренты формируются также бизнес-практики трансграничных мигрантов, связанные с неформальной экономикой пригорода. При всем различии этих стратегий их объединяет устойчивое воспроизводство неформальных отношений как основы деятельности. Это позволяет говорить о том, что система прошлых отношений (колхоз) являет одним из основных факторов воспроизводства неформальных экономических практик современного пригорода.

Ключевые слова: пригород, неформальная экономика, колхозы

Пригородов в России формально нет: в административно-территориальном делении, нормативных и статистических описаниях за городской чертой начинаются сельские районы. Оппозитная дихотомия пространства «город – село» институализирована организацией системы управления, номенклатурой властных и управленческих ведомств, структурой тарифов и нормативами социального обеспечения. Такое деление пространства, закрепленное во всех системах описания, формально исключает существование пригорода как переходной зоны, сво-

---

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России») и гранта РФФИ (проект № 16-06-00072 «Неформальная экономика пригорода: развитие социально-экономического пространства пригородной зоны восточносибирского города (на материалах г. Иркутска)»).

его рода «третьего пространства». Почти нет пригородов как объекта изучения и в современных отечественных исследованиях (Бреславский 2016).

Вместе с тем пригороды прочно вошли в повседневность большинства крупных сибирских городов. На фоне общей депопуляции востока России численность населения пригородных районов сохраняется и даже растет. Особенно заметным этот рост становится летом, когда пригородные транспортные магистрали оказываются нагруженными больше, чем многие городские маршруты. Неотрефлексированные идеи субурбанизма как образа жизни (Fava 1956; Walks 2013) все больше проникают в российское общество, изменяя представление о собственном доме как форме элитного потребления (Хамфри 2010) в пользу привлекательной альтернативы городской квартире.

Одним из признаков появления пригородов как большого самостоятельного пространства является формирование здесь специфической экономики. Эта новая экономическая активность почти не отражается в статистических описаниях, частью в силу несовершенства муниципальной статистики (Моляренко 2016), частью вследствие ненаблюдаемого характера. Вместе с тем она визуальнo отчетливо маркируется появлением несельских видов и форм экономической деятельности, прежде всего сферы услуг, масштабных супермаркетов, наконец, визуальной коммерческой рекламой, не свойственной внегородскому пространству. Появление таких «городских» видов деятельности в формально «сельском» пространстве свидетельствует не только об изменении структуры пригородной экономики, но и об очевидном источнике новой деловой активности, которым являются город и горожане.

Но что происходит с исчезающей сельской экономикой пригородной зоны? Уходит ли безвозвратно в прошлое организация пространства и жизни сообществ советской эпохи? Влияет ли это прошлое на характер современного развития (path dependence (Garrouste, Ioannides 2000; Mahoney 2000)) пригородной зоны, структуру и формы новой пригородной экономики?

Задача этого текста – анализ развития неформальных экономических практик в контексте неинституализированного пригородного пространства. Неформальная экономическая деятельность понимается как деятельность, частью игнорирующая, частью не предполагающая контрактных отношений (Барсукова 2000: 53), в рамках которой можно с большей или меньшей условностью выделить скрываемую и ненаблюдаемую сферу (Радаев 2008: 178–179). Меня интересует использование коренными жителями пригородных поселений «наследства» колхозов, в которых раньше состояла большая часть домохозяйств, то, как колхозное прошлое определяет специфику развития экономики постсоветского пригорода.

Эмпирическую основу исследования составляет небольшой исследовательский кейс 2015 г., который при всей ограниченности масштабов дает хороший материал для формирования исследовательской гипотезы. Анализ построен также на основе серии полуформализованных интервью 2016 г. и полевых наблюдений в пригородной зоне Иркутска 2009–2016 гг. Все цитаты относятся к интервью 2016 г. и анонимизированы по согласованию с респондентами. Встречающаяся в интервью обценная лексика заменена принятыми эквивалентами.

«Пятеро потных мужиков» и «крузёры»: обоснование исследовательского кейса

Поводом и одновременно механизмом вхождения в поле стал нетипичный и даже несколько курьезный бизнес-проект группы горожан в пригороде Иркутска. Они попытались выстроить бизнес-модель пригородного овощеводства, основанную преимущественно на неформальных практиках. Участниками стали пятеро достаточно состоятельных горожан, из которых четверо являются предпринимателями в различных сферах, а один – успешным политическим консультантом и политтехнологом.

Состав участников-«концессионеров», по ироничному самоопределению, предопределил опору на собственный предпринимательский опыт. Проведенный «на коленке» анализ рынка и продуктивности разных видов аграрного бизнеса привел к выбору двух культур для выращивания (картофель, морковь). *«Мы так и эдак покрутили, прикинули сколько во что вкладывать нужно. Всяко получалось, что картошка, вообще овощи требуют минимальных вложений и техники разной».* Однако из-за отсутствия аграрного опыта не было учтено множество климатических и конъюнктурных деталей, что в итоге обусловило нулевую рентабельность проекта.

Поскольку проект изначально определялся как некая апробация «авантюрной идеи», полноценного вхождения (с масштабными вложениями, закупкой техники, формированием штата работников и т.д.) не предполагалось. Прямые инвестиции были ограничены суммой 500 тыс. руб. (*«мы решили, что «сотка» – это та сумма для каждого, которую не страшно потерять»*), а решение проблем с техникой и персоналом предполагалось через неформальную аренду и неофициальный найм. Недостаток финансов предполагалось компенсировать собственным трудом в нерабочее время.

Проект не был масштабным. В распоряжении «концессионеров» на условиях безвозмездного пользования находилось около 3 га земли, из которых обрабатывалось не более 1 га. Продолжительность активного сезона составила около пяти месяцев, а общий цикл проекта с учетом

продажи продукции – чуть менее года. Сбыт продукции происходил преимущественно через социальные сети (Facebook), небольшими партиями и на условиях самовывоза из хранилища, в качестве которого использовалось место в кооперативном подвале, принадлежавшее одному из участников.

Трудились сами участники, для которых тяжелая и малоквалифицированная работа не типична ни по роду деятельности, ни по визуальным атрибутам высокого статуса. Один из них иронично описывает: *«Представь себе такой сюр: на пригорке стоят пять нешеёвых машин, из которых моя – самая занюханная, – «крузёры», «патрол», и пятеро потных мужиков из них возятся на пашине»*. Участие в проекте стало для «концессионеров» конвертацией свободного времени, полученного благодаря статусу и доходам, в работу неоплачиваемую. Это противоречие глобальному тренду (Гершуни 2004: 404–406) стало причиной свертывания проекта: *«Когда среди дня у трактора ломается что-то, и... [один из участников проекта. – К.Г.] бросает стройку, в которую вложены миллионы, и летит за запчастями, это, согласись, ненормально»*.

Производственный цикл потребовал привлечения довольно широкого круга партнеров. В качестве консультанта был приглашен сотрудник локальной администрации, работавший ранее агрономом. В масштабных полевых работах использовались мигранты из Средней Азии («узбеки»). «Узбек» – это не обязательно этнический узбек или мигрант из Узбекистана. Это скорее собирательное определение трудовых мигрантов из постсоветских центральноазиатских стран. Ранее в этом качестве преобладало определение «таджик» (Дятлов 2011: 520–525).

При выполнении специальных сельскохозяйственных работ (вспашка, посев, уборка) привлекались на условиях неформальной оплаты местные жители, у которых арендовалась и специальная техника. Ситуативно решались с ними и внеплановые вопросы – срочный ремонт, вытягивание забуксовавшей техники и т.п. Возникали контакты с конкурентами в лице местных фермеров и китайских мигрантов, арендующих поля для овощеводства.

Иными словами, при всей нетипичности и даже некоторой курьезности кейса, он обладает двумя чрезвычайно важными свойствами. С одной стороны, этот бизнес-проект был изначально ориентирован на включение в систему неформальных экономических отношений современного пригорода. Его участники включались в эти правила игры, рассчитывая на собственное понимание механизмов неформальных взаимодействий, выработанное в городских условиях. Происходит погружение в неформальную среду, включение в систему неформальных взаимодействий в экономической и смежной сферах.

С другой стороны, кейс отличается многообразием сторон неформальных взаимодействий: участники бизнес-проекта, несколько групп мест-

ных жителей, представители локальной администрации (власти), несколько групп трансграничных мигрантов. Хозяйственная деятельность в пригороде, ориентированная на городских потребителей, обусловила формирование / актуализацию отношений и в городском, и в сельском сообществе. Многообразие поводов для контакта и конкретных способов таких взаимодействий позволяет взглянуть на неформальную экономику пригорода как на механизм конструирования сетевого пространства, описываемого в транснациональном (Кастельс 2000) и общероссийском (Барсукова 2000) масштабах, на локальном уровне.

Кейс демонстрирует пример реальной, но не фиксируемой экономической деятельности, специфичной для пригородной зоны. Это позволяет не только описать один из случаев неформальной экономики, но и предложить «социально-экономическую» интерпретацию эффекта ненаблюдаемости пригорода как особого пространства.

Местные жители: варианты постколхозной ренты в неформальной экономике

Материалы кейса демонстрируют многообразие участников пригородной экономики. В отечественных исследованиях устойчиво выделяется лишь две стороны взаимодействий: местные жители и дачники / переселенцы из города (см. напр.: Бреславский 2015; Нефедова 2012). Если последние контекстуально демонстрируют некоторую гетерогенность (владельцы дорогих коттеджей, дачники в садоводческих некоммерческих товариществах, горожане, перебравшиеся в пригород на постоянное жительство), то коренные жители предстают достаточно гомогенной группой.

Однако опыт отношений с ними в течение короткого полевого сезона продемонстрировал и их неоднородность, по крайней мере, с позиции участия в пригородной экономике. Их объединяет лишь то, что все они являются либо работниками колхоза, существовавшего здесь до начала девяностых, либо членами их семей. После ликвидации колхоза как юридического лица входившие в него домохозяйства унаследовали его имущество: сельскохозяйственные земли, распределенные в виде «паев», технику и оборудование. Не буду останавливаться на юридических основаниях такого рода наследования – траектории того или иного колхозного имущества до попадания в руки современных собственников могут быть весьма замысловаты. Отмечу, что бывшие члены колхоза получили своего рода капитал, ликвидность которого могла существенно меняться. При всей нестабильности экономической ситуации именно он давал возможность ведения экономической деятельности, будь то предоставление земельных участков в аренду или ведение хозяйственной деятельности с использованием доставшейся техники.

Возможность получения дохода от такого имущества я обозначу как постколхозную ренту. Это вариант приватизации биографии – довольно широко распространенной основы постсоветской неформальной экономики (Бляхер 2012). Использование такой ренты является важнейшей особенностью хозяйственной деятельности коренных жителей и горожан, формирующих иркутскую субурбию. Это хорошо заметно и на примере кейса: основой бизнес-проекта явились собственный денежный капитал и система неформальных связей.

Участники проекта взаимодействовали как минимум с тремя группами местных жителей, различающихся по сфере занятости и способу получения постколхозной ренты:

- занятые преимущественно в неформальном лесопользовании;
- сочетающие занятость в городе и сельскохозяйственную обработку небольших земельных участков («колхозных паев»);
- сотрудники локальных администраций.

Рассмотрю последовательно каждую из выделенных групп.

Местные жители, занятые в неформальном лесопользовании.

Основу этой группы составляют жители пригородных поселений, работавшие ранее в колхозах и на предприятиях по обслуживанию тяжелой техники, а также их дети. Для них типичен официальный статус безработного либо работа в городе с графиком работы «сутки через трое» – водителями, охранниками и т.п. Фактическая же занятость чаще всего связана с незаконной вырубкой леса для продажи в лесозаготовительных «фирмах» Иркутска. Основой деятельности является не новая, но работоспособная мощная техника (полноприводные грузовые автомобили с манипуляторами-погрузчиками), «доставшаяся» после ликвидации колхозов и / или банкротства предприятий.

Материалы кейса не позволяют говорить об уровне организации такой деятельности, однако имеющиеся публикации дают возможность предполагать ее неорганизованный характер. Пользуясь определением спектра участников неформального лесопользования К. Гитаева (2005), это скорее «получатели социальных лимитов и местные жители», чем «лесопользователи». Криминальная деятельность по вырубке леса здесь имеет нерегулярный, слабо организованный характер, сопряжена с высоким риском в силу несистемного включения в неформальные сети лесопользования. По словам респондентов, это слой местных жителей с наиболее высокими доходами. Фактически это представители сегмента пригородной экономики с наиболее высоким уровнем монетизации: *«Экономика, где есть бабки – это лес. И всё, больше нормального количества бабла нет нигде там».*

Включенность в высокодоходную и полностью скрываемую от «государства» (и, следовательно, не облагаемую налогами) деятельность исключает мотивацию для занятости в аграрном секторе или в

сфере услуг. *«Сам посуду, три мужика за ночь грузят и вывозят машину леса. Даже при самом плохом варианте, по пятерке [пять тысяч рублей. – К.Г.]» на каждого. Они смотрели на нас как на придурков, как в цирке – “здесь же бабок не заработать”!*» Высокий уровень денежных доходов и приобщенность к неформальным сетям за пределами собственно пригородной зоны порождают репрезентации этой группы как своего рода «элиты». Вместе с тем преобладание здесь практик «черной рубки», как показывает И. Олимпиева (2005: 11), исключает возможность включения в полуформальные отношения («серые рубки»). Это, вероятно, объясняет контекстуальное сходство описаний представителей данной группы с образами рядовых участников «силового предпринимательства» («мускул», «мясо» и т.п.) (Волков 2012).

Криминальность хозяйственных практик полностью исключает эту группу из статистических описаний экономики пригородной зоны. При максимальном внимании региональных медиа к проблемам черных рубок ни реальный масштаб, ни степень участия местных жителей пригорода в этой деятельности не ясны. Очевидна лишь опора на горизонтальные сети, выходящие далеко за пределы пригородных поселений, и постколхозную ренту.

Высокая относительно других групп местных жителей доходность исключает их участие в иных сферах локальной экономики. Показательно, что взаимодействие с ними участников бизнес-проекта ограничивалось разовыми, случайными контактами в форс-мажорных обстоятельствах, требующих привлечения тяжелой техники. И специфика деятельности, и сложившаяся мотивация полностью выводят участников неформального лесопользования за пределы наблюдаемой экономики пригорода.

Местные жители, сочетающие занятость в городе и сельскохозяйственную обработку небольших земельных участков («колхозных паев»). В основном это тоже бывшие работники колхозов. Базой для ведения экономической деятельности этой группы являются небольшие (3–4 гектара) участки земли сельскохозяйственного назначения – «паи», доставшиеся при ликвидации колхозов. Нередко в собственности одного домохозяйства находятся 2–3 таких «пая», обработкой которых занимается семья. Однако, по материалам моего кейса, обрабатывается не более 7–8 га земли, что определяется, с одной стороны, ограниченным количеством рабочих рук, а с другой – наличием только маломощной устаревшей техники, доставшейся «в наследство» от колхоза. *«Знаешь, мы, когда ездили, искали там специалистов (ну, там тракториста и кто может с сеялкой справиться), видно, что почти в каждом таком дворе есть небольшая техника. Видно, что старая, но ремонтируют – то новый блок торчит, то навесное подваренное какое-то».*

В большинстве случаев подобная деятельность ведется без регистрации (ни в качестве индивидуального предпринимателя, ни в качестве юридического лица). Это связано со стремлением уйти от любого налогообложения, что формально позволяет отнести ее к «скрываемому» сегменту неформальной экономики. Вместе с тем реализация продукции преимущественно в пределах домохозяйства, невысокая степень товарности и незначительные масштабы сближают ее с «ненаблюдаемой» домашней экономикой.

Эта группа поставляла «концессионерам» специализированные услуги по посадке выращиваемых культур, их обработке, предоставляла специальную технику. Несколько местных жителей были неформально наняты на условиях разовой оплаты для выполнения работ, требующих опыта и специализированной техники. Поиск таких специалистов проводился через опрос населения (*«да сарафанное радио, как еще искать-то»*).

Техника поддерживается в исправном состоянии не только для обработки собственной земли, но и для предоставления соответствующих «услуг» соседям. Маломощность хозяйств не позволяет им иметь весь спектр необходимой техники и инвентаря. Фактически это выводит взаимодействия внутри группы за пределы кооперации (объединения ресурсов для ведения совместного хозяйства) и погружает их в систему реципрокных отношений в классическом прочтении М. Мосса (1996). Действие (вспашка, боронование и т.д.) выступает здесь не монетизированной услугой, а своего рода даром, который не может быть оплачен, а только возвращен. Характер такого дара определяется аграрным циклом и сложившимся распределением ресурсов.

Попытки участников бизнес-проекта вклиниться в эту систему отношений не всегда были успешны. Готовность оплачивать услуги специалистов «живыми» деньгами не гарантировала их получение вовремя. Все определялось наличием свободного времени у нанимаемого работника, в том числе – от обязательств в отношении односельчан. *«Ему мало, что деньги суешь, еще уговаривать надо: у него то Ваське сено убирать, то Маньке морковку обрабатывать. Они вообще не привыкли, что за это деньги дают».*

Такая реконструкция экономики дара мне представляется чрезвычайно важной. Дарообмен как основа хозяйственных взаимодействий, очевидно, выводит такую деятельность за пределы наблюдаемой экономики. Фиксация услуги как дара в качестве экономической транзакции невозможна. Поскольку же именно такой набор взаимодействий формирует основу хозяйствования, то она прочно остается вне статистических наблюдений и фиксируемого в них образа территории и сообществ. Вместе с тем реципрокность как основа взаимодействий формирует, пожалуй, наиболее устойчивые горизонтальные сети, которые

функционируют на доверии в противовес обезличиванию рынка (Поляны 2002).

Иными словами, эта группа воспользовалась «наследием» колхоза не для прямой его коммодификации, а для отхода от принципа рынка к принципу реципрокности. Низкодоходная по сравнению, например, с неформальным лесопользованием, такая практика также выводит хозяйствование за пределы наблюдаемой экономики, но оставляет при этом возможности для включения в «серые» отношения. Легальная собственность, отсутствие прямых криминальных действий позволяют включаться в систему транслокальных экономических транзакций, замыкающихся на городском потребителе.

Сотрудники локальных администраций, имеющие профессиональный опыт в аграрной сфере. Эта группа представлена специалистом районной администрации, который ранее работал агрономом. Договоренность о постоянном консультировании на протяжении всего сельскохозяйственного цикла основывалась на неконтрактной основе: *«За отдельные бабки договорились, что... [специалист. – К.Г.] будет вести нас, говорить, что когда лучше делать, какие, там, химикаты покупать».*

Уже к середине цикла выяснилось, что качество наемного консультанта не устраивает участников проекта и по уровню профессионализма, и по отношению к проекту: *«Все, что... знает, устарело! Говорит – обрабатывать вот этим, какой-то фигней, которой еще при Союзе работали. И мы сами лезем в Интернет, ищем, чем лучше, добываем. А... [консультанту. – К.Г.] по фигу».* Отказаться от этих услуг оказалось достаточно сложно. Неизбежный конфликт мог испортить взаимоотношения с районной администрацией. Поэтому невыгодное сотрудничество продолжалось вплоть до завершения проекта.

Единичность описанной практики может вызвать вполне обоснованные сомнения в возможности выделения на этой основе отдельной группы. Однако практика подобного «консультирования» вполне устойчива и распространена. Первоначальный выбор консультанта основывался на распространенной информации о том, что этот специалист *«много фермеров “ведет”, его нам сразу посоветовали в администрации».*

Здесь присутствует и выраженное отличие в используемой ренте. В основе выгодоприобретения лежит, с одной стороны, все та же постколхозная рента (опыт работы, знание местности с позиции «использования сельхозугодий»). Однако, с другой стороны, в этой практике отчетливо присутствует апелляция к властному статусу, что позволяет говорить о ренте административной (статусной). Фактически именно последняя позволяет извлекать постколхозную ренту, реализация которой без современной статусной позиции была бы затруднена. Одновре-

менно административная рента выводит представителей власти в «серую» зону, включая их в систему неформальных взаимодействий.

Таким образом, важнейшей основой неформальной экономической деятельности местных жителей пригорода является использование наследия деятельности колхозов, которое я обозначаю как постколхозная рента. Однако уже рассматриваемый кейс позволяет выделить как минимум три стратегии ее реализации: переход полностью в нелегальную экономическую деятельность, отход от принципов рынка к реципрокности хозяйственных отношений и использование современной административной ренты для пользования рентой постколхозной. При всем различии их объединяет устойчивое воспроизводство неформальных отношений как основы деятельности. Это позволяет говорить о том, что система прошлых отношений (колхоз) является одним из основных факторов воспроизводства неформальных экономических практик современного пригорода.

«Узбеки» и «китайцы-огородники»: трансграничные мигранты в аграрной экономике пригорода

Трансграничные мигранты появились в пригородной зоне достаточно давно: полевые исследования 2009–2010 гг. показали устойчивое присутствие двух больших групп – «китайцев-огородников» и «таджиков». Китайцы занимались товарным тепличным овощеводством, ориентированным на городской потребительский рынок. Полевые наблюдения 2014–2016 гг. и анализ медийных публикаций демонстрируют сохранение широко распространенного в России феномена «китайских теплиц» в пригородах многих крупных городов.

Вторая группа формировалась трудовыми мигрантами из стран постсоветской Центральной Азии, собирательно обозначаемых как «таджики». Деятельность этой группы, имеющей сложную пространственную организацию и многоуровневую структуру, была связана с подрядными работами по строительству и ремонту на основе неформального найма. Как показали полевые исследования 2009–2013 гг., динамичность и успешность ее включения в пригородные сообщества были связаны с интенсивным формированием населения пригорода за счет миграции из областного центра и масштабным индивидуальным жилищным строительством. Сохранение высоких темпов роста пригородного населения и расширения индивидуальной застройки позволяет предполагать, что масштабы присутствия данной группы существенно не изменились.

В рамках рассматриваемого мною бизнес-проекта взаимодействие выстраивалось с иными группами трудовых мигрантов: «узбеками» – трудовыми мигрантами, работающими на стройках Иркутска, и «китайцами-огородниками» – мигрантами из КНР, занятыми в нетеплич-

ном овощеводстве. Вполне очевидно, что обе эти группы относятся к тем же миграционным потокам, что и зафиксированные ранее в пригородной зоне. Специфика и локализация их деятельности связаны, скорее, с внутренней динамикой миграционных процессов. Более существенно другое: стремление выделить «новые» группы из устоявшихся представлений о мигрантах в пригороде может являться попыткой фиксации иного набора практик неформальных взаимодействий, отличного от выработанных ранее в контактах с «китайцами-огородниками» и «таджиками».

«Узбеки» – трудовые мигранты из постсоветской Азии. Привлечение трудовых мигрантов для выполнения объемных полевых работ рассматривалось участниками проекта в качестве одного из возможных вариантов обеспечения рабочими руками. Как такового специального найма для работы на полях «концессионеров» не происходило. Альтернативой поиску рабочих в пригороде стало полупринудительное привлечение трудовых мигрантов, работающих на стройках в городе. *«У знакомого... [одного из участников проекта. – К.Г.] в городе на стройке узбеки работали. Вот он нам их подогнал пару раз, пока у них работы не было – то ли кирпич ждали, то ли еще что».*

Привлечение «узбеков» на сельскохозяйственные работы участниками проекта не оплачивалось ни самим мигрантам, ни их городским нанимателям. Ситуация со стороны «городских» нанимателей мигрантов рассматривалась как безвозмездная помощь друзьям, основанная на устойчивых неформальных связях и не предполагающая какой-либо оплаты, кроме символического угощения («за коньячок»). Работа же мигрантов рассматривалась как выполнение неформального договора, заключенного с нанимателями в городе.

Этот фактически принудительный труд оказался предсказуемо неэффективным. Отсутствие формального контракта с мигрантами понималось их нанимателями как возможность использования «узбеков» по своему усмотрению в пределах рабочего времени. Учитывая ненормируемую продолжительность рабочего дня как господствующую практику среди трудовых мигрантов, такой взгляд означал возможность свободной эксплуатации. В свою очередь, ориентированные на строительные работы, которые они выполняли на стройках Иркутска не первый год, рабочие-мигранты воспринимали привлечение их на аграрные работы как нарушение неписанного контракта и оскорбление неквалифицированным трудом. Не имея возможности апеллировать к «букве» контракта, «узбеки» фактически саботировали работу на картофельном поле: *«Плохо они работают, убедился. Еле-еле, все время подгонять нужно. Да еще ворчат, что, мол, я строитель, столько лет езжу строить, а так я и дома, мол, могу работать – в поле, тяжело и бесплатно».*

В этой ситуации чрезвычайно интересна не только и не столько сама возможность нарушения неформальных договоренностей как злоупотребление неконтрактными отношениями. Интересна возможность интерпретации ситуации как наличия неформального разделения рынка труда в среде мигрантов из постсоветских центральноазиатских стран и своего рода иерархии занятости. Сложившаяся в течение 15–20 лет система статусов мигрантов приводит к тому, что «городской вектор» установления неформальных экономических связей между городом и пригородом в логике привлечения малоквалифицированных рабочих рук оказывается неработоспособным. Аграрный сектор неформальной пригородной экономики для центральноазиатских мигрантов оказался закрыт.

«Китайцы-огородники», напротив, давно включены в аграрный сектор пригородной экономики. Основным направлением их деятельности является товарное овощеводство, полностью ориентированное на городской рынок сбыта. Основу ее составляет аренда и субаренда бывших колхозных земель у мелких собственников – бывших членов колхоза. Став еще одним вариантом постколхозной ренты, такая практика не предполагает каких-либо долговременных и масштабных стратегий землепользования и подталкивает к получению быстрой прибыли. В этом смысле краткосрочная аренда и субаренда, оформляемая через посредников-риэлторов, оказываются наиболее подходящими инструментами, не связанными с какими-либо рисками: «При заключении договора я свою комиссию забрал. Как риэлтор. Я землю нашел, передал в субаренду. Свою копейку, ну не всю, а 50 процентов, забрал. Остальные осенью» (В Иркутском... 2014).

Многочисленные небольшие земельные «паи», арендуемые у собственников, формируют достаточно крупные земельные массивы. Однако формально единого сельскохозяйственного предприятия при этом не возникает: формальные и неформальные договоры аренды и субаренды заключаются с каждым собственником индивидуально. В результате фактически действующее крупное пригородное овощеводческое хозяйство в статистических описаниях и в реестре предприятий отсутствует. Подобная практика землепользования, представляющая собой вариант постколхозной ренты, приводит к тому, что китайских пригородных хозяйств, как и тепличных комплексов («китайских теплиц»), в номинируемых описаниях территории нет.

При несомненном родстве миграционных потоков и схожести практик землепользования в неформальных тепличных комплексах и аренде полей, моими респондентами эти группы китайских мигрантов описываются как различные. «Китайцы-огородники» противопоставляются рабочим в теплицах как более заметная и открытая группа. В основе такого противопоставления, на мой взгляд, лежит, с одной стороны,

устойчивое дискурсивное исключение «китайских теплиц» и их обитателей из «нормального» пригородного пространства, а с другой – опыт прямых контактов с работающими на полях китайскими мигрантами. При отсутствии прямого взаимодействия с работниками теплиц представление об этой группе формируется в основном медийными публикациями, в которых китайские хозяйства показываются как «огороженные высоким забором» (Китайские... 2007), «отгородившиеся от страны» (Россия... 2012), от которых любые комиссии «китайцы отгоняют палками» (Корк, Игнатенко 2006). Представление же о китайских мигрантах, работающих на полях, напротив, сложилось у «концессионеров» в ходе непосредственного взаимодействия.

И рынок сбыта, и товарная продукция, и масштабы деятельности разводили участников проекта с «китайцами-огородниками», однако первый контакт с ними произошел в рамках конфликтной и конкурентной ситуации. Опираясь на представление о современных способах полеводства, участники бизнес-проекта попытались наладить орошение своего участка из небольшой речки. Для этого была привезена помпа, мощность которой оказалась несоразмерна небольшому хозяйству: *«Мы же неопытные, лохи такие, знаем, что поливать нужно, но какую помпу нужно – не знаем. Ну и не покупать же ее?! Взяли, какая у... [знакового. – К.Г.] была, запустили, а уровень в речке на глазах начал падать. Мы ее в принципе могли вообще всю вычерпать...»*

В результате находившаяся ниже по течению аналогичная система орошения «китайцев-огородников» оказалась под угрозой отсутствия воды. Следствием стал неожиданный для Восточной Сибири водный конфликт, типичный, скорее, для центральноазиатских стран (см. напр.: Bichel 2009), где сложилась многовековая практика их разрешения. *«Помпа у нас минут 15 только проработала, и тут прилетели китайцы на джипе – сразу орать стали, мол, вы чего НАШУ воду забираете?! Мы тут же окрысались – какая это ВАША вода? Это НАША вода!»* [все выделения в цитате мои. – К.Г.]. Примечательно, что в центре конфликта оказался ресурс (вода), не принадлежащий ни одной из заинтересованных сторон, право на который определялось лишь фактом пользования. Все стороны конфликта фактически использовали воду для орошения незаконно, что полностью исключало перспективы урегулирования на формальных основаниях.

Конфликт был разрешен через прямые переговоры без апелляции к формальным правилам, представителям власти или традиции. *«Потом подъехала вторая машина, из нее женщина вышла – китаянка. Прилично одета, по-русски хорошо говорит. В итоге [договорились. – К.Г.], что вода вроде как общая, мы будем брать поменьше, и китайцам тоже достанется, и все довольны»*. В этой ситуации мне представляется важным именно перевод конфликта в плоскость неформаль-

ного урегулирования. Признание воды общей ценностью произошло не на основе формального права или традиции, а на основе прагматичного расчета. Неучастие власти или местных жителей вывело их за круг участников отношений по поводу ресурса. Фактически конфликт стал механизмом символического присвоения (или точнее – перераспределения) природного ресурса, позволяющего внешним для пригорода группам включиться в локальное природопользование.

Такое включение оказалось возможным именно в среде, созданной неформальными экономическими практиками. Отказ от апелляции к норме (закону или традиции) становится здесь одним из механизмов воспроизводства неформальной экономики и построения горизонтальных сетей. Основанные на постколхозной ренте (аренда земли, техники, связанные с ней услуги), прямым получателем которой является местное население, такие бизнес-практики формируют сетевые отношения, в которых местные жители становятся не единственным и даже не основным участником. Опираясь на производство в пригороде, складывающиеся бизнес-модели выводят неформальную экономическую деятельность за пределы собственно пригородных локальностей.

«Полугородские фермеры»: транслокальные практики в неформальной экономике пригорода

Особой группой в аграрном секторе экономики, с которой столкнулись участники бизнес-проекта, стали немногочисленные предприниматели, осуществляющие связь между мелкими производителями в пригороде и городом. Преимущественно это выходцы из пригородных поселений, работавшие ранее в колхозах, либо члены их семей, для которых постколхозная рента оказалась недостаточной. Это подтолкнуло к построению своеобразной бизнес-модели, основанной на неформальных практиках связи производства в пригороде и распределения в городе.

Отправной точкой здесь послужило не производство, а сбыт. Построение бизнеса «от сбыта» стало едва ли не единственным вариантом выхода за пределы замкнутого цикла экономики дарообмена. *«Понимаешь, без городского конца этого бизнеса нет. Много сам ты не произведешь, да и куда девать? Не будешь же ты свои две тонны картошки в сети [торговые. – К.Г.] сдавать. Да и не прожить с них».* Первым шагом в создании такого бизнеса является аренда постоянного места на продуктовом рынке для торговли продукцией личного хозяйства. Такой статус позволяет не регистрировать юридическое лицо и не демонстрировать объем продаваемого товара. Фактически же под видом собственной продукции перепродаются овощи от мелких производителей из числа жителей пригорода, а нередко и китайских мигрантов (как из «китайских теплиц», так и от «китайцев-огородников»).

Подобная бизнес-модель становится важнейшим элементом воспроизводства аграрного сектора ненаблюдаемой экономики пригорода. Отсутствие крупного хозяйства и крупного земельного участка снимает необходимость юридического оформления некоего фермерского или крестьянского хозяйства. Де-юре и статистически такого хозяйства в пригороде не возникает. Альтернативой ему являются множество плохо учитываемых мелких хозяйств и формально несуществующее производство китайских мигрантов. Распределенное производство, не требующее прямых денежных инвестиций, существенно снижает риски предпринимательства. Не возникает и какого-либо торгового предприятия: единственное, что отражается в статистике и иных документах, – это аренда частным лицом торгового места на рынке. Иными словами, подобная бизнес-модель не только сама основывается на неформальных экономических практиках, но и закрепляет существующие модели ненаблюдаемой экономики в пригороде.

Закономерным следствием является распределение жизни предпринимателя между городом и пригородом. Проводя большую часть рабочего времени в городе, где находится ключевой «конец» бизнеса, он сохраняет место жительства в пригороде. *«Вот... [такой предприниматель. – К.Г.]: у нее точка на Центральном рынке, где она весь день продает типа “свою” картошку. А в [пригородном поселении. – К.Г.] у нее дом... [большой. – К.Г.] двор, там техника, от колхоза оставшаяся. Она сама, конечно, уже ничего не выращивает, покупает у своих, у китайцев, продает. Но живет там, в пригороде».* Респондент называет подобных предпринимателей «полугородскими фермерами»: *«Они, знаешь, и фермеры не совсем, и не горожане даже вроде. Но и не колхозники...».*

Префикс «полу-» здесь отчетливо маркирует транслокальное положение таких предпринимателей, которые не являются полноценными членами ни сельского (пригородного), ни городского сообщества, а занимают промежуточное, контактное положение, производящее новые идентичности (Appadurai 2003). Появление таких позиций, в свою очередь, подчеркивает переходность и контактность пригородной зоны. Переходность не только как контактное пространство сельской и городской систем отношений, но и как трансформацию советской модели аграрной пригородной экономики, один из механизмов постсоветского транзита. Вектор и характеристики трансформаций здесь задаются, с одной стороны, постколхозной рентой, а с другой – господством неформальных экономических практик в пространстве пригорода.

Заключение

Пригород и его специфическая экономика все более прочно входят в повседневность крупных российских городов. При всем многообразии

вариантов формирования субурбий (от актуализации урбанизационной миграции до распространения идей субурбанизма как альтернативы городу) экономическая активность здесь контекстуально связывается с городом. В условиях отсутствия статистического и нормативного описания пригорода как особого пространства постулирование ключевой роли города и горожан как проводников новой экономической активности представляется логичным и закономерным. К этому же выводу подталкивают и визуальные маркеры пригорода, связанные с несельскими деловыми практиками: визуальная реклама, распространение «городских» форм торговли и услуг.

Однако прежние формы хозяйствования и системы отношений, господствовавшие в сельских пригородных сообществах на протяжении многих десятилетий, продолжают оказывать влияние (*path dependence*) на современную экономику пригорода. Наследие колхозов, «разворованное» и «утраченное», согласно господствующим медийным штампам и массовым стереотипам, обуславливает, на мой взгляд, не исчезновение аграрной экономики, а уход ее в тень. Постколхозная рента определяет неформальный характер развития этого сектора. Независимо от спектра участников экономические практики, так или иначе базирующиеся на наследии колхозов, выводят экономическую активность из сферы наблюдаемой экономики, формируя образ пустого пространства (Бляхер 2014: 69–72).

Варианты получения постколхозной ренты в значительной степени определяют не только динамику и внутреннее структурирование аграрной экономики пригорода. «Наследие колхозов» делает возможным развитие мигрантской экономики. Именно наличие бывших колхозных земель, сдающихся в аренду или проданных бывшими колхозниками, лежит в основе экономических операций с землей в пригороде, как формальных, так и неформальных. Именно это обстоятельство является базой для стремительного роста индивидуального жилищного строительства, которое, в свою очередь, является важнейшей составляющей роста современной субурбии Иркутска. Иными словами, постколхозная рента оказывается не только основой для формирования и функционирования неформальной экономики пригорода, но и важнейшим элементом формирования самого пригородного пространства.

Литература

- Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России: Социология. Этнология. 2000. № 1. С. 52–68.
- Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014.
- Бляхер Л. Региональные бароны // Отечественные записки. 2012. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/regionalnye-barony> (дата обращения: 12.08.2016).
- Бреславский А. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России: Социология. Этнология. 2016. № 1. С. 79–102.

- Бреславский А. С.* Что мы знаем о современных российских пригородах? // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. Т. 15, № 4. С. 137–148.
- В Иркутском районе проверяют теплицы* // Новости Иркутска. URL: <http://irkutsknews.net/society/2014/04/28/11426.html> (дата обращения: 12.08.2016).
- Волков В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2012.
- Гершуни Дж.* Экономическая социология: либеральные рынки, социальная демократия и использование времени // Западная экономическая социология. Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 400–412.
- Дятлов В. И.* От таджика к «таджику» – от этнофобии к мигрантофобии // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2011. С. 520–525.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
- Китайские теплицы хотят снести* // СМ Номер один. 2007. № 6. 15 февр.
- Корк Б., Игнатенко С.* Тайна китайского помидора // СМ Номер один. 2006. № 24, 22 июня.
- Моляренко О.* Формальные и неформальные отношения в информационном обеспечении местного самоуправления (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2016.
- Мосс М.* Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 82–222.
- Нефедова Т. Г.* Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (дата обращения: 12.08.2016).
- Олимпиева И.* Неформальная экономика лесопользования как объект исследования // Неформальная экономика лесопользования: Участники, практики, отношения (на основе материалов исследования Иркутской области). М.: МОНФ. 2005. С. 9–17.
- Поланы К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- Радаев В. В.* Экономическая социология. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Россия столкнулась с аграрной колонизацией со стороны КНР* // DAO KE DAO URL: <http://www.daokedao.ru/2012/08/21/rossiya-stolknulas-s-agrarnoj-kolonizaciej-so-storony-knr/> (дата обращения: 12.08.2016).
- Титаев К.* Сфера промышленного лесопользования: участники и отношения // Неформальная экономика лесопользования: Участники, практики, отношения (на основе материалов исследования Иркутской области). М.: МОНФ. 2005. С. 18–45.
- Хамфри К.* Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010.
- Appadurai A.* Modernity at Lardge: cultural dimensions of globalization. Mineapolis, University of Minesota Press. 1996, 2003. P. 178–201.
- Bichel C.* Conflict transformation in Central Asia. Irrigation disputes in the Fergana Valley. London & New York: Routledge, 2009.
- Fava S.F.* Suburbanism as a Way of Life // American Sociological Review. 1956. Vol. 21, no. 1. P. 34–37.
- Garroute P., Ioannides S. (eds)* Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, England, 2000.
- Mahoney J.* Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29 (4). P. 507–548.
- Walks A.* Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. 2013. Vol. 50 (8). P. 1471–1488.

Grigorichev Konstantin V.

‘SEMI-URBAN FARMERS’ AND ‘CHINESE GARDENERS’: POST-KOLKHOZ RENT IN SUBURBAN INFORMAL ECONOMY*

Abstract. The article analyzes the development of informal economic practices in the non-institutionalized suburban space. The central question consists in how the kolkhoz past influences the development of the post-Soviet suburban economy. The research has been conducted as a case study and draws on a series of semi-structured interviews taken in 2016, as well as on field observations done in the suburbs of Irkutsk in 2009–16; it revealed that underlying the local residents’ informal economic activity is the legacy of kolkhozes which the author has termed ‘post-kolkhoz rent’. The case study identifies several variants of this rent: a transition to absolutely illegal economic activity; a move away from market principles toward reciprocity in economic relations; and the use of the post-kolkhoz rent by means of the contemporary administrative rent. The post-kolkhoz rent also underlies transnational migrants’ business practices associated with the suburban informal economy. Despite the differences in these strategies, sustainable reproduction of informal economic relations as a basis of activity is what all of them have in common. Thus, the system of previous relationships (i.e., the ones that had existed in the kolkhozes) constitutes one of the major factors in the reproduction of informal business practices in the Irkutsk suburbs today.

Keywords: suburbs, informal economy, kolkhozes

*The research is conducted within the fundamental part of the Russian Ministry of Education and Science state task (project, titled ‘Discursive mechanisms of construction of boundaries in the heterogeneous society of the Russian East’) and supported by the grant of Russian Foundation for Fundamental Research (project #16-06-00072, titled ‘The suburban informal economy: the socio-economic development of the suburbs of the Eastern Siberian city (the case of Irkutsk)’).

DOI: 10.17223/2312461X/15/8

References

- Barsukova S.Iu. Neformal'naia ekonomika i setevaia organizatsiia prostranstva v Rossii [Informal economy and network organization of spaces in Russia], *Mir Rossii: Sotsiologiya. Etnologiya*, 2000, no. 1, pp. 52–68.
- Bliakher L. *Iskusstvo neupravliaemoi zhizni. Dal'nii Vostok* [The art of uncontrolled life. The Far East]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2014.
- Bliakher L. Regional'nye barony [The regional barons], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 3. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/regionalnye-barony> (Accessed 12 August 2016)
- Breslavskii A. Kakoi mozhet byt' rossiiskaia suburbanizatsiia? [What kind of sub-urbanization can there be in Russia?], *Mir Rossii: Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016, no. 1, pp. 79–102.
- Breslavskii A.S. Chto my znaem o sovremennykh rossiiskikh prigorodakh? [What do we know about contemporary Russian suburbs?], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*, 2015, Vol. 15, no. 4, pp. 137–48.
- V Irkutskom raione proveriaut teplitsy [Greenhouses are being inspected in the Irkutsk district], *Novosti Irkutskia*. Available at: <http://irkutsk-news.net/society/2014/04/28/11426.html> (Accessed 12 August 2016)
- Volkov V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power entrepreneurship, the twenty first century: an economic and sociological analysis]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb, 2012.
- Gershuni Dzh. Ekonomicheskaiia sotsiologiya: liberal'nye rynki, sotsial'naia demokratiia i ispol'zovanie vremeni [Economic sociology: liberal markets, social democracy, and the use of time], *Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya: Khrestomatiia sovremennoi klassiki* [Western economic sociology. Western economic sociology: a collection of modern classical works]. Moscow: ROSSPEN, 2004, pp. 400–412.

- Diatlov V.I. Ot tadhika k "tadhiku" - ot etnofobii k migrantofobii [From a Tajik to a 'Tajik' – from ethno-phobia to migrant phobia], *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v peresel'cheskom obshchestve. Rubezhi XIX-XX i XX-XXI vekov* [The East of Russia: migrations and Diasporas in a society of resettlers at the turn of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries]. Nauch. red. V.I. Diatlov [Edited by V.I. Dyatlov]. Irkutsk, 2011, pp. 520–525.
- Kastel's M. *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The information age: economics, society, and culture]. Moscow, 2000.
- Kitaiskie teplitsy khotiat snesti [They want to demolish the Chinese greenhouses], *SM Nomer odin*, no. 6, 15 February 2007.
- Kork B., Ignatenko S. Taina kitaiskogo pomidora [The secret of the Chinese tomato], *SM Nomer odin*, no. 24, 22 June 2006.
- Moliarenko O. *Formal'nye i neformal'nye otnosheniia v informatsionnom obespechenii mestnogo samoupravleniia (sotsiologicheskii analiz): avtoref. diss. ... kand. sots. nauk* [Formal and informal relationships in information support for local governments (a sociological analysis): a summary of a Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Khabarovsk, 2016.
- Mauss M. Ocherk o dare [An essay on the gift], *Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Mauss M. Societies. Exchange. Personality]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1996, pp. 82–222.
- Nefedova T.G. Gorozhane i dachi [City dwellers and countryside houses], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 3. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (Accessed 12 August 2016).
- Olimpieva I. Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia kak ob'ekt issledovaniia [The informal forest economy as a research focus], *Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia: Uchastniki, praktiki, otnosheniia (na osnove materialov issledovaniia Irkutskoi oblasti)* [The informal forest economy: actors, practices, and relationships (based on the case study of Irkutsk region)]. Moscow: MONF, 2005, pp. 9-17.
- Polan'i K. *Velikaia transformatsiia: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The great transformation: political and economic origins of our time]. St. Petersburg: Aleteiia, 2002.
- Radaev V.V. *Ekonomicheskaia sotsiologiya* [Economic sociology]. Moscow: Izd. Dom GU VShE, 2008.
- Rossii stolknulas' s agrarnoi kolonizatsiei so storony KNR [Russia is confronted with the PRC's agrarian colonization], *DAO KE DAO*. Available at: <http://www.daokedao.ru/2012/08/21/rossiya-stolknulas-s-agrarnoj-kolonizatsiej-so-storony-knr/> (Accessed 12 August 2016).
- Titaev K. Sfera promyshlennogo lesopol'zovaniia: uchastniki i otnosheniia [The industrial forest use: actors and relationships], *Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia: Uchastniki, praktiki, otnosheniia (na osnove materialov issledovaniia Irkutskoi oblasti)* [The informal forest economy: actors, practices, and relationships (based on the case study of Irkutsk region)]. Moscow: MONF, 2005, pp. 18–45.
- Humphrey C. *Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii (antropologicheskie ocherki)* [Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia (anthropological essays)]. Moscow: Natalis, 2010.
- Appadurai A. *Modernity at Large: cultural dimensions of globalization*. Mineapolis, University of Minesota Press. 1996, 2003, pp. 178–201.
- Bichel C. *Conflict transformation in Central Asia. Irrigation disputes in the Fergana Valley*. London & New York: Routledge, 2009.
- Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life, *American Sociological Review*, 1956, Vol. 21, no. 1, pp. 34–37.
- Garrouste P., Ioannides S. (eds) *Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, England, 2000.
- Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology, *Theory and Society*, 2000, Vol. 29 (4), pp. 507–548.
- Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return, *Urban Studies*, 2013, Vol. 50 (8), pp. 1471–1488.

УДК 316.334.56
DOI: 10.17223/2312461X/15/9

«КИТАЙСКИЕ» РЫНКИ И ГОРОДСКИЕ МОБИЛЬНОСТИ: СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА)*

Диана Евгеньевна Брызгина

Аннотация. «Китайские» рынки являются важной частью городского пространства и жизни горожан. Это место ежедневных контактов, регулярных визитов и интенсивного движения. Особую значимость в связи с этим обретает взаимосвязь рынков с системой городского общественного транспорта, анализ которой демонстрирует их влияние на формирование и развитие городских мобильностей и определяет задачу данного исследования. В основе анализа лежит теория мобильностей, в рамках которой город рассматривается как средоточие движения, общественный транспорт – как один из основных элементов городского пространства, а «китайские» рынки – как специфическая локальность, укорененная в физическом пространстве. Исследование на примере Иркутска позволяет выявить скрытые механизмы трансформации города и его мобильностей под воздействием «китайских» рынков, которые играют ключевую роль в этих процессах.

Ключевые слова: «китайский» рынок, мобильности, общественный транспорт, городское пространство, Иркутск

В пространстве многих сибирских городов в конце XX в. возникают новые локальности – «китайские» рынки. Они являются важными узлами, где формируются и развиваются новые формы социального взаимодействия. Вокруг них складываются обширные экономические сети и новые транспортные потоки. Рынки обеспечили город и его жителей дешевыми товарами, новыми рабочими местами, местом досуга, поскольку их развитие сопровождалось появлением новой инфраструктуры, в силу чего они стали центром притяжения потоков людей, товаров и услуг. Это обуславливает формирование новых транспортных маршрутов, определяющих конфигурацию и развитие пространственных взаимосвязей города. Иными словами, «китайские» рынки приобретают новые функции и оказывают влияние не только

---

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России») и гранта РФФИ (проект № 16-03-00100 «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города»).

на экономические процессы, но и на пространственное и социальное развитие городов.

Результатом воздействия «китайских» рынков на городскую среду является изменение городских мобильностей. Организация жизни в современных городах предполагает все большую зависимость людей от ежедневных перемещений и транспортной инфраструктуры. Городская среда наполнена движением, многообразие форм которого не сводится лишь к физическим перемещениям: помимо пространственной мобильности людей, товаров и других материальных объектов здесь также подразумевается движение образов, информации и коммуникаций (Урри 2012: 16). Этот подход, предложенный Дж. Урри, лег в основу новой исследовательской парадигмы, акцентирующей внимание на мобильностях как ключевых социальных процессах, материализованных в физическом пространстве.

Нас интересуют здесь именно физические передвижения – самые очевидные и наблюдаемые варианты мобильности. Объектом исследования является система взаимосвязей «китайских» рынков и общественного транспорта Иркутска, формирующая важнейшие потоки движения людей в городе (Григоричев 2015: 98). Публичность и доступность для различных слоев населения, присущие данному типу передвижения (Урри 2012: 202–203), обуславливают связь общественных маршрутов с местоположением и функционированием «китайских» рынков. Это, в свою очередь, позволяет анализировать влияние рынков на организацию городского пространства в контексте развития системы общественного транспорта. Кейс Иркутска важен в силу распространенности феномена «китайских» рынков (Дятлов, Григоричев 2015: 9), их функций и значения, которые они выполняют в городе, будучи важным элементом инфраструктуры и городского пространства.

Возможности интерпретации пространственного развития города через категории движения и мобильности разрабатывались в рамках Чикагской школы городских исследований (Берджесс 2002; Парк 2006). В границах данного направления пространственные мобильности выступают «мерой социального изменения» (Парк 2006: 15) и в то же время фактором, определяющим городскую планировку. В этой перспективе движение в городе, организация его пространства зависят от транспортной системы, которая, в свою очередь, является отражением социальной структуры. В связи с этим представители Чикагской школы рассматривали пространственные перемещения лишь в контексте социальных преобразований, акцентируя внимание на соотношении мобильностей с социальной организацией и стратификацией городских сообществ.

С этим направлением связаны зарубежные и российские работы, посвященные изучению влияния городского транспорта на повседневную

жизнь (Crang 2003; Fariias 2010), анализу общественного транспорта как транзитных пространств (Запорожец, Лавринец 2009; Гороховская 2012), пассажирских практик (Butcher 2011; Иванова 2014) и восприятия транспорта его пользователями (Wardman 2004; Weirao 2007), а также каналов и инфраструктур, обеспечивающих возможность перемещений по городу (Mees 2000). В рамках существующих подходов мобильности рассматриваются как один из важнейших факторов организации пространства, однако механизмы развития самих мобильностей при этом остаются неизученными.

Большинство исследований общественного транспорта и в России, и на Западе связаны с проблемами управления и организации транспортных систем в городе (Edwards, Mackett 1996; Гузенко 2009; Вучик 2011), в результате чего акцент смещается на анализ степени удовлетворенности горожан предоставляемыми транспортными услугами, соотношения и эффективности частного и муниципального транспорта и т.д. В этом случае мобильности рассматриваются как изолированные от остального пространства системы, вследствие чего их развитие и влияние на пространство и повседневность города остаются вне исследовательского фокуса.

В основе исследования лежит теория мобильностей, которая берет свое начало в ранее указанной работе Дж. Урри. Социальный мир конструируется в ней множественными пересекающимися системами мобильности, осмысление которых становится все более важным для понимания городской жизни (Трубина 2010: 171). Тезис о том, что мобильности изменяют общество на материальном уровне, обосновывает подход к изучению общественного транспорта как одной из основных составляющих пространства города. Во главу угла при этом ставится исследование маршрутов и траекторий движения, которые определяют «различные узлы циркуляции» (Урри 2012: 131) и характер взаимосвязей отдельных территорий и районов города.

Теория мобильностей включает и идею о том, что «социальное невозможно отделить от материального» (34–35). Она позволяет рассматривать «китайские» рынки как особые локальности, укорененные в физическом пространстве, определяющие его развитие. В данном случае это развитие будет рассмотрено через призму мобильностей, связь с которыми определяется их значением для взаимодействия горожан с рынками.

Эмпирической основой исследования послужили данные полевых наблюдений и интервью с посетителями «китайского» рынка, используемыми в процессе его посещения городской общественной транспорт. Основу анализа транспортной системы Иркутска составляют сведения, полученные в результате картографирования транспортных маршрутов.

Мобильный контекст: «Шанхай» как центр транспортной системы

Появление и развитие «китайских» рынков в Иркутске породили новые формы социальных отношений и контактов, интенсификация которых увеличивает востребованность данных территорий. В результате рынки оказываются не просто «местом встречи», но важными узлами многочисленных потоков, обеспечивающих доставку товаров и людей на рынок. Этим обусловлено расположение главного «китайского» рынка Иркутска, который связан с территорией наиболее плотного движения в городе. Вокруг «Шанхайки» сформировалась система, в которой пересекаются маршруты практически всех видов общественного транспорта из всех районов города. Это крупнейший транспортный узел в городе, включающий в себя 8 остановок общественного автомобильного транспорта и 3 трамвайных остановки. За каждым остановочным пунктом закреплены определенные маршруты, распределение которых демонстрирует основные направления движения и дорожную нагрузку. Следует отметить, что транспорт распределен неравномерно (от 2 до 26 маршрутов на остановку), что порождает проблему перегрузки дорожного движения и транспортных пробок.

Дисперсность транспортного движения вокруг «китайского» рынка определяет логику пространственного развития данной территории. Разнообразие транспортных средств, траекторий их движения конструируют особую структуру пространства, освоение которого возможно лишь при непосредственном взаимодействии с рынком. Поиск нужного маршрута подразумевает не только наличие сведений о том, какая остановка закреплена за тем или иным автобусом, но и буквальное *знание* того, где останавливается нужный транспорт. Если информацию об остановках можно получить с помощью карты и навигационных служб, то во втором случае необходим собственный опыт «обживания» места (Трубина 2010: 203), поскольку в рамках даже одной остановки выстраивается неформальная иерархия маршрутов. Чрезмерное количество транспорта, приходящееся на одну остановку, растягивает ее в пространстве, в результате чего нужный автобус / маршрутка останавливается в нескольких метрах от официально отведенного для этого места. Поэтому в поисках нужного маршрута многим пассажирам приходится обращаться за помощью к более опытным посетителям рынка либо к его торговцам. Это усиливает частоту и интенсивность социальных контактов на рынке, которые оказываются не просто случайными интеракциями, но и практиками освоения городского пространства.

Торговля в центре города определяет посещаемость рынка и востребованность его у иркутян, а общественный транспорт эффективно обеспечивает доставку покупателей из любых районов. Благодаря устойчивым практикам посещения рынка формируются связи между

центром и самыми отдаленными и труднодоступными окраинами. Для таких территорий транспорт, идущий в центр, зачастую оказывается более частым и регулярным, чем другие маршруты. Кроме того, «Шанхайка» не просто обеспечивает коммуникацию между центром и отдаленными районами, а замыкает на себя их пространственные взаимосвязи, поскольку для большинства маршрутов рынок оказывается конечной остановкой. Для жителей этих территорий подобная мобильность составляет основу связей не только с центром, но и с другими районами, и в силу этого становится почти неизбежной, поскольку движение в этой части города затрудняется пробками, а возможности альтернативного движения либо отсутствуют, либо оказываются менее удобными.

Разнообразие маршрутов, формирующих многочисленные мобильные потоки, включает не только городской, но и пригородный и дачный транспорт. Взаимосвязь пригорода с городом, таким образом, конструируется через систему пригородных маршрутов и замыкается на «китайском» рынке, который в данном случае выступает как механизм слияния двух систем: городского и пригородного транспорта. Обеспечение удобного перемещения людей на работу, учебу и к центрам обслуживания увеличивает привлекательность пригородных поселков и доступность пространства рынка не только для горожан, но и для жителей пригорода. В свою очередь взаимодействие горожан с пространством пригорода часто начинается с освоения транспортного узла, сформировавшегося в районе «китайского» рынка.

Восприятие горожанами городского пространства закодировано в различных маршрутах, которые они выстраивают в соответствии со своими целями и предпочтениями. Для некоторых «китайский» рынок – это место выгодных и недорогих покупок, для других – возможность сэкономить время и усилия в поисках нужных товаров (Григоричев 2015: 99). Принципиально иными представляются практики, в которых рынок выступает местом «пересадки» с одного вида транспорта на другой. В этом случае рынок – не «пространство торговли», а транспортный узел, являющийся частью пути. Конфигурация транспортной системы Иркутска, центр которой располагается в зоне «Шанхая», сформирована таким образом, что для большинства маршрутов рынок является конечной / начальной точкой движения, что подразумевает возможность их взаимосвязи. Эта возможность определяется практиками повседневного движения людей, составляющих сложные маршруты, комбинирующие несколько видов движения (как минимум пассажирского и пешеходного).

Планируя маршруты, пролегающие через пространство «Шанхайки», люди имеют возможность включить в него посещение рынка. С одной стороны, это может увеличить время в пути, но с другой – поз-

волит продуктивно распорядиться этим временем. В результате, являясь частью пути, «китайский» рынок превращается в то, что Дж. Урри называет «межпространством», которое характеризуется трансформацией времени в пути во время дела (Урри 2012: 441). Однако если в концепции Урри подобные изменения становятся возможными благодаря телефонам и другим беспроводным средствам коммуникации, то в данном случае ключевым механизмом трансформации мобильности становятся именно рынки.

Из пункта А в пункт Б: маршрут до «Китай-Города»

Значение «Шанхая» как промежуточного пункта наиболее явно проявляется после его трансформаций, которые приводят к возникновению аналогичной локальности в удаленном районе города. Формирование нового рынка – «Китай-Города» – сопровождается появлением нового маршрута, который демонстрирует устойчивость практик взаимодействия с «китайскими» рынками, обеспечивает связь между ними и способствует включению нового рынка в повседневность города. Вытеснение рынка из пространственного центра не означает его ухода из социальной жизни. Напротив, он втягивает окраину города в повседневность горожан, осваивающих в процессе посещения рынка новое пространство, взаимодействие с которым становится возможным благодаря образующимся мобильностям.

Локализация «Китай-Города» не располагала возможностью его регулярного посещения: до «переезда» это был пустырь без какой-либо инфраструктуры. Добраться туда без личного автомобиля было практически невозможно. Однако недостатки расположения были компенсированы владельцем рынка созданием прямых бесплатных маршрутов из различных районов города. Основной пассажиропоток формировался за счет маршрута между «Китай-Городом» и «Шанхаем», в котором материализовалась связь между двумя рынками.

Новые маршруты быстро обрели популярность, о чем свидетельствовали полные автобусы и длинные очереди на остановках. Актуальными они стали не только для посетителей рынка. Несмотря на отсутствие промежуточных остановок, сам факт движения автобусов по улице, ранее не включенной в сеть общественного транспорта, позволил артикулировать запрос местного сообщества на создание нового маршрута до центра города (Бесплатный автобус... 2014). А с увеличением плотности движения в районе «Китай-Города» выявилась необходимость разрешения застарелой проблемы пробок и расширения дорожной магистрали (Реконструкция старых дорог... 2014).

Со временем появляются дополнительные маршруты между «Китай-Городом» и «Шанхаем». Хотя они являются коммерческими, пользует-

ются ими не менее часто, чем бесплатными, значение которых постепенно сокращается. За два года существования «Китай-Города» все бесплатные маршруты были полностью отменены. Постепенное внедрение коммерческих автобусов при одновременном выведении из обихода бесплатного маршрута сделало этот переход безболезненным для пользователей рынка и не вызвало серьезных недовольств. Сравнивая бесплатный маршрут с коммерческим, пассажиры не могут привести каких-либо серьезных отличий: *«Естественно, знаю, раньше ездила на них (на бесплатных автобусах. – Прим. авт.). А что их сравнивать? Ничем они не отличаются, ездить всегда удобно, если есть места». «Раньше, когда на бесплатных ездили, все так же было. Тоже очередь была. Смысл-то один и тот же, только теперь платить приходится».*

Сложившиеся вокруг «Китай-Города» мобильности зачастую не справляются с потоком покупателей. Появляется еще одна практика: частные автомобилисты предлагают воспользоваться услугами «общественных такси». За сравнительно небольшую плату горожанам предлагается возможность комфортабельного (по сравнению с поездкой в общественном транспорте) транзита до центра города. Более того, этот вид мобильности в силу своей неформальности является достаточно гибким для того, чтобы пассажир мог определить собственный, более удобный для него маршрут. Такие мобильности дополняют городскую систему общественного транспорта, соединяя «Китай-Город» не только с центром, но и другими районами города: *«Стоим около остановки, предлагаем такси. Я обычно стараюсь набрать полную машину, правда, получается не всегда. <...> Вожу не только до центра. По-разному бывает. Обычно по желанию, куда человек скажет. В центр, конечно, выгоднее, можно сразу несколько человек собрать».*

Посещение «Китай-Города» требует определенных усилий, направленных на освоение его пространства, не столько в силу того, что он является новой локальностью, сколько вследствие особенностей его расположения. Территория, практически не задействованная в городских процессах, с появлением рынка становится едва ли не самым оживленным местом города. Он притягивает массу людей – не только горожан, но и жителей близлежащих территорий, для которых без рынка эта местность не представляет никакого интереса. Опыт взаимодействия некоторых горожан с этой территорией ограничивался в лучшем случае «деловыми» поездками, связанными с работой, либо посещением соседнего строительного рынка. Однако «китайский» рынок кардинально преобразует значение данного района, в том числе благодаря существованию маршрутов общественного транспорта, доставляющих покупателей на рынок и делающих его посещение «повторяемым, предсказуемым, доступным широкому кругу людей» (Урри 2012: 24).

Опыт освоения «Китай-Города», как ни парадоксально, складывается не только из непосредственной поездки на автобусе и прогулки по рынку, но и включает в себя взаимодействие с его «прародителем» – рынком «Шанхай», где берет свое начало маршрут до «Китай-Города». Посещение «Шанхайки» связано с поиском начальной остановки маршрута, обнаружить которую не всегда легко в силу ее неброского обозначения и отсутствия специально отведенного остановочного пункта.

Таким образом, опыт взаимодействия с пространством «Шанхая» является основой для прокладки дальнейшего пути и освоения пространства «Китай-Города», а также обеспечивает связь рынков на уровне социального взаимодействия, поддерживаемого и обеспечиваемого пространственной мобильностью.

Выводы

Внутренняя организация города определяется функциями и взаимосвязями элементов его инфраструктуры. «Китайские» рынки в этом качестве оказываются особой инфраструктурой, которая является важнейшим связующим механизмом городского пространства через мобильности. Функция притяжения людей воплощается в транспортной системе города, в которой большинство маршрутов сходятся около рынков. Тесная взаимосвязь с транспортными потоками в сочетании со значимостью рынков для развития городской среды определяет производство принципиально новых мобильных практик и изменение под их воздействием существующих мобильностей.

Осмысление «китайских» рынков через призму городских мобильностей позволяет рассматривать их, с одной стороны, как конечный пункт движения: в этом случае перемещение людей задано целью посещения рынка в качестве покупателя. В этом контексте ярче всего проявляется роль рынков как экономических предприятий, притягивающих большие потоки людей. С другой стороны, рынок может выступать как промежуточное пространство, «остановка» в пути, которая может быть как вынужденной (пересадка на другой маршрут), так и желаемой («заскочить» на рынок по дороге). В этом случае «китайский» рынок преобразует мобильность людей, наполняя ее новым содержанием.

Обе формы взаимодействия с рынком подразумевают непосредственную коммуникацию с его пространством, особенности развития которого определяют характер этих взаимодействий. В процессе выстраивания маршрутов люди вынуждены апеллировать к собственному опыту, осваивать пространство рынка с нуля. Это оказывает влияние на интенсивность социальных взаимодействий, а также на траектории движения людей, поскольку понимание устройства транспортной сети, узлами которой явля-

ются «китайские» рынки, знание того, какие маршруты пролегают через рынок, где находятся остановки, предоставляют человеку множество вариантов конструирования своего маршрута.

Транспортная система, характеризующая «китайский» рынок как пространство мобильности, превращает социально-экономическую функцию рынков, обеспечивающую его притягательность для горожан, в инструмент «сборки» городского пространства. Множество транспортных потоков, которые сходятся в зоне рынка, связывают его даже с самыми удаленными районами города. Более того, «китайские» рынки не просто образуют основу транспортной сети города, но и способствуют ее расширению. Таким образом, исследование «китайских» рынков в контексте городских мобильностей позволяет обнаружить скрытые механизмы трансформации городского пространства под их воздействием. Происходящие изменения оказываются достаточно устойчивыми, несмотря на то что сами рынки представляют собой динамичные структуры, тенденции развития которых ведут к их «растворению» в пространстве города.

Литература

- Берджесс Э.* Рост города: введение в исследовательский проект // *Личность. Культура. Общество.* 2002. Т. 4, № 1–2 (11–12). С. 168–181.
- Бесплатный автобус* // Сетевое издание «МК-Байкал». 02.07.2014. URL: <http://baikal.mk.ru/articles/2014/07/02/besplatnyu-avtobus.html> (дата обращения: 30.08.2016).
- Вучик В.* Транспорт в городах, удобных для жизни. М.: Территория будущего, 2011. 576 с.
- Гороховская Л.Г.* Мобильные городские практики глазами пассажиров // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2012. № 1. С. 133–138.
- Григоричев К.В.* Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 86–104.
- Гузенко А.В.* Развитие городского пассажирского транспорта мегаполиса: проблемы и перспективы // *Вестник Томского государственного университета.* 2009. № 321. С. 135–138.
- Дятлов В.И., Григоричев К.В.* Предисловие редакторов // *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 7–10.
- Запорожец О., Лавринцев Е.* Хореография беспокойства в транзитных местах: к вопросу о новом понимании визуальности // *Визуальная антропология: городские карты памяти* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 45–66.
- Иванова А.* Сумчатые. Хореография пассажиров городского транспорта // *Микроурбанизм. Город в деталях: сб. ст.* / Под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 70–93.
- Парк Р.Э.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // *Социологическое обозрение.* 2006. Т. 5, № 1. С. 11–18.
- Реконструкция старых дорог и строительство новых магистралей позволят решить проблему пробок* // Информационное агентство «Байкал-Инфо». 25.12.2014. URL: <http://baikal-info.ru/rekonstrukciya-staryh-dorog-i-stroitelstvo-novyh-magistralej-pozvoljat-reshit-problemu-probok> (дата обращения: 30.08.2016).

- Трубина Е.Г. Город в теории. Опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 520 с.
- Урри Дж. Мобильности: пер. с англ. М.: Практис, 2012. 576 с.
- Beirao G., Cabral J.A. Understanding attitudes towards public transport and private car: A qualitative study // *Transport policy*. 2007. Vol. 14. P. 478–489.
- Butcher M. Cultures of commuting: the mobile negotiation of space and subjectivity on Delhi's metro // *Mobilities*. 2011. Vol. 6 (2). P. 237–254.
- Crang M. Rhythms of the city. Temporalised space and motion // *Timespace: Geographies of temporality* / Ed. by J. May, N. Thrift. London and New York: Routledge, 2003. P. 187–207.
- Edwards M., Mackett R.L. Developing new urban public transport systems: an irrational decision-making process // *Transport policy*. 1996. Vol. 3 (4). P. 225–239.
- Fariias I. Sightseeing buses: cruising, timing and the montage of attractions // *Mobilities*. 2010. Vol. 5 (3). P. 387–407.
- Mees P. A very public solution: transport in dispersed city. Carlton South, Vic.: Melbourne University Press, 2000. 344 p.
- Wardman M. Public Transport: Values of time // *Transport policy*. 2004. Vol. 11. P. 363–377.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2016 г.

Bryazgina Diana E.

‘CHINESE’ MARKETS AND URBAN MOBILITIES: PUBLIC TRANSPORT SYSTEM IN EVERYDAY LIFE IN THE CITY (THE CASE OF IRKUTSK)*

Abstract. ‘Chinese’ markets make up a significant part of the city and city dwellers’ life. These are a place for daily contacts, regular visits, and intensive traffic. In this regard, of special importance is the relationship between the markets and the city’s public transport system, an analysis of which points to the influence of the markets on the formation and development of urban mobilities and determines the present research task. In her analysis, the author draws on the theory of mobilities and conceptualizes the city as a centre of movement, the public transport system as one of the major elements of the urban space, and the ‘Chinese’ markets as a specific locality anchored in the physical space. The case study of Irkutsk allows identify hidden mechanisms of transformation of the city and its mobilities under the influence of the ‘Chinese’ markets which play a key role in this process.

Keywords: ‘Chinese’ markets, mobilities, public transport, urban space, Irkutsk

* The research is conducted within the fundamental part of the Russian Ministry of Education and Science state task (project, titled ‘Discursive mechanisms of construction of boundaries in the heterogeneous society of the Russian East’) and supported by the grant of Russian Foundation for Fundamental Research (project # 16-03-00100, titled ‘‘Ethnic’ markets in the post-Soviet Siberian city).

DOI: 10.17223/2312461X/15/9

References

- Burgess A. Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skii proekt [The city’s growth: introduction to a research project], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2002, Vol. 4, no. 1-2 (11-12), pp. 168–181.
- Besplatnyi avtobus [Riding the bus free-of-charge], *Setevoe izdanie «MK-Baikal»*. 02.07.2014. Available at: <http://baikal.mk.ru/articles/2014/07/02/besplatnyy-avtobus.html> (Accessed 30 August 2016).

- Vuchik V. *Transport v gorodakh, udobnykh dlia zhizni* [Transport in cities that are convenient for living]. Moscow: Territoria budushchego, 2011. 576 p.
- Gorokhovskaia L.G. Mobil'nye gorodskie praktiki glazami passazhirov [Mobile urban practices through the eyes of passengers], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2012, no. 1, pp. 133–138.
- Grigorichev K.V. Bazar i gorod: «kitaiskii» rynek kak tochka sborki gorodskogo prostranstva [Market and the city: 'Chinese' market as a point for assembling the urban space], *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: a bargaining space and a meeting point]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015, pp. 86–104.
- Guzenko A.V. Razvitie gorodskogo passazhirskogo transporta megapolisa: problemy i perspektivy [Developing a megalopolis's public transport: problems and prospects], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 321, pp. 135–138.
- Diatlov V.I., Grigorichev K.V. Predislovie redaktorov [Foreword by the editors], *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: a bargaining space and a meeting point]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015, pp. 7–10.
- Zaporozhets O., Lavrinets E. Khoreografiia bespokoistva v tranzitnykh mestakh: k voprosu o novom ponimanii vizual'nosti [The choreography of anxiety in transit places: towards a new understanding of visuality], *Vizual'naia antropologiya: gorodskie karty pamiati* [Visual anthropology: city maps of memory]. Ed. by P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Moscow: OOO «Variant», TsSPGI, 2009, pp. 45–66.
- Ivanova A. Sumchatye. Khoreografiia passazhirov gorodskogo transporta [Marsupials. The choreography of public transport passengers], *Mikrourbanizm. Gorod v detaliakh: sb. statei* [Micro-urbanism. The city in depth: a collection of articles]. Ed. by O. Brednikova, O. Zaporozhets. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 70–93.
- Park R.E. Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaia konfiguratsiia i moral'nyi poriadok [City as a configuration of space and a moral order], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, Vol. 5, no. 1, pp. 11–18.
- Rekonstruktsiia starykh dorog i stroitel'stvo novykh magistralei pozvoliat reshit' problemu probok [The reconstruction of old roads and the building of new highways will allow to solve the traffic congestion problem], *Informatsionnoe agentstvo «Baikal-Info»*. 25.12.2014. Available at: <http://baikal-info.ru/rekonstrukciya-staryh-dorog-i-stroitel'stvo-novykh-magistralei-pozvoliat-reshit-problemu-probok> (Accessed 30 August 2016).
- Trubina E.G. *Gorod v teorii. Opyt osmysleniia prostranstva* [The city in theory. Rethinking the space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 520 p.
- Urri J. *Mobil'nosti: per. s angl.* [Mobilities: translated from English]. Moscow: Praxis, 2012. 576 p.
- Beirao G., Cabral J.A. Understanding attitudes towards public transport and private car: A qualitative study, *Transport policy*, 2007, Vol. 14, pp. 478–489.
- Butcher M. Cultures of commuting: the mobile negotiation of space and subjectivity on Delhi's metro, *Mobilities*, 2011, Vol. 6 (2), pp. 237–254.
- Crang M. Rhythms of the city. Temporalised space and motion, *Timespace: Geographies of temporality*. Ed. by J. May, N. Thrift. London and New York: Routledge, 2003, pp. 187–207.
- Edwards M., Mackett R.L. Developing new urban public transport systems: an irrational decision-making process, *Transport policy*, 1996, Vol. 3 (4), pp. 225–239.
- Fariias I. Sightseeing buses: cruising, timing and the montage of attractions, *Mobilities*, 2010, Vol. 5 (3), pp. 387–407.
- Mees P. *A very public solution: transport in dispersed city*. Carlton South, Vic.: Melbourne University Press, 2000. 344 p.
- Wardman M. Public Transport: Values of time, *Transport policy*, 2004, Vol. 11, pp. 363–377.

УДК 332.3(571.53)

DOI: 10.17223/2312461X/15/10

«ПОМОГУ ЗА КОНЬЯЧОК»: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРИГОРОДАХ ИРКУТСКА *

Дмитрий Олегович Тимошкин

Аннотация. Активно заселяемые пригороды Иркутска являются уникальным пространством, в котором государственное регулирование стремится к нулю. В результате возникает ряд проблем, связанных с распределением ключевых ресурсов и необходимостью обеспечивать предсказуемость коммуникации. В этих условиях формируется большое количество неформальных экономических практик, в них оказываются вовлечены все присутствующие в пригородах акторы, в том числе органы государственной власти. В данной статье ставится задача описать упоминаемые на тематических ветках веб-форумов неформальные практики использования одного из ключевых ресурсов пригорода – земли. Приводится перечень игнорирующих контрактное право действий по покупке, продаже и использованию земли в пригородах, задействованных в этих процессах акторов, а также обозначена роль социальных медиа в воспроизводстве неформальных практик землепользования. Веб-форумы рассматриваются как один из механизмов интеграции людей, переселяющихся в зону пригородного «фронта», в локальные неформальные сети и одновременно как способ снижения рисков при совершении сделок. Приведены примеры случаев включения органов государственной власти в неформальные сети в сфере «пригородного» землепользования и связанных с этим рисков. Описаны механизмы взаимодействия групп в условиях слабого нормативного регулирования, в том числе способы устранения конфликтов между местными администрациями и жителями пригородов. Переход взаимодействия «государства» и частных лиц в неформальную плоскость приводит к тому, что администрации, не имея легальных механизмов для получения ренты и контролирования сделок, интегрируются в неформальные сети и пытаются взять их под свой контроль, что, в свою очередь, сильно увеличивает непредсказуемость таких сделок для жителей пригорода. Последние же пытаются снизить риски, выстраивая неформальные отношения с администрациями с помощью многочисленных посредников, а также организуя группы для защиты собственных интересов.

Ключевые слова: социальные медиа, веб-форумы, землепользование, пригороды, неформальная экономика, сети, государство

---

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России») и гранта РФФИ (проект № 16-06-00072 «Неформальная экономика пригорода: развитие социально-экономического пространства пригородной зоны восточносибирского города (на материалах г. Иркутска)»).

Введение

Иркутские пригороды являются уникальным и весьма перспективным полем для исследования механизмов функционирования сетевой системы организации пространства в России (Барсукова 2000). Предполагается, что влияние органов государственной власти в организации их повседневности, в том числе и экономических практик, ничтожно, что порождает уникальную даже в контексте современной России ситуацию.

Пригород вполне заслуженно сравнивается с фронтами (Григоричев 2013) или «зонами освоения», где социальные и экономические процессы определяются массовой миграцией, переселением (Замятина 1998). Десятки тысяч жителей крупных городов покупают там землю и строят дома, перевозят туда семьи в надежде обеспечить более комфортное, нежели в городе, существование. Им не чужд дух авантюризма, позволяющий преодолеть страх перед неизвестным, перед перспективой жизни без привычных благ цивилизации. Часть «переселенцев» полностью связывают свою жизнь с пригородами, находят там постоянную работу, но большинство сохраняют городскую прописку, «городской» образ жизни, прежнюю работу.

Официально пригородов не существует (Григоричев, Пинигина 2013). Чиновники областного уровня видят здесь деревню. Местные власти наблюдают пейзажи, мало напоминающее село, однако не имеют возможности или желания донести эту картинку «наверх». Процесс массовой миграции горожан рождает острую потребность в нетипичных для села товарах и услугах, что приводит к развитию огромной и нигде не учитываемой экономики. Огромные супермаркеты, растянувшиеся на многие километры ряды однотипных частных домов, закрытые коттеджные поселки, частные детские сады и мебельные магазины, парикмахерские и автомастерские – все это для органов власти уровня области не существует. Впрочем, именно благодаря исчезающе малому государственному регулированию существование пригорода могло стать возможным (Григоричев 2013).

Конечно, отсутствие государственного регулирования создает проблемы с доступом к коммуникациям, бесплатным образованию и медицине. Одновременно это дает жителям пригорода огромную свободу для проектирования среды обитания, стимулирует самоорганизацию в небольшие группы по интересам. В «слепом пятне» государственной статистики развиваются практически независимые от муниципальных и областных властей сообщества, которые выстраивают собственный, «спонтанный порядок» взаимодействия (Бляхер 2013).

В неформальную экономику пригорода, или «деятельность, совершаемую в обход тех или иных формализованных институтов хозяй-

ственной практики, <...> игнорирующую контрактное право, не предполагающую формализованного контакта как основы взаимодействия» (Барсукова 2000: 53), включены все присутствующие здесь акторы. Ни у представителей органов государственной власти, ни у «переселенцев» нет иного выхода, так как работающих и эффективных нормативных актов здесь попросту нет. Отсутствующую силовую рамку отчасти заменяют социальные сети, даже если речь идет об операциях с землей и недвижимостью или о личной безопасности.

Пригородная неформальная экономика представлена в очень широком спектре, полностью описать который в рамках одной статьи невозможно, поэтому здесь речь пойдет лишь о купле, продаже, аренде земли, а также о сельском хозяйстве. Земля является важнейшим и ценнейшим ресурсом пригорода. Именно вокруг проблем землепользования разворачиваются наиболее интересные и содержательные дискуссии в социальных медиа.

Здесь возникает исследовательская проблема. Затруднительно сформировать выборку для количественного исследования пригорода, так как невозможно четко определить его границы и количество населения. Большие трудности связаны с изучением неформальных практик для человека, не включенного в них непосредственно. Респондент может не осознавать того факта, что он участвует в экстралегальных практиках, но если осознает, вряд ли расскажет незнакомому интервьюеру о том, как, например, он ворует лес или незаконно нанимает рабочих-мигрантов.

Выходом может стать использование в качестве материала для анализа социальных медиа, в особенности веб-форумов. Они становятся механизмом формирования слабых социальных связей (Грановеттер 2009), ключевого (если не единственного) залога выживания и обеспечения предсказуемости поведения, особенно в пространстве фронта. Веб-форумы являются не только площадкой для завязывания и использования неформальных контактов, но и пространством торга, где предмет обмена выступают как товары и услуги, так и доверие, пожалуй, наиболее ценный в условиях неформальной экономики ресурс. Они играют роль фильтра, отсеивающего из тематических веток незаинтересованных, случайных людей (Григоричев 2013). Пространства веб-форумов дают возможность анализа нарратива, генерируемого участниками довольно закрытой социальной сцены, без всякого воздействия со стороны наблюдателя.

Веб-форумы являются, подобно СМИ у Н. Лумана, реальностью второго порядка, одновременно продолжением и началом социальных процессов вне сети (Луман 2005). Здесь создаются собственные пространства торга, землячества и даже подобия профсоюзов и кадровых агентств, собственные иерархии и символы статуса, которые вполне

могут применяться и во внесетевой реальности. Все это делает веб-форумы перспективным полем для исследования механизмов социального конструирования реальности (Бергер, Лукман 1995). Сам веб-форум, иначе – массив текстовых сообщений, становится непосредственно социальным процессом, что позволяет применять к нему методы социологического исследования, в том числе и анализ дискурса (Ван Дейк 2013).

Задача данной статьи – описание неформальных практик землепользования в пригородах Иркутска, включенных в них акторов, определение роли, которую играют в их организации социальные медиа. Эмпирическую базу исследования составили около 100 тысяч сообщений региональных веток крупных веб-форумов, а также локальных тематических ресурсов. Поиск сообщений осуществлялся в несколько этапов. В первую очередь были отобраны ветки, содержащие упоминания населенных пунктов, которые можно отнести к иркутским пригородам. Затем поиск проводился с помощью программы «offline explorer» уже внутри отобранных веток по ключевым словам «земля», «риэлтор», «участок» и другим. И, наконец, на последнем этапе изучался контекст сообщений, содержащих данные ключевые слова. В приведенных в статье цитатах сохраняются оригинальная пунктуация и орфография.

Большая часть материала для статьи была собрана на форумах Drom.ru, 38mata.ru, forumhouse.ru. Форум Drom.ru является одним из крупнейших российских автомобильных интернет-порталов, который посещают более полутора миллионов человек в день. Он организован так, что любой зарегистрированный пользователь может начать интересную ему тему, актуальность которой можно узнать по количеству сообщений, оставленных другими пользователями. Темы, связанные с иркутскими пригородами, представлены в огромных ветках, насчитывающих до 40 тысяч сообщений. Ветка «дела дачные» (около 10 тысяч сообщений) посвящена обсуждению обустройства частных домов. На другой ветке, содержащей около 12 тысяч сообщений, люди делятся опытом выбора наиболее благоприятного места для строительства в Иркутском районе. Но самую богатую пищу для анализа дали локальные ветки, посвященные проблемам конкретных территорий (например, «Хомутово и окрестности здесь!»). Они содержат богатый нарратив, наподобие частных историй переезда из города в поселок, знакомства с соседями и конфликтов с администрациями. Они позволяют наблюдать развитие неформальной сети в динамике на протяжении нескольких лет, начиная с первой просьбы о помощи, заканчивая знакомством, обменом контактами и совместными семейными выездами на природу.

Больше 300 тысяч посетителей в сутки собирает «иркутский сайт для родителей» (38mata.ru), параллельно являющийся платформой для занятия коммерцией. Здесь можно увидеть множество тем, связанных с

Иркутским пригородом, начиная от обмена саженцами, заканчивая поиском бригады для строительства дома. Нельзя было обойти вниманием и «fogumhouse.ru», самый популярный в России портал, посвященный строительству. Здесь, как и на drom.ru, существуют локальные сообщества жителей Хомутово и даже обсуждение психологических трудностей переезда за город.

Операции с землей в условиях слабого регулирования

Сделкам с землей посвящены одни из самых развернутых веток форумов, которые существуют по нескольку лет (В каком районе вы были бы готовы строить дом? 2007)¹.

Цель существования таких веток сводится к обмену информацией о том, где можно взять участок земли с минимальным риском оказаться втянутым в конфликт вокруг права собственности. Опытные пользователи, предоставляющие такую информацию, увеличивают собственный кредит доверия, являющийся фактически самым ценным ресурсом.

Желающие переселиться в пригород начинают с выбора места под строительство дома, а затем – с покупки или аренды участка земли. Целевые ветки форумов отведены поиску места под строительство, здесь можно встретить множество предложений как платной, так и бесплатной помощи. Перепродажа земли – одна из самых распространенных и самых прибыльных отраслей пригородной экономики, не считая откровенно криминальных практик. Ее масштабы могут сильно варьироваться, равно как и конечная цель.

Отдельные «переселенцы» покупают сразу несколько участков в садоводствах, рассчитывая через несколько лет перепродать их с большой выгодой (Поселок Еловый #737 2013). Некоторые делают это основным видом заработка, концентрируя в своих руках десятки застроенных и пустых участков. Иногда мотивом покупки нескольких участков становится, помимо прибыли, желание иметь возможность самостоятельно выбрать себе соседей. Хозяин может держать соседние участки до тех пор, пока у желаемого кандидата на подселение не появится возможность начать строительство, а затем продать их по зафиксированной ранее цене.

Учитывая довольно высокие риски при покупке земли в пригороде, не стоит удивляться возникновению там организаций, специализирующихся на их снижении. На услугах по юридическому сопровождению сделок и консультациям при приобретении земли специализируются как юридические, так и физические лица. Спектр услуг весьма широк, начиная от составления и распечатки типовых договоров купли-продажи, заканчивая любыми видами юридического сопровождения, вплоть до посредничества с администрацией при неформальном урегу-

лировании той или иной проблемы. Встречаются также предложения по юридическому оформлению недвижимости (Помогаем друг другу строить дом – делимся ссылками и контактами! #212 2011).

В пригороде расположено несколько риэлторских агентств (Хомутово и окрестности здесь! #8964 2011), там ведут дела многие иркутские риэлторы. Это можно отнести к одному из наиболее развитых в пригороде направлений бизнеса, но с той же «пригородной» спецификой – ориентацией, прежде всего, на создание репутационного капитала в неформальных сетях (В каком месте купить землю для строительства дома #885 2015). Помимо всевозможных операций купли-продажи недвижимости, риэлторские агентства иногда предоставляют услуги ее страхования.

Несмотря на большое количество предложений риэлторских агентств, создается впечатление, что их услуги не особо популярны. Необходимую консультацию можно получить и бесплатно, через сети: *«Привет, Хомутовцы:) Вот подумал у вас там домик приобрести, может, кто барыжит таким, а то в агентствах цены конские совсем...»*. Через некоторое время ему отвечают: *«Распишите свои "хотелки", дома разные, цены тоже»* (Хомутово и окрестности здесь! #22499 2011). Любопытно, что юридические лица пользуются меньшим доверием, нежели физические. Отдельные пользователи, размещая объявления о продаже земли, акцентируют внимание на том, что предложение исходит от частного лица, а не от фирмы: *«Продам участки от 7 и до 20 соток. С домами и без домов, с фундаментами и просто голые участки. <...> Большой выбор участков на любой вкус и кошелек»; «Кому надо, участки есть во всех направлениях, обращайтесь. Не агентство»* (Байкальский тракт собирает соседей и друзей #222 2013).

В отдельную группу стоит выделить операции по аренде земли, объемы которых сложно представить, однако некоторые пользователи утверждают, что до половины пригородной земли под ИЖС находится в долгосрочной аренде. Этот вид деятельности, несмотря на масштаб, на форумах почти не обсуждается, в отличие от покупки земли.

Любопытно, что и риэлторы, и частные лица используют пространство форума в своих целях, например маскируя рекламу собственных товаров или услуг под «дружеский» совет. Такие случаи нередки, однако реклама в «нерекламных» разделах форума запрещена администрацией форума, заинтересованной в публикации платных объявлений, к тому же их не одобряют и пользователи, которые в отдельных случаях «доносят» о таких сообщениях администрации.

Особенно резко отрицательно пользователи реагируют на рекламу в ветках, где обсуждается перспективность того или иного поселка для переезда. Например, на ветке dom.ru обсуждался новый коттеджный поселок «Светлый яр». Большинство пользователей высказывались

против этого проекта, подозревая его авторов в обмане. Автора единственного положительного отзыва немедленно заподозрили в ангажированности: *«Выбрали участок с двумя елками и кедром, а он занят оказался. Так что совет: вначале узнайте о свободных. В офисе нормально встретили, показали все. Если их планы хоть на 70% реально в жизни будут, и то хорошо. Цена привлекает и природа. Там несколько домов строится. Вдруг потом дороже будет»* (Светлый Яр – мнения #117 2013). – *«Человек с одним постом дает положительный отзыв, меня гложут сомнения, что это ж неспроста»* (Светлый Яр – мнения #120 2013) Мнение пользователей немного изменилось в лучшую сторону лишь после сообщения человека, «лично знакомого» с застройщиком.

Этот диалог весьма любопытен, поскольку позволяет установить единственно допустимую в данном разделе форума валюту – взаимное доверие и репутацию. Попытки использовать сложившуюся сеть ради личной финансовой выгоды приводят к разрушению сложившейся системы снижения рисков, поэтому против них выступают большинство пользователей.

Совет «знакомого» профессионального риэлтора о подборе участков, юридических сложностях (Материнский капитал и строительство 2015) оформления земли в том или ином районе, глубине залегания водоносных пластов ценится выше, чем консультация в агентстве.

Следующее направление обсуждений относится явно к экстралегальным практикам и связано с открытыми аукционами на приобретение земли. Это еще один механизм взаимной интеграции неформальных сетей и администраций. Сюда входят и требование взятки с покупателей земель сельхозназначения в обмен на неучастие в открытых аукционах, и посредничество с администрациями. Чтобы приобрести участок, покупатель за свой счет проводит геодезические работы, ставит его на кадастровый учет. Затем участок, все еще числящийся в собственности администрации, выставляется на аукцион. *«И вот тут на аукцион может прийти кто угодно и перекупить у вас этот участок. Кстати, что там успешно и практиковалось некоторыми дельцами, которые перед началом аукциона подходили к возможным владельцам и предлагали им заплатить, чтобы те не играли на повышение цены»* (В каком районе вы были готовы бы строить дом? #964 2009).

И администрация, и «рядовые» жители пригорода заинтересованы в существовании пространства, где государство сможет реализовывать свою власть даже при отсутствии легальных механизмов, а частные лица – получить к ней доступ, выплачивая различные ренты. Результатом становятся многочисленные посредники, которые осуществляют сделки по обмену власти на иные ресурсы между государством и жителями пригорода.

Встречаются и предложения «решить любые вопросы», связанные с юридическим статусом земли: *«Есть участок в Хомутово, 8,5 га,*

с/х назначение. Стоимость изменения под земли поселений?» <...> – «Что это Хомутово везде, тебе не кажется, что этот разговор не в форуме?! Все вопросы в личку!» (Земельные участки! #8 2008). Пользователь предложил дать консультацию по любым вопросам, касающимся земли, другой заинтересовался, исходит это предложение от агентства или от частного лица, затем задал вопрос про изменение статуса земли. Попытка перевести диалог в личные сообщения говорит о том, что речь идет о практиках, которые воспринимаются автором сообщения как экстралегальные, не для постороннего глаза. С другой стороны, изменение статуса земли за определенную мзду предполагает наличие неформальных контактов с администрацией поселения.

В подобные сети оказываются включены и иностранцы: *«Китайцы помещение арендуют, у них доки на сбор металлолома, у сдающих доки на ремонт автомобильных агрегатов» (Хомутово и окрестности здесь! #27176 2011). Также иностранцы арендуют лесные деляны и перерабатывающие предприятия (Строительство брусового дома 8x10 #6271 2012). Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Именно деятельность «китайских» предпринимателей является единственным свидетельством присутствия неформальной экономики пригорода в региональных средствах массовой информации. Причем их деятельность преподносится массмедиа как угроза, ассоциируясь с незаконными вырубками леса, «порчей земли», вымогательством. (МК Байкал 2016; Байкал-инфо 2016). В пространстве социальных медиа «китайские бизнесмены» объединяются с местными администрациями в ущерб населению пригородов. Речь может идти, например, о массовой продаже леса «китайцам», из-за чего цена на него вырастает, или о незаконной сдаче в аренду «китайским бизнесменам» земли и зданий. Любопытно, что если подобные действия совершаются самими жителями пригородов, они не вызывают осуждения.*

Значительная сфера неформальной экономической деятельности, выделенная из массива сообщений, связана с благоустройством земельных участков. Сюда можно включить продажу и доставку грунта, чернозема, щебня для отсыпки участков и улучшения качества почвы, услуги по очистке земли от деревьев и корней. Подавляющее большинство услуг оказывается «по знакомству» частными лицами, упоминаний о деятельности юридических лиц найти не удалось. Сюда же можно добавить частные услуги по ландшафтному дизайну и геодезические работы.

Часть пригородного сельского хозяйства можно безусловно отнести к неформальной экономике. В социальных медиа присутствует множество упоминаний о сделках по продаже и обмену овощами и удобрениями, семенами, цветами, различным сельскохозяйственным инвентарем и техникой. Так, на одной из веток жители пригорода распродавали че-

рез знакомых десятки тонн картофеля (Картошка! Читаем первый пост #5 2010), другие предлагали на продажу свинину (Хомутово и окрестности здесь! #4577 2016), третьи – коровьи туши.

Любопытный сегмент пригородной экономики – «китайские теплицы». Они широко представлены в аналитических материалах и новостях региональных СМИ, где преобладает алармистская подача материала. Однако в социальных медиа словосочетание «китайские теплицы» чаще используется как топоним, а не как обозначение практики: «там, где раньше были теплицы» – маркер, который помогает ориентироваться на местности. Теплицы косвенно упоминаются и в обсуждениях рынка продовольствия, а именно – «китайских овощей», но не более того. Что происходит внутри таких локальностей, что за люди там работают, кто покупает их товар – все это остается за пределами форумов. Теплицы становятся исключенным пространством даже внутри «несуществующего» пригорода (Григоричев 2016).

Итак, в землепользование в пригороде вовлечены администрации, «рядовые» жители пригорода и иностранцы. Причем в условиях слабого регулирования власть, не имея легальных механизмов для получения ренты и контролирования сделок, интегрируется в неформальные сети и пытается взять их под свой контроль. Это сильно увеличивает непредсказуемость таких сделок для партнеров, не имеющих статуса «госслужащего». Последние, в свою очередь, пытаются снизить риски, выстраивая неформальные отношения с администрациями с помощью многочисленных посредников.

Горизонтальные сети vs «власть»

Сделки по купле-продаже земли становятся первым очевидным сегментом пригородной экономики, в котором государственная власть оказывается включена в неформальные сети наряду с мигрантами и жителями пригорода. Слабость нормативного регулирования приводит к тому, что это не вызывает ролевых конфликтов у представителей власти, оставляя за ними огромные возможности для достижения выгодного результата. Люди, не имеющие статуса представителя государства, оказываются в заведомо проигрышном положении.

В веб-форумах часто упоминаются конфликты, связанные с оспариванием права собственности на участки в пригородах. В большинстве случаев их сторонами выступают частные лица и «власть» в различных ипостасях – от правлений садоводств до администрации Иркутского района. Конфликты двух частных лиц практически не встречаются – «правление», «администрация» или «мэр района» непременно становятся одной из сторон.

Судя по всему, существующие нормативные акты оставляют администрациям большую свободу в распоряжении землей, которую они исполь-

зуют в собственных интересах, увеличивая неопределенность. Однако множество сообщений о судебных исках против собственников земли, купивших ее у прежней районной администрации, говорят о конкуренции за передел земли между разными органами власти. Единственной проигравшей стороной становятся рядовые собственники земли, которую ранее они приобрели у районной администрации. Агентство лесного хозяйства, подававшее иски об оспаривании права собственности, видимо, даже не рассчитывало на их сопротивление, так как даже не отправило своих представителей на большинство судебных заседаний. В результате множество дел удалось выиграть собственникам, которые организовались в группы, наняли юристов и отстаивали свои права.

В земельные отношения в пригороде вовлечены в одинаковой степени «переселенцы» и местные власти, что нередко порождает конфликты. Последние продают и сдают в аренду земли сельхозназначения под малоэтажную, коттеджную застройку и другой бизнес. Иногда земля продается под производство, например, железобетонных конструкций: *«Выкупили 12 участков по 21 сотке на 17-м километре, сейчас объединяем в один и переводим под строительство завода. Бетон, стеновые блоки, ж/б изделия»* (Поселок Еловый 17 км. БТ. Левая сторона #507 2015). Часть таких сделок можно отнести к незаконным, судя по многочисленным конфликтам между местными администрациями и их партнерами по сделкам с землей. Речь может идти, например, о продаже земли, которая не может быть продана в силу тех или иных правовых ограничений, или же продаже одного и того же участка одновременно нескольким собственникам. Как происходят подобные сделки, можно предположить, судя по следующей цитате: *«С председателем договаривался взять участок за 5 камазов гравия, пока тот бухой был»* (Обитатели 7-8 км мельничной пади, объединяемся! #439 2012).

Частые конфликты немедленно становятся достоянием общественности: *«С другими хозяевами вопрос актуальный. Если появятся всякие Пупкины с членскими книжками – будет суд. Очень частые случаи, когда председатель втихую продает пустующие участки, выдает членские книжки. Потом документация теряется. Появляются несколько человек с одними и теми же документами»* (Светлый Яр – мнения #173 2013). Неопределенностью правового статуса пригородных земель пользуются не только представители власти, но и частные лица. К примеру, участок продается по членской книжке, в то время как первый хозяин начал приватизацию, но не довел ее до конца. Данные о начатой приватизации в департаменте есть, поэтому новый хозяин не может оформить участок в собственность без первого хозяина. Затем первый хозяин подает в суд, который при рассмотрении дела не учитывает документы о продаже неприватизированного участка, поскольку он вообще не может быть продан.

Еще одна разновидность теневых операций с землей – продажа участков, заведомо не предназначенных для индивидуального строительства, или земель с неопределенным собственником. Здесь в качестве продавцов выступают уже исключительно представители администраций, как садоводческих, так и районных. Районная администрация пользовалась этим настолько широко, что после смены власти в Иркутском районе тысячи собственников оказались втянуты в судебные разбирательства. Случаи, когда прокуратура оспаривала право собственности на тот или иной участок, настолько часты, что на форумах советуют вообще не брать землю на Байкальском тракте, если она была отведена после 2007 г.: *«Народ, а вот подскажите, <...> какое-нибудь садоводства по байкальскому тракту остались, где можно купить участок/дачу, не нарвавшись потом на изъятие? <...> Надо брать в старых землеотводах»* (Байкальский тракт собирает соседей и друзей #781 2016).

Судя по сообщениям некоторых участников форумов, количество оспариваемых отводов сильно переваливает за тысячу: *«Мой участок, на котором я построил свой дом, в своё время был незаконно выдан. <...> То есть по одним документам всё ДНТ находится на соответствующих назначению землях, а по другим документам – на землях лесхоза. <...> Тысячи человек <...> оказались в такой ситуации»* (Мой дом по мельничной пади #1390 2014). Аналогичные сообщения встречаются и на других ветках, из чего можно сделать вывод, что подобные разбирательства касались не только участков по Байкальскому тракту, но и тракта в сторону Мельничной пади, и Голоуспенского тракта. Впрочем, органы местного самоуправления также участвуют в теневых сделках: *«Новые прирезы политехника в юридическом плане – это триндец тот ещё. Там многолетняя череда судов за сам отвод, и ещё обнаружили участки с двойными собственниками (один со свидетельством, другой с книжкой). <...> Правление постаралось»* (Байкальский тракт собирает соседей и друзей #799 2016).

Видимо, участки земли выдавались «по благу», без оглядки на существующие довольно противоречивые нормы. Фактически сотрудники администраций распоряжались землей как своей личной собственностью, используя преимущества своего статуса. Как только в Иркутском районе сменилась власть, новые управленцы захотели получить ренту с уже проданных земель. Сделки, совершенные ранее в неформальном пространстве, были оспорены по формальным основаниям. Новая власть попыталась сыграть по формальным правилам, что привело к разрушению устоявшихся сетей.

Низовые органы местного самоуправления пользуются несколько другими способами извлечения теневого дохода, иногда с помощью прямого или скрытого давления на собственников земли. Речь идет о вступительных взносах, ежемесячных выплатах, плате за подключение

к коммуникациям и т.д. Посетители форумов упоминают о многочисленных судебных процессах, связанных с таким историями, и даже о вооруженных конфликтах (Дела дачные #9703 2016). Часто подобная рента взимается незаконно или многократно превышает установленные размеры, речь может идти о сотнях тысяч рублей (Дела дачные #10235 2016). Впрочем, как отмечают пользователи, поборы правлений садоводств – вещь практически неподконтрольная, и иногда вырученные деньги могут идти на благое дело, *«если председатель нормальный»*.

Из приведенных выше цитат видно, что и «власть», и «рядовые» жители пригорода используют юридическую неразбериху, связанную с пригородной землей. Причем представители различных администраций имеют столь же неопределенные полномочия и права, что и «переселенцы». Однако администрации сложнее, чем в городе, использовать в своих целях правовую неопределенность и незнание собственниками недвижимости своих прав. Об этом говорят многочисленные сообщения о коллективных судебных исках, с помощью которых собственники вполне успешно сопротивляются попыткам администраций взимать с них различные ренты. С другой стороны, та же правовая неопределенность позволяет частным лицам совершать практически любые сделки, пользуясь «знакомствами» с чиновниками различного ранга, начиная от председателя правления садоводства, заканчивая администрацией Иркутского района.

Попытки «властей» взимать ренту с населения пригородов способствуют самоорганизации местных сообществ, которые пытаются коллективно противостоять таким попыткам в судах. Население поселков становится столь же полноправным актором, как и органы государственной власти. Любопытно, что в ряде случаев арбитрами в этих спорах становятся силовики – прокуратура и суды. Пока конфликт не выходит из плоскости неформальных сетей, силовая рамка не требуется и применяется, как ни парадоксально, для отстаивания интересов местных сообществ перед государством, против которого это насилие и оказывается повернуто.

Заключение

Земля является основным пригородным ресурсом, но еще ценнее кредит доверия и репутация в неформальных сетях. Рекомендация от человека, который обладает определенным авторитетом, может повлиять на заселение тех или иных участков, несколько фраз, брошенных на крупной и хорошо посещаемой ветке, могут существенно повлиять на прибыль бизнесмена, участвующего в сделках с землей.

Растущий спрос на «пустую», требующую освоения землю за пределами Иркутска свел в едином пространстве представителей совершенно

разных социальных групп, которые, возможно, в других условиях никогда не стали бы взаимодействовать друг с другом. В отсутствие правил акторы стали искать способы договариваться с другими участниками социальной сцены, предлагая взаимовыгодные обмены. Таким образом, представители власти, бизнеса, мигранты, люди, переселившиеся в пригород из крупных городов области, формально находясь на совершенно разных позициях, оказываются включенными в одно поле. Здесь фактически соединяются воедино формальное и неформальное, человек вынужден выбирать, какую роль он будет играть – хорошего государственного чиновника или хорошего соседа. Причем часто выбор делается именно в пользу последнего.

Одна и та же проблема, связанная с землей, может решаться одновременно в судах, в формальной плоскости и в неформальных сетях, причем второй вариант может рассматриваться как ключевой и наиболее эффективный. В этом контексте старые социальные роли меняют свое значение – в пространстве пригорода взаимодействуют не «государство», «мигранты» и «граждане РФ», а соседи, равно заинтересованные в решении той или иной задачи.

Социальные медиа для жителей пригорода являются не только площадкой для поиска соседей, обсуждения локальной проблематики и даже вариантов самоназвания, но и механизмом вхождения в пригородные сети: люди получают возможность сократить риски, связанные с дефицитом информации и отсутствием правил и силовой рамки. Информация, полученная из этих сетей, используется людьми для решения самых важных задач, в том числе и операций с землей.

Образующиеся в пространстве социальных медиа связи между соседями, коллегами и партнерами затем переходят в иную плоскость, не ограничиваясь виртуальным пространством. Для аутсайдера, пренебрегшего этими сетями, стоимость переезда и проживания в пригородах многократно увеличивается, равно как и риски при заключении сделок. То же самое можно сказать и о местных органах власти, для которых сети являются практически единственной возможностью управлять подведомственной территорией.

В сетях, которые возникают и воспроизводятся на форумах, возникает подобие круговой поруки, когда каждый пользователь, предоставляющий информацию и тем самым претендующий на статус «опытного», «своего» в условиях пригорода, подвергается негласной коллективной цензуре со стороны остальных. Лицо, публикующее ложное сообщение или действующее в собственных корыстных интересах в ущерб тому, кто подает запрос, рискует подвергнуться остракизму и лишиться в дальнейшем привилегий, предоставляемых социальной сетью.

Эти привилегии во многом определяют статус пользователя, который может выражаться временем его пребывания на форуме, количе-

ством удачных сделок, совершенных при его посредничестве, отсутствием негативных отзывов о предоставляемых им услугах или информации. Человек, имеющий высокий статус, может рассчитывать на выгодные покупки и возможности заработка. Можно предположить, что репутация становится даже более ценным ресурсом, чем статус госслужащего, так как взимаемые им ренты могут напрямую зависеть от отношения к нему в сетях. В иных случаях попытки взимать ренту наталкиваются на организованное сопротивление.

Главным ресурсом жителя пригорода становится не земля, а кредит доверия и репутация в неформальных сетях. Рекомендация авторитетного человека может повлиять на заселение тех или иных участков. Несколько фраз, брошенных на крупной и хорошо посещаемой ветке, могут существенно изменить прибыль бизнесмена, участвующего в крупных сделках с землей. Отсутствие контроля со стороны государства, с одной стороны, повышает риски для всех, кто вынужден с ним контактировать, с другой стороны, стимулирует развитие все более обширных сетей, основанных на доверии и общности интересов.

Примечания

¹ В ссылках на электронные ресурсы на первом месте указано название тематического раздела использованного в статье веб-форума, затем номер цитируемого сообщения, в конце – дата его публикации. Номер сообщения не упоминается в том случае, если автор ссылается на раздел форума целиком).

Литература

- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. 2000. Т. 9, № 1. С. 52–68.
- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Экономическая социология, 2000. Т. 1, № 1. С. 13–24.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бляхер Л.Е.* Восточный поворот России. Возникновение и выживание естественного порядка в малых городах Дальнего Востока России. Иркутск: Оттиск, 2013. 111 с.
- Ван Дейк Т.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
- Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
- Григоричев К.В.* Пригородный фронт: формирование социального пространства городской периферии (случай Иркутска) // Вестник ТОГУ. 2013. № 2 (29). С. 275–280.
- Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н.* «Неназванное не существует»: пригород в дискурсе региональных СМИ // Вестник ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 282–300.
- Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
- Григоричев К.В.* Они есть, но их нет: «Китайские» теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137–153.

Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*, 1998. № 5. С. 75–88.

Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.

Веб-форумы

Байкальский тракт собирает соседей и друзей #781. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151589613-p40.html#post1180959643> (дата публикации: 18.04.2016).

Байкальский тракт собирает соседей и друзей #799. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151589613-p40.html#post1181322166> (дата публикации: 30.04.2016).

Байкальский тракт собирает соседей и друзей #222. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151589613-p12.html#post1140539741> (дата публикации: 09.06.2013).

В каком районе вы были бы готовы строить дом? URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1150981795.html> (дата публикации: 04.11.2007).

В каком районе вы были готовы бы строить дом? #964. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1150981795-p49.html#post1071017845> (дата публикации: 18.03.2009).

В каком месте купить землю для строительства дома #885. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1152198111-p45.html#post1175491774> (дата публикации: 06.11.2015).

Дела дачные #9703. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151539006-p486.html#post1182845651> (дата публикации: 30.06.2016).

Дела дачные #10235. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151539006-p512.html#post1183666567> (дата публикации: 04.08.2016).

Земельные участки! #8. URL: <http://portirkutsk.ru/forum/topic14136.html#p196105> (дата публикации: 30.05.2008).

Картошка! Читаем первый пост #5. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151452270.html#post1092520804> (дата публикации: 16.09.2010).

Материнский капитал и строительство. URL: <http://https@www.forumhouse.ru/threads/59717/page-81> (дата публикации: 30.03.2010).

Мой дом по мельничной пади #1390. URL: <http://38mama.ru/forum/index.php?topic=368662.msg14588732#msg14588732> (дата публикации: 03.08.2016).

Обитатели 7-8 км мельничной пади, объединяемся! #439. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151588886-p22.html#post1140910269> (дата публикации: 17.06.2013).

Поселок Еловый #737. URL: <http://38mama.ru/forum/index.php?topic=68419.msg11750564#msg11750564> (дата публикации: 27.10.2014).

Поселок Еловый 17 км. БТ. Левая сторона #507. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151904225-p26.html#post1172249030> (дата публикации: 29.07.2015).

Помогаем друг другу строить дом – делимся ссылками и контактами! #212. URL: <http://38mama.ru/forum/index.php?topic=81207.msg4561075#msg4561075> (дата публикации: 04.09.2011).

Светлый Яр – мнения #117. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151894554-p6.html#post1133449749> (дата публикации: 17.01.2013).

Светлый Яр – мнения #120. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151894554-p6.html#post1133451423> (дата публикации: 17.01.2013).

Светлый Яр – мнения #173. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151894554-p9.html#post1133782923> (дата публикации: 24.01.2013).

Строительство брусового дома 8x10 #6271. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151592113-p314.html#post1123049910> (дата публикации: 11.06.2012).

Хомутово и окрестности здесь! #8964. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151427931-p449.html#post1098662798> (дата публикации 25.01.2011).

Хомутово и окрестности здесь! #22499. URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151427931-p1125.html#post1106695990> (дата публикации 14.07.2011).

Хомутово и окрестности здесь! #27176. . URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151427931-p1359.html#post1109359802> (дата публикации: 15.09.2011).

Хомутово и окрестности здесь! #4577. . URL: <http://forums.drom.ru/irkutsk/t1151427931-p229.html#post1095867773> (дата публикации: 27.11.2010).

Статья поступила в редакцию 25 октября 2016 г.

Timoshkin Dmitriy O.

‘GIVE ME SOME COGNAC AND I’LL HELP YOU’: INFORMAL PRACTICES OF LAND USE IN THE SUBURBS OF IRKUTSK*

Abstract. The ever more populated suburbs of Irkutsk are a unique space in which state regulation tends to zero, and there come problems related to distribution of key resources and to the necessity to make communication predictable. In such a context, a great number of informal economic practices emerge that involve all of the suburban actors, including state bodies. The article presents informal practices of using land – as discussed on some web forums – as one of the key resources in the suburbs. It contains a list of actions that ignore contract law in terms of purchasing, selling, and using land in the suburbs, and of actors involved in these processes; it as well shows the role of social media in the reproduction of informal land use practices. The web forums are considered as one of the mechanisms of integrating people who resettle in the area of suburban ‘frontier’, in the local informal networks, and at the same time as a way of reducing risks in transactions. The article also gives examples of how state bodies get involved in the informal networks in relation to the ‘suburban’ land use and of related risks. It describes the mechanisms of group interaction in the context of weak formal regulation and illustrates the ways of resolving conflicts between local administrations and suburban dwellers. The shift in the interaction between ‘the state’ and individuals towards the informal leads to the administration itself – with no legal mechanisms at its disposal to receive rent and to control transactions otherwise – becoming integrated into the informal networks and trying to put these under control. This, in turn, enhances the unpredictability of such transactions for suburban dwellers who seek to reduce risks via building informal relationships with local administrations with the help of numerous mediators and through organizing groups for protection of their interests.

Keywords: social media, web forums, land use, suburbs, informal economy, networks, state

* The research is conducted within the fundamental part of the Russian Ministry of Education and Science state task (project, titled ‘Discursive mechanisms of construction of boundaries in the heterogeneous society of the Russian East’) and supported by the grant of Russian Foundation for Fundamental Research (project #16-06-00072, titled ‘The suburban informal economy: the socio-economic development of the suburbs of the Eastern Siberian city (the case of Irkutsk)’).

DOI: 10.17223/2312461X/15/10

References

- Barsukova S.Iu. Neformal'naia ekonomika i setevaia organizatsiia prostranstva v Rossii [Informal economy and network organization of spaces in Russia], *Mir Rossii*, 2000, Vol. 9, no. 1, pp. 52–68.
- Barsukova S.Iu. Neformal'naia ekonomika: prichiny razvitiia v zerkale mirovogo opyta [Informal economy: the reasons behind its development through the prism of practices worldwide], *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2000, Vol. 1, no. 1, pp. 13–24.
- Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: «Medium», 1995. 323 p.

- Bliakher L.E. *Vostochnyi povorot Rossii. Vozniknovenie i vyzhivanie estestvennogo poriadka v malykh gorodakh Dal'nego vostoka Rossii* [The Eastern turn of Russia. The emergence and survival of natural order in Russia's small Far Eastern towns]. Irkutsk: Ottisk, 2013. 111 p.
- Van Dijk T. *Diskurs i vlast'. Rerezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. The representation of dominance in language and communication]. Moscow: Librokom, 2013. 344 p.
- Granovetter M. Sila slabykh sviazei [The power of weak links], *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2009, Vol. 10, no. 4, pp. 31 – 50.
- Grigoriev K.V. Prigorodnyi frontir: formirovanie sotsial'nogo prostranstva gorodskoi periferii (sluchai Irkutsk) [The suburban frontier: formation of the social space of the urban periphery (the case of Irkutsk)], *Vestnik TOGU*, 2013, no. 2 (29), pp. 275-280.
- Grigoriev K.V., Pinigina Iu.N. «Nenazvannoe ne sushchestvuet»: prigorod v diskurse regional'nykh SMI [‘What does not have a name does not exist’: suburbs in the regional media discourse], *Vestnik IGU. Seriia «Politologiia. Religiovedenie»*, 2013, no. 2 (11), part 2, pp. 282-300.
- Grigoriev K.V. *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the shadow of a big city: the suburban social space]. Irkutsk: Ottisk, 2013. 248 p.
- Grigoriev K.V. Oni est', no ikh net: «Kitaiskie» teplitsy v prostranstve prigoroda [They are there but they do not exist: ‘Chinese’ greenhouses in the suburban space], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 4, pp. 137-153.
- Zamiatina N.Iu. Zona osvoeniia (frontir) i ee obraz v amerikanskoii i russkoi kul'turakh [The development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures], *Obshchestvennyie nauki i sovremennost'*, 1998, no. 5, pp. 75-88.
- Luhmann N. *Media kommunikatsii* [Media communication]. Moscow: Logos, 2005. 280 p.

УДК 331.556.4

DOI: 10.17223/2312461X/15/11

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТРУДОВОГО МИГРАНТА В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА)*

Ираида Владимировна Нам, Елена Михайловна Карагеоргий,
Александра Ивановна Ермолова, Евгения Витальевна Никитина

Аннотация. В основу статьи положены результаты контент-анализа информационных сообщений и фотоматериалов, размещенных в томских СМИ (в интернете и печатных периодических изданиях) с 1 января 2015 г. по 30 июня 2016 г., всего 180 публикаций. Анализ текстовой составляющей материалов СМИ выявил преимущественно нейтральную тональность описания мигрантов; источником информации для большинства публикаций были пресс-службы различных государственных органов, так или иначе занимающихся проблемами миграции. Большая часть сообщений по теме трудовой миграции приходится на март, август и сентябрь 2015 г. и апрель 2016 г. Основным информационным поводом таких сообщений являлись вопросы, связанные с обеспечением правопорядка, применением законодательства РФ. Мигранты выступали лишь в качестве объекта государственного регулирования, с которым связаны те или иные проблемные ситуации. Содержание фотоматериалов, сопровождающих текстовые сообщения о мигрантах, также в основном связано с деятельностью правоохранительных органов и правонарушениями. Оригинальные фотографии мигрантов встречаются редко. На фотографиях, где запечатлены мигранты, преобладают группы мужчин работоспособного возраста – выходцы из Средней Азии. Внимание читателя акцентируется не на индивидуальности этих людей, а на их принадлежности к определенной социальной группе. В результате складывается «обезличенный» образ трудового мигранта, лишенный индивидуальных черт. Как показывает наше исследование, человеческое измерение трудовой миграции не находит отражения ни в текстовой, ни в визуальной составляющей анализируемых публикаций.

Ключевые слова: миграция, образ трудового мигранта, СМИ, контент-анализ, Томск

Введение

Миграция – один из острых вопросов современности для многих государств. С одной стороны, это важный ресурс развития, поскольку трудовые мигранты вносят существенный вклад в развитие экономики современных обществ, с другой – миграция сопряжена с различными

---

* Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований № 14.В25.31.0009).

рисками прежде всего для самих мигрантов, а при определенных условиях может заключать в себе и значительный конфликтный потенциал. Взаимодействие между населением принимающей стороны и мигрантами во многом зависит от формируемых ими в отношении друг друга социальных представлений («образов»), характер которых задается в первую очередь настроениями принимающей стороны. При безоценочных и эмоционально нейтральных образах социальные взаимодействия между ними упрощаются и становятся предсказуемыми и бесконфликтными. И наоборот, если во взаимных представлениях присутствуют оценочные суждения, а в обобщенных образах друг друга – эмоционально насыщенные метафорические черты, то возможности бесконфликтного взаимодействия становятся проблематичными (Титов 2004).

Одним из важных инструментов конструирования социальных образов является пресса – индикатор и средство формирования общественного мнения. Российские исследователи, занимающиеся изучением миграции, сходятся во мнении, которое мы разделяем, что СМИ, как традиционные (печатные), так и электронные, являются мощным рычагом воздействия на восприятие трудовых мигрантов читательской аудиторией. Большинство из них приходят к выводу о том, что «образ» трудового мигранта, формируемый сегодня российскими масс-медиа, преимущественно отрицательный (Варганова 2015; Якимова 2015) вследствие его чрезмерной *эмоционализации* – однобокого, негативно окрашенного представления, а отношение россиян к миграции также в целом отрицательно в результате неполного, зачастую искаженного освещения этого явления и его значимости для страны (Титов 2004; Скребцова 2007: 117–118).

Российскими исследователями отмечается и такая характеристика мигрантов в дискурсе СМИ, как *обезличенность* их образа. Неодушевленное понятие «страна» (Россия) олицетворяется и выступает по отношению к трудовым мигрантам в роли «благодетеля», «кормящей мамы», в то время как мигранты, наоборот, обезличиваются, предстают в виде некой неодушевленной массы: миграционный поток / приток / отток, рабочая сила / руки, миграционный бум / взрыв (Скребцова 2007: 116; Трансграничные миграции 2009: 150), в которой трудового мигранта как человека просто не видно.

Самым распространенным приемом создания собирательного образа мигранта является введение в медиадискурс стереотипных представлений, метафор, приписывание определенных социальных ролей и статусов (Трансграничные миграции 2009: 153). Масс-медиа способствуют переводу неприятия мигрантов с бытовых стереотипных представлений на уровень внешне аргументированных обоснований поведения «ино-го», «другого», «чужого». Это формирует как оппозицию «мы – они» / «свои – чужие», так и соответствующие стереотипы в массовом созна-

нии, что приводит к увеличению социальной и культурной дистанции между мигрантами и принимающим обществом. Таким образом, СМИ не только отражают тот образ мигранта, который уже сложился в общественном мнении, но и активно его формируют (Титов 2004; Трансграничные миграции 2009: 145; Аблажей 2012: 18–19).

Еще одна характерная тенденция состоит в использовании журналистами при освещении мигрантской темы «языка вражды» – конфликтной этнической лексики («чурки», «узкоглазые») (Малькова 2016: 49–50), формирующей негативный образ трудового мигранта и тем самым провоцирующей межэтнические конфликты. Конфликтные стереотипы в основном создаются на просторах крупных федеральных российских СМИ, в других СМИ в меньшей степени прибегают к данной практике, за исключением раннего постсоветского периода, когда публикации такого характера появлялись и на региональном уровне (Малькова 2002: 98).

В общероссийском контексте ситуация со СМИ г. Томска представляет особый интерес в связи с близостью Томской области к Центральной Азии, одному из основных регионов международной миграции в Россию. Томская область – исторически сложившийся переселенческий регион, где и сегодня достаточно широко используется труд иностранных трудовых мигрантов. На материалах прессы Томска уже исследовался вопрос о том, насколько язык, стилистика и тональность региональных СМИ отражают общие тенденции в освещении миграционной проблематики, сформированные центральными масс-медиа. В 2001–2002 гг. в рамках проекта «Мониторинг проявлений национализма, ксенофобии и нетерпимости в России» региональными партнерами Международной Хельсинкской группы (МХГ) было проведено изучение местных СМИ за полугодие с 1 ноября 2001 г. по 1 апреля 2002 г. (Ковалышкина, Матулис, Нам 2002)¹. В 2008 г. был проведен контент-анализ томской прессы с целью выявления основных черт «образа» мигранта, формируемого на страницах томской прессы (Трансграничные миграции 2009: 144–153)².

Исследование³, лежащее в основе данной статьи, имело целью выявить образ мигранта и способы его конструирования в томских СМИ в период с 1 января 2015 г. по 30 июня 2016 г. как в интернете, так и в печатных периодических изданиях. Объектом анализа послужили статьи в региональных СМИ с широкой читательской аудиторией: Агентство новостей ТВ2, РИА Томск, информационные городские порталы vtomske.ru и tomsk.ru, газеты, в том числе электронные («Комсомольская правда – Томск» и «Томские новости»), имеющие собственные сайты и предоставляющие свободный доступ к своему новостному архиву. Единицами анализа стали информационные сообщения, затрагивающие тему трудовой миграции, индикаторами выбранной катего-

рии – «миграция», «мигрант», «иммигрант», «гастарбайтер», «приезжий», «неместный», «иностранец», «гость», «выходец», «нелегал», «чужой», «лицо кавказской национальности», «лицо неславянской внешности», «выходец из Средней Азии».

Матрица контент-анализа включала в себя разные переменные: *жанр статьи* (новость, интервью, репортаж, информационный комментарий), *информатор*, от чьего лица получаем информацию (эксперт, представитель власти, чиновник, сотрудник органов правопорядка, специалист, гражданин, мигрант, пресс-служба), *эмоциональная составляющая статьи*⁴ (ярко негативная, нейтральная, позитивная), *тематика статьи* (политика, власть, социальные институты; органы правопорядка, криминал, экономика, бизнес, трудоустройство, налоги; медицина, культура, религия, семья), *информационный повод* (реформы, центры помощи мигрантам; незаконный оборот наркотиков; обучение русскому языку; «резиновые квартиры», прописка, штрафы; нелегальное трудоустройство, депортация, уголовные правонарушения).

Переменные были направлены также на вычленение следующих характеристик мигрантов: *национальность, используемые синонимы для обозначения мигрантов*.

Особое внимание было уделено изучению фотоматериалов, сопровождающих статьи о мигрантах. Для анализа фотоматериалов использовались следующие переменные: *количество и размер иллюстрации, локация, поза, место, одежда, внешний вид, выражение лица, атрибуты*.

Всего контент-анализу подверглись 180 текстов, которые распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Число публикаций, посвящённых трудовой миграции

№	Название издания	Число публикаций
1	Агентство новостей ТВ2	21
2	РИА Томск	11
3	Городской портал vtomske.ru	41
4	Городской портал tomsk.ru	49
5	«Комсомольская правда – Томск» КП	13
6	Томские новости	45

Мы поставили следующие исследовательские вопросы: 1. С помощью каких приемов пресса формирует образ трудового мигранта? Какие выразительные средства (синонимы, эпитеты, сравнения) используются? 2. Каков контекст формирования образа? Какие проблемы, темы, информационные поводы лежат в основе публикаций о мигрантах? Как властные структуры позиционируют себя по отношению к трудовым мигрантам? 3. Создается ли визуальный образ трудового мигранта? И если да, то какой?

Анализ текстовых сообщений и результаты

Язык описания – важная составляющая любого информационного сообщения. То, с какой окраской или тональностью информация представлена читателю, будет формировать и дальнейший общественный дискурс. Из результатов анализа видно, что тональность 80% публикаций томских СМИ, посвященных трудовой миграции, является преимущественно нейтральной (табл. 2).

Таблица 2
Тональность публикаций, посвящённых трудовой миграции, %

№	Название издания	Позитив.	Негатив.	Нейтрал.
1	Агентство новостей ТВ2	14,3	0	85,7
2	РИА Томск	36,4	9	54,6
3	Городской портал vtomске.ru	14,6	9,8	75,6
4	Городской портал tomsk.ru	2	8,2	89,8
5	«Комсомольская правда – Томск» КП	0	38,4	61,6
6	Томские новости	17,8	0	82,2
Итого		13,9	6,1	80

Улучшение положения в освещении темы мигрантов в СМИ в регионе становится заметным при сравнительном анализе наших данных с теми, что были получены в ходе изучения томских СМИ региональными экспертами МХГ. Исследование 2001–2002 гг. выявило 50% публикаций, создающих негативные этнические образы, около 30% публикаций, содержащих доброжелательную информацию, и порядка 15% имеющих нейтральный характер (Ковалышкина, Матулис, Нам 2002: 76). Согласно нашим данным, уровень определенно негативных сообщений о мигрантах в городе Томске в 2015–2016 гг. лишь немного превысил 6% от общего числа публикаций.

Наблюдается также сдвиг в этническом составе мигрантов, упоминаемых в сообщениях. «Ранние» томские СМИ (2001–2002 гг.) пестрили информацией, представляющей в конфликтогенном ключе выходцев из Кавказа, Средней Азии и чеченцев, причем самыми многочисленными примерами подачи интолерантной информации являлось употребление этнонимов и их негативных производных (Ковалышкина, Матулис, Нам 2002: 78). В современных томских СМИ (2015–2016 гг.) в 44% всех публикаций этническая принадлежность мигрантов не обозначена вовсе, что можно рассматривать как еще один показатель нейтрального характера сообщений. В тех случаях, когда этноним в статьях употреблялся, чаще всего упоминалась этническая принадлежность «узбек», представители которой составляют сегодня основную группу мигрантов, приезжающих в Томскую область на заработки. Значительно реже встречаются этнонимы «таджик» и «киргиз» (подробнее распределение

групп мигрантов по этническому признаку, которые упоминаются в томских СМИ, можно увидеть на рис. 1).

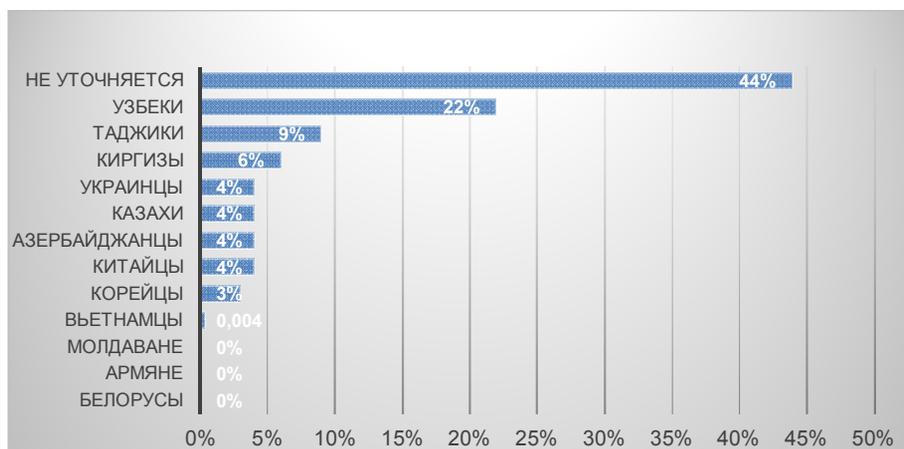

Рис. 1. Распределение упоминаний этнонимов в СМИ г. Томска

Можно предположить, что показатель 44%, не уточняющий национальность, объясняется тем, что основным источником информации для 53% публикаций СМИ выступили пресс-службы различных государственных органов, так или иначе занимающиеся вопросами миграции (рис. 2), которые в силу своего официального статуса не склонны к эмоционально окрашенной риторике и каким-либо оценочным суждениям.

Рис. 2. Источник информации для сообщений СМИ г. Томска

В контексте формирования образа трудового мигранта примечательно, что основным информационным поводом сообщений в рассматриваемый период являлись вопросы, связанные с обеспечением правопорядка, применением законодательства РФ, где мигранты выступали лишь в качестве объекта государственного регулирования, а не

как субъекты самостоятельной деятельности. Распределение показателей по каждому из проанализированных СМИ в этой связи представлено в табл. 3.

Таблица 3

**Информационный повод сообщений СМИ г. Томска,
посвящённых трудовой миграции, %**

№	Повод	Издание						Итого
		АН ТВ2	РИА Томск	ГП vtomske.ru	ГП tomsk.ru	КП	Томские новости	
1	Квоты	0	11,2	0	0	12,5	0	1,8
2	Реформы, законы	13,7	0	13,3	4,4	18,7	3	6,8
3	Органы власти и гос. управления	4,5	0	2,3	0	6,2	3	2,3
4	Центры помощи мигрантам	4,5	11,2	4,6	4,4	0	4,6	4,7
5	Выдача патентов	4,5	16,7	0	3	0	4,6	3,8
6	Незаконный оборот наркотиков	0	5,5	2,3	3	0	1,5	2,3
7	Сдача экзаменов, обучение языку	4,5	22,2	6,5	4,4	0	7,6	6,8
8	«Резиновые квартиры», прописка, штрафы	0	0	30,5	30,2	0	19,7	20
9	Нелегальное трудоустройство	4,5	5,5	4,6	7	0	3	5
10	Депортация, рейд, спецоперация	13,7	5,5	13,30	12	12,5	30,3	17
11	Налоги, движение финансовых потоков	4,5	0	0	0	0	0	0,4
12	Криминал, уголовные правонарушения	9	0	13,3	27,3	25	19,7	18,4
13	Соц. исследования, статистика	36,6	22,2	8,9	4,4	25	3	10,7

В анализируемых сообщениях преобладают темы, связанные с «резиновыми квартирами», пропиской и штрафами – 20%; криминалом, уголовными правонарушениями – 18%; депортацией, рейдами, специальными операциями – 17% (рис. 3). При этом подчеркнем, что язык описания в публикациях остается преимущественно нейтральным.

Важное отличие «ранних» томских СМИ от «нынешних», которое можно проследить в тематике сообщений, опираясь на вышеупомянутое обследование томских СМИ 2001–2002 гг., заключается в том, что российские масс-медиа в начале 2000-х гг. много писали о криминальных событиях (перестрелки, наркоторговля, кражи, обмен валют), которые являлись своего рода «отголоском» распада Советского Союза,

свидетельствовали о нестабильной и даже кризисной ситуации в обществе, а также о слабых позициях государства в деле поддержания правопорядка в тот период.

Рис. 3. Информационный повод сообщений СМИ г. Томска, посвящённых трудовой миграции

Актуальной тематикой сообщений того времени были военные действия в Чечне томских отрядов ОМОН и милиции. Эти публикации сказывались на восприятии жителей Чечни томичами, формируя негативный образ чеченца. Кроме того, широко распространены были «материалы о терроризме, который связывался с лицами, “похожими на выходцев из стран средневосточного региона”, и с приверженцами ислама» (Коваляш-кина, Матулис, Нам 2002: 78). В публикациях 2015–2016 гг. подобного рода сообщений обнаружено не было. Изменение содержания и тональности публикаций СМИ в регионе может объясняться различными факторами. Во-первых, общественно-политическая ситуация сегодня как в целом по России, так и в Томской области, выглядит более благополучной в связи с обеспечением общественной безопасности в стране. И хотя эти вопросы не утратили своей актуальности по сей день, миграция в регионе не рассматривается как прямая угроза безопасности и благополучию жителей. Во-вторых, заметно усилившееся присутствие государства во всех сферах общественной жизни не могло не затронуть и такую важную ее составляющую, как деятельность СМИ, которые сегодня придерживаются более нейтральной стилистики подачи материалов о миграции и мигрантах, опираясь в своих сообщениях главным образом на официальные источники и широко цитируя их.

Что касается годовой динамики сообщений томских СМИ о мигрантах в рассматриваемый период, то больше всего сообщений, касающихся

ся темы трудовой миграции, пришлось на первую половину 2016 г., а именно на апрель, а в 2015 г. – на март, август и сентябрь. Большой интерес к теме миграции в весенние и осенние месяцы связан с сезонным характером приезда и выезда мигрантов на заработки – соответственно до начала и в преддверии окончания «трудового сезона», длящегося, как правило, с весны по осень. Далее, проанализировав, какой информационный повод лежал в основе сообщений в указанные выше месяцы (табл. 4, рис. 4), мы пришли к выводу, что наиболее популярными в 2015 г. и первом полугодии 2016 г. были сообщения, связанные с правонарушениями (уголовные правонарушения, криминал, депортация, незаконная регистрация).

Таблица 4

Тематика сообщений СМИ г. Томска, посвящённых трудовой миграции

№	Тема	Издание						
		АН ТВ2	РИА Томск	ГП vtomske	ГП tomsk	КП	Томские Новости	Итого
1	Политика, власть, реформы, законы, гос. управление	38	36,5	19	16,4	39	14,5	22
2	Органы правопорядка, криминал, силовые структуры	14,3	27,3	65	61,2	23	71,4	55
3	Экономика, бизнес, коммерция, трудоустройство	23,8	9	5	8,2	0	6,1	8
4	Медицина, здравоохранение, безопасность, условия жизни	0	9	0	8,2	31	2	5
5	Культура, религия, семья, нравственность	19	0	5	2	8	4	5
6	Опросы общественного мнения	4,7	18,2	7	4	0	2	5

Интерес к мигрантам, возросший в марте 2015 г., связан с позитивным информационным поводом – открытием Единого миграционного центра в Томске⁵. Тон сообщений в СМИ об открытии центра имеет положительную окраску, событие описывается, как важное и необходимое, это подтверждают и слова заместителя губернатора В. Семенченко на открытии центра: «Единый миграционный центр в Томске – первый и яркий пример того, как можно и нужно создавать комфортные условия для трудовых мигрантов, прибывающих в Томскую область. Система позволит разгрузить отделения ФМС и избавиться от недобросовестных посредников, которые порой используют ино-

странную рабочую силу в целях наживы» (Единый миграционный центр 2015).

Рис. 4. Тематика сообщений СМИ г. Томска, посвящённых трудовой миграции

Обращает на себя внимание, что в центре внимания томских СМИ, как и раньше (Трансграничные миграции 2009: 148), находится взаимодействие мигрантов и государственных институтов, прежде всего правоохранительных органов (УФМС), и заметно снизилось число сообщений, касающихся экономической, социальной и культурной сфер.

Говоря об использовании языка описания мигрантов в СМИ г. Томска, отметим, что в проанализированных статьях сегодня используются преимущественно нейтральные термины: «иностранец / иностранный гражданин» – 30%, «гражданин другой страны» – 15% (рис. 5). Слово «нелегал» встречается лишь в 3% текстов сообщений. Эмоционально и негативно окрашенных лексем «чужак», «чурка», «нерусь» и т.п. найдено не было. Слово «мигрант» используется в 22% статей. Обозначение «гражданин» в публикациях (рис. 6) чаще соотносится с названиями современных центрально-азиатских государств: Узбекистан (37%), Таджикистан (16%), Казахстан и Киргизия. Такое распределение вполне соответствует национальному составу трудовых мигрантов в Томской области, где Узбекистан неизменно занимает первое место среди остальных стран происхождения трудовых мигрантов, за ним следуют Таджикистан, и Кыргызстан. Именно из этих трех среднеазиатских республик в Томскую область приезжает наибольшее число трудовых мигрантов.

Рис. 5. Синонимы, используемые для обозначения мигрантов в сообщениях СМИ г. Томска

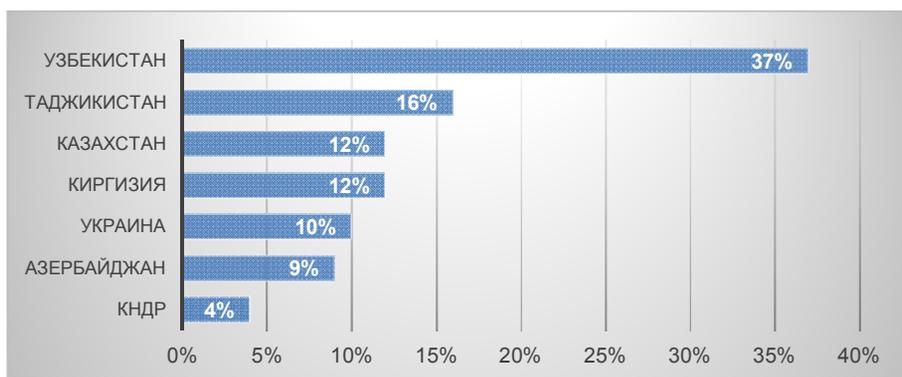

Рис. 6. Страны, упоминаемые СМИ г. Томска в связи с гражданством мигрантов

С точки зрения качественного анализа сообщений были рассмотрены такие параметры матрицы контент-анализа, как количество просмотров и комментариев к статьям о мигрантах. Количество просмотров и комментариев можно было отследить только в интернет-источниках: на городских порталах vtomske.ru и tomsk.ru. Здесь нами была замечена интересная деталь: показатели наибольшего числа просмотров и оставленных комментариев относятся к разным новостным сообщениям. Наибольшее число просмотров – 13 190 (2 комментария)⁶ – было зафиксировано в отношении статьи, размещенной на портале tomsk.ru под заголовком «С начала года из Томска выдворили почти 500 нелегальных мигрантов». Статья вышла 30 декабря 2015 г. и подводила итоги года по «выдворению» из города Томска мигрантов, уличенных в нарушении режима пребывания в стране. В ней приведена и статистика прошлых лет: «В 2013 году количество выдворенных

граждан равнялось 125. Рост в 2014–2015 годах во многом объясняется тем, что существенно увеличилась пропускная способность специализированного приемника для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства. Если ранее учреждение могло принять 15 человек одновременно, сейчас – 49» (С начала года 2015).

Второй по числу просмотров (10 450) (4 комментария) стала статья под заголовком «В Томске задержали мигранта, ограбившего студентов». В ней рассказывается о правонарушении, совершенном мигрантом из Азербайджана, и ущербе, который нанесли его действия: «Вооружившись предметом, похожим на нож, подозреваемый ворвался в квартиру и, угрожая расправой, похитил три ноутбука, четыре сотовых телефона, 200 долларов США, после чего скрылся с места преступления. Ущерб составил более 56 тысяч рублей».

Самыми комментируемыми статьями, однако, стали следующие: статья под заголовком «Томичу грозит тюрьма за фиктивную регистрацию мигрантов» (2 855 просмотров), под которой пользователи оставили 30 комментариев, и статья с похожей тематикой «Томичка зарегистрировала в своей квартире 57 нелегалов» (3 982 просмотра), которая собрала 27 комментариев. 29 комментариев пользователи оставили к статье «Томичей призывают быть толерантными, но бдительными к иностранцам» (7 136 просмотров); статья кратко рассказывает об обращении к жителям Томска и Томской области председателя регионального законодательного собрания Томской области Оксаны Козловской.

Отдельно стоит сказать о самих комментариях, содержание которых в рамках данного исследования детально не рассматривалось, но они, несомненно, заслуживают не менее пристального внимания ввиду эмоциональных, а зачастую и вовсе оскорбительных высказываний в адрес мигрантов. Приведем здесь лишь некоторые из них: «Узбек на ремонте квартиры за месяц получает от 30–40 тыс. (и это только черновая отделка). У меня, гражданина РФ, официально работающего, ЗП 15 тыс. Ненавижу чурок!!!»; «Весь строительный рынок заполнен этими приезжими!!! Задолбали все эти меньшие "братья", ведут себя уже по-хамски! Еще немного, и они будут решать, как нам жить в своей стране!!! Гнать надо! Турки и прочие всегда славились подлостью и гнильдю!».

Острее всего томичи реагировали на сообщения, тематика которых связана с незаконной регистрацией мигрантов по месту пребывания в РФ и уголовным преследованием жителей города и области в этой связи.

Анализ фотоматериалов и результаты

Вопрос о визуализации образа мигранта – еще одна исследовательская задача, разрешить которую помог анализ иллюстраций, размещен-

ных в статьях о мигрантах. Фотографии, наряду с заголовком и аннотацией, призваны заинтересовать читателя ознакомиться с полной версией статьи. И даже если он не прочтет статью, то именно фотоснимок воздействует на формирование образа мигранта (Шибанова 2014: 191).

В качестве иллюстраций к проанализированным публикациям, как правило, использовались фотографии⁷ (графики, диаграммы, карикатуры и рисунки здесь не встречаются). Одни и те же фотографии иногда используются для различных статей схожей тематики. Фотографии, размещаемые в интернет-источниках, очевидно, не производятся самими редакциями порталов, но активно заимствуются ими из других новостных ресурсов и друг у друга. Таким образом, прослеживается рутинная практика тиражирования в СМИ одних и тех же фотографий, в том числе с изображением людей, как, например, в случае с фотографиями 1 и 2. Это, вероятно, свидетельствует о том, что томские СМИ не могут или не хотят предлагать читателю более качественный, разнообразный визуальный контент, что, в свою очередь, усиливает вероятность формирования у местного населения ограниченного представления о проблематике миграции и установления определенного ряда ассоциаций.

Фото 1. Источник: vtomske.ru

Фото 2. Источник: vtomske.ru

Для анализа того, что изображено на фотографиях, условно было выделено 4 категории: 1) мигранты; 2) другие люди (не мигранты); 3) предметы, места, символы, атрибуты, связанные с мигрантами непосредственно либо в какой-то степени, и 4) смешанное содержание. Заметим, что фотографии самих мигрантов не так часто используются в анализируемых статьях. Если таковые случаи и встречаются, то, как правило, на фотографиях редко запечатлен один мигрант – чаще всего это три и более человек, что оставляет впечатление деперсонифицированности их образа. Так, при просмотре фотографии 3 кажется, что мигрантов в запечатленном здесь помещении много, вокруг них практиче-

ски нет свободного пространства (как говорят фотографы, мало «воздуха»), и они просто не умещаются в кадр.

Фото 3. «УФМС: с начала года из Томской области выдворили 158 нелегалов»
(Источник: tomsk.ru)

Фото 4. «Томича, прописывавшего у себя мигрантов, привлекут к ответственности»
(источник: vtomske.ru)

Кроме того, большинство мигрантов на изученных фотографиях изображены не в полный рост и даже не по грудь: чаще всего мы видим только голову и часть шеи либо туловище, но не запечатленное целиком (фото 5, 6).

В фокус фотографа чаще всего попадает не конкретный человек, а несколько людей, и, таким образом, внимание читателя акцентируется не на индивидуальности людей, но на их принадлежности к определенной социальной группе, что также хорошо видно на примере фотографии 7.

Фото 5. Мигранты смогут пройти обследование на ВИЧ и сифилис в едином центре
(источник: tomsk.ru)

Фото 6. Глава компании наказан за создание плохих условий жилья для мигрантов
(источник: tomsk.ru)

Фото 7. Трудовые мигранты стали чаще покидать Томск
(источник: tomsk.ru)

Если рассмотреть выражение лиц, положение головы мигрантов на фотографиях, можно отметить, что зачастую они или не смотрят в кадр

вовсе или смотрят исподлобья, что создает ощущение недоверия, закрытости, настороженности с их стороны. Так, например, губы оказываются сомкнуты (см. фото 2), зубы могут быть видны, но при этом улыбка на фотографиях, как правило, отсутствует (см. фото 4, 5).

Во многих случаях местонахождение мигрантов, которое видно на фотографиях, обнаруживает плохие условия проживания или пребывания (см. фото 3). Часто мигранты находятся просто на улице, вне каких-либо помещений. Зачастую они одеты в специальную или спортивную одежду, подходящую для физического труда, и запечатлены за работой. На отдельных фотографиях они – в обычной одежде и в помещении, где, по всей видимости, проходят обучение русскому языку.

Можно выделить явный гендерный перевес в сторону мужчин. Это соответствует действительному преобладанию мужчин в составе трудовых мигрантов в Томской области. Вследствие этого, полагаем, формируется устойчивая ментальная ассоциация: трудовой мигрант – это мужчина. Однако трудовую деятельность в регионе осуществляют и женщины-мигрантки. Там, где они все-таки оказываются в кадре, они запечатлены лишь на занятиях в учебных классах (фото 8). В целом же можно утверждать, что женская трудовая миграция в томских СМИ практически не представлена.

Фото 8. Тест на знание русского языка в ТУСУРе прошел соотый иностранец (источник: tomsk.ru)

Как уже отмечалось выше, изображения мигрантов на фотографиях не частое явление для томских СМИ. Среди изображений людей, не являющихся трудовыми мигрантами, встречаются представители власти, чиновники, сотрудники органов правопорядка, миграционной службы или Единого миграционного центра по Томской области.

Практически все эти люди изображены по пояс: это довольно пространственное представление портрета в репортажной съемке. Они чаще улыбаются (кроме фотографий, например, где запечатлены представители правоохранительных органов). Число людей на фотографиях,

то, чем они заняты и в какой обстановке находятся, в большей мере соотносится непосредственно с информационным поводом сообщений и содержанием статьи (фото 9–12).

Фото 9. Услуги для мигрантов должны быть дешевле (источник: Томские новости)

Фото 10. Число желающих работать в Томске мигрантов за год сократилось на 25% (источник: РИА Томск)

Фото 11. Томское УМВД: число преступлений с участием мигрантов снизилось на 8% (источник: РИА Томск)

Фото 12. Единый центр для мигрантов в день смогут посетить 400 человек (фото)
(источник: vtomske.ru)

Примечательно, что фотографии без изображения мигрантов и других людей чаще других сопровождают статьи, связанные с миграцией. В сообщениях о мигрантах размещаются фотоматериалы, содержание которых связано с деятельностью правоохранительных органов и правонарушениями, например, фотографии наручников, полицейской фуражки, погон, решетки, наркотиков, Уголовного Кодекса РФ, а также фотографии с изображением атрибутов государственных органов правопорядка, например, специальной формы сотрудников миграционной службы (УФМС, ныне не существующей)⁸ и службы судебных приставов, а также паспортов, документов и денег (фото 13–18). В ряде случаев запечатлены условия и элементы рабочего процесса и быта мигрантов, например, стройка, круглый лес, прилавок общепита, чемоданы, вещевые мешки, объявления о прописке (фото 19–22).

Фото 13. За фиктивную регистрацию мигрантов стрележчанке грозит три года
(источник: tomsk.ru)

Фото 14. Двух мигрантов из Таджикистана уличили в содержании наркопритона
(источник: tomsk.ru)

Фото 15. Приставы депортировали из Томской области 14 граждан Северной Кореи
(источник: tv2.tomsk.ru)

Фото 16. В Томской области снижается число преступлений с участием мигрантов
(источник: vtomske.ru)

Фото 17. Мигрант заплатит 90 тысяч штрафа за попытку дать взятку в три тысячи (источник: tomsk.ru)

Фото 18. Три года тюрьмы грозит пенсионерке за регистрацию пятерых мигрантов у себя дома (источник: vtomske.ru)

Фото 19. Кривошеинца накажут за привлечение мигрантов к постройке своего дома (Источник: tomsk.ru)

Фото 20. Томича накажут за фиктивную регистрацию 11 мигрантов (источник: tomsk.ru)

Фото 21. Китайские мигранты работали на пилораме и жили в котельной без душа и туалета (источники: tv2.tomsk.ru)

Фото 22. Приставы закрыли «узбечку» за нелегальную миграцию одной из сотрудниц (источник: tomsk.ru)

Люди, изображенные на фотографиях, которые непосредственно взаимодействуют с мигрантами, – это, как правило, представители органов правопорядка, сотрудники УФМС или Единого миграционного центра, преподаватели языковых и других курсов для мигрантов (фото 23–24). Складывается впечатление обособленности трудовых мигрантов, отсутствия у них каких бы то ни было контактов с местными жителями, что не соответствует действительности. Наши опросы⁹ показывают, что как минимум треть населения имеет в повседневной жизни регулярные контакты с трудовыми мигрантами (табл. 5), чего нельзя увидеть на фотографиях.

Фото 23. За пределы РФ из Томской области выдворено 12 граждан Китая (источник: tomsk.ru)

Фото 24. Иностранцы смогут сдать экзамен на знание русского языка и получить патент на работу в одном месте (источник: tv2.tomsk.ru)

Т а б л и ц а 5

Контакты жителей Томска с мигрантами в повседневной жизни, %

Дата опроса	Периодичность контактов				
	Ежедневно	Каждую неделю	Каждый месяц	Редко	Никогда
14 мая – 14 июня 2014 г.	11,0	8,5	7,0	53,0	18,5
Сентябрь 2015 г.	16,5	12,2	6,0	37,6	22,8

Взаимодействие с принимающей стороной происходит преимущественно в формате «представитель(-и) государственных органов – мигрант(-ы)»; как правило, оно связано с мероприятиями правоприменительного характера, например, с задержанием и депортацией иностранных граждан из страны, описывается с позиции принимающей стороны, реже – журналистов и никогда – от лица самих мигрантов или местного населения. Таким образом, мигрант выступает как объект государственного регулирования, с которым связаны те или иные проблемные ситуации.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы относительно образа мигранта, конструируемого томскими СМИ. В части анализа текстовых сообщений было выявлено, что язык описания и тональность публикаций, посвященных миграции и мигрантам в 2015 – первой половине 2016 г. оставались преимущественно нейтральными на фоне доминирования негативных информационных поводов. На фотоснимках, в случаях, где они сопровождают текстовые сообщения, трудовой мигрант предстает в качестве временного трудового ресурса. Это мужчина 25–40 лет, выходец из Средней Азии, реже с Кавказа, который чаще всего фигурирует в контексте правонарушений (миграционное законодательство, незаконный оборот наркотиков и др.), реже запечатлен во время обучения на курсах русского языка или оформления документов, связанных с трудоустройством, получением патента и т.п. Это человек среднего телосложения, достаточно крепкого для осуществления тяжелого физического труда, одетый в специальную или спортивную свободную одежду, пригодную для грязной работы, связанной со строительством, ремонтом помещений, уборкой территории. На фотографиях мигрант не изображается со своей семьей, женой, детьми – этот аспект жизни трудовых мигрантов, как и вопросы адаптации на новом месте, остается в СМИ неосвещенным. В публикациях присутствует презентация мигрантов через противопоставление «приезжий – местный». Среди характеристик изображений мигрантов, отмеченных в матрице контент-анализа при сборе данных, часто встречаются такие, как: напряженный, задумчивый, настороженный, недоверчивый, нейтральный, спокойный, сосредоточенный, напуганный, сердитый, реже – доброжелательный. В то время как другие люди, не мигранты, на фотографиях представляются читателю уверенными и открытыми.

В целом можно отметить, что ситуация с освещением темы миграции и мигрантов в СМИ г. Томска на общероссийском фоне, охарактеризованном нами во введении, представляется относительно благопо-

лучной и демонстрирует улучшение по сравнению с положением дел в Томской области пятнадцать лет назад. Вместе с тем был выявлен образ мигранта, не способный вызвать положительных эмоций или позитивной заинтересованности у читателей, а зачастую провоцирующий и вовсе отрицательную реакцию: он обезличен и размыт, не наделен индивидуальными личностными особенностями. Мигрант (-ы) представляе(-ю)тся скорее как некая проблема или раздражитель. Стоит отдельно отметить и значение того, как в СМИ формулируются заголовки информационных сообщений. Хотя в задачи данного исследования их рассмотрение не входило, но в ходе контент-анализа некоторые заголовки привлекли наше внимание тем, что содержали прямое указание на этническую принадлежность мигрантов в контексте какого-либо правонарушения (наркотогровля, драки). Отметим также, что хотя в текстах сообщений негативно окрашенной лексики нами не было выявлено, таковая в изобилии присутствует в комментариях к сообщениям. Создаваемый прессой образ трудового мигранта как «чужого», во всем отличающегося от «своих» (внешностью, поведением), не способствует нормализации взаимоотношений между гражданами России и трудовыми мигрантами, в привлечении которых экономика России, как это общепризнано, нуждается.

Сложившаяся практика освещения миграционной проблематики в СМИ, характеризующаяся отсутствием развернутого и разнообразного материала о мигрантах, жизни и деятельности этих людей на территории города и области на фоне использования изображений атрибутов органов правопорядка и кратких сообщений-сводок о тех или иных правонарушениях, на наш взгляд, способствует стереотипизации образа мигранта и создает тем самым потенциально конфликтогенную ситуацию. Человеческое измерение трудовой миграции, очевидно, отсутствует как в текстовой, так и в визуальной составляющих томских СМИ. На наш взгляд, важно пробудить в читателе понимание, что мигрант – прежде всего человек, а не безликая рабочая сила.

Примечания

¹ Были проанализированы материалы 8 газет («Томский вестник», «Томские новости», «Томская неделя», «Красное знамя», «Вечерний Томск», «Жизнь», «Русское раздолье»), проведена серия экспертных интервью со специалистами и представителями национально-культурных и религиозных объединений.

² Исследование проводилось в рамках сетевого межрегионального проекта «Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации» силами межрегиональных институтов общественной информации – Иркутского, Балтийского, Воронежского, Дальневосточного, Ростовского, Саратовского, Томского, Уральского. Контент-анализ томской прессы проводился на материале всех томских областных общественно-политических газет с тиражом более 15 тыс. экземпляров за период с января 2006 по август 2008 г. Массив выбранных текстов (от аналитических статей до заметок) составил 69 единиц.

³ В исследовании приняли участие И.В. Нам (руководитель), Д. Мамедова (разработка инструментария и программы, инструктаж), исполнители (С. Джанызакова, А. Ермолова, Е. Карагеоргий, Е. Лукьянова, О. Макиенко, Я. Мачкасова, А. Надреева, Е. Никитина, А. Садырин, Ф. Сметанин, А. Тихонова, И. Тюхтенов, Е. Чернякова, Р. Чертовских, О. Щепило).

⁴ Под эмоциональной составляющей статьи мы понимаем язык описания, формат подачи материала, тон используемых в тексте словосочетаний и предложений.

⁵ Масштабность и важность открытия миграционного центра подтверждает участие в этом событии представителей высшего руководства города и области – заместителя губернатора по вопросам безопасности Вячеслава Семенченко, мэра Томска Ивана Кляйна, заместителя генерального директора ФГУП «Паспортно-визовый сервис ФМС России» Дмитрия Кузнецова и руководителя регионального Управления ФМС Александра Романова. Центр оснащен передовыми технологиями (электронная очередь, система биометрической идентификации личности).

⁶ Данные приводятся на момент проведения контент-анализа. Показательно, что и в дальнейшем их количество не изменилось.

⁷ Лишь отдельные фотографии имеют автора – фото 1, 2, 4, 16, 18 (Д. Кандинский), фото 10, 11 (В. Доронин), фото 12 (М. Кузьмин).

⁸ Согласно Указу Президента РФ № 156 от 5.04.2016 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» Федеральная миграционная служба была официально присоединена к Министерству внутренних дел и перестала существовать в качестве отдельного ведомства.

⁹ Опросы проводились по методике Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) и Института этнологии и антропологии РАН.

Литература

- Аблажей Н.Н. Образ трудового мигранта в прессе и в массовом сознании россиян // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 6: Журналистика. С. 17–22.
- Варганова О.Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). С. 81–93.
- В Томске задержали мигранта, ограбившего студентов // Городской портал tomsk.ru. 20.02.2016. URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/111477> (дата обращения: 28.06.2016).
- Единый миграционный центр открылся в Томске // Томские новости. 18.03.2015. URL: <http://tomsk-novosti.ru/edinij-migratsionnyj-tsentr-otkrylsya-v-tomske/> (дата обращения: 28.06.2016).
- Ковалюшкина Е., Матулис Ю., Нам И. Национализм, ксенофобия и нетерпимость на страницах СМИ // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Отв. ред. Тишков В.А. Июль – август 2002. № 44. С. 76–81.
- Малькова В.К. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Мы – сограждане (СМИ и общество). М., 2002. 98 с.
- Малькова В.К. СМИ и современное полиэтничное общество // Антропология медиа: теория и практика. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 29–64.
- С начала года из Томска выдворили почти 500 нелегальных мигрантов // Городской портал tomsk.ru. 30.12.2015. URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/110003> (дата обращения: 28.06.2016).
- Скребецова Т.Г. Образ мигранта в российских СМИ. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3 (23). С. 115–118.

- Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/titov.pdf>. (дата обращения: 28.06.2016).
- Томицей призывают быть толерантными, но бдительными к иностранцам // Городской портал tomsk.ru. 26.11.2015. URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/108817> (дата обращения: 28.06.2016).
- Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
- Шибанова Н.А. Визуализация образа мигранта на страницах российских электронных СМИ // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 191–195.
- Якимова О.А. Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 3 (80). С. 123–136.

Статья поступила в редакцию 15.11.2016 г.

Nam Irina V., Karageorgii Elena M., Ermolova Aleksandra I., and Nikitina Evgeniya V.

THE IMAGE OF LABOUR MIGRANTS CONSTRUCTED BY THE MASS MEDIA: THE CASE OF TOMSK*

Abstract. The article discusses the results of content analysis of information and photo materials devoted to labour migration that had been published in the regional mass media of Tomsk both online and in printed periodicals from 1 January 2015 to 30 June 2016 – in total, 180 publications. The analysis of written texts presented in the media revealed a predominantly neutral tone of the description of migrants; most publications had drawn on information released by the press offices of different state bodies dealing with migration issues in one way or another. The largest number of publications had been produced in the months of March, August, and September of 2015, and in April 2016. These had been, for the most part, based on issues related to law enforcement and application of Russian legislation. Migrants were portrayed merely as an object of state regulation procedures and were associated with different problem situations. The photo materials which accompanied the texts about migrants as well were chiefly associated with activities of law enforcement bodies and with offences. Authentic photo materials of migrants were sparse. Migrants – in some of the pictures where they had been depicted – were groups of males of working age and of Central Asian origins, and the visual emphasis had been placed not on individual characteristics of these people but rather on their status as a particular social group. Thus, this research has shown that a ‘faceless’ image of labour migrants deprived of any agency is constructed, and the human dimension of labour migration is not present either in the texts or in the photographs contained in the mass media publications in the given period.

Keywords: migration, image of labour migrant, mass media, content analysis, Tomsk

* The research has been conducted under the project, titled ‘Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present’ (supported by the Russian Government grant # 14.B25.31.0009).

DOI: 10.17223/2312461X/15/12

References

- Ablazhei N.N. *Obraz trudovogo migranta v presse i v massovom soznanii rossiian* [The image of the labour migrant in the press and in the collective consciousness of the Russians], *Vestnik NGU. Ser. Istoriiia, filologiiia*, 2012, Vol. 11, Is. 6: Zhurnalistika, pp. 17–22.

- Varganova O.F. Obraz trudovogo migranta v federal'nykh i regional'nykh SMI (po rezul'tatam kontent-analiza) [The image of the labour migrant in the national and regional mass media (based on the content analysis results)], *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*, 2015, no. 3 (11), pp. 81–93.
- V Tomske zaderzhali migranta, ograbivshogo studentov [In Tomsk, a migrant who robbed a student has been detained], *Gorodskoi portal tomsk.ru*. 20.02.2016. Available at: <http://www.tomsk.ru/news/view/111477> (Accessed 28 June 2016)
- Gabdrakhmanova G.F. My – oni: otnoshenie k migrantam v respublike Tatarstan [We versus them: attitudes towards migrants in the Republic of Tatarstan], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, no. 2. Available at: http://www.isras.ru/socis_2008_2.html (Accessed 28 June 2016)
- Edinyi migratsionnyi tsentr otkrylsia v Tomske [A Single-Window Service Centre for Migrants opened in Tomsk], *Tomskie novosti*. 18.03.2015. Available at: <http://tomsk-novosti.ru/edinyi-migratsionnyj-tsentr-otkrylsya-v-tomsk/> (Accessed 28 June 2016)
- Kovaliashkina E., Matulis I., Nam I. Natsionalizm, ksenofobiia i neterpimost' na stranitsakh SMI [Nationalism, xenophobia, and intolerance in the mass media], *Bulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [The Bulletin of the Network for Ethnic Monitoring and Early Warning (EAWARN)]. Ed. by Tishkov V.A. July – August 2002, no. 44, pp. 76–81.
- Mal'kova V.K. Rossiiskaia pressa i problemy etnicheskoi tolerantnosti i konfliktnosti [The Russian press and problems of ethnic tolerance and conflict], *My – sograzhdane (SMI i obshchestvo)* [We are fellow citizens (the mass media and society)]. Moscow, 2002. 98 p.
- Mal'kova V.K. SMI i sovremennoe polietnichnoe obshchestvo [The mass media and modern polyethnic society], *Antropologija media: teoriia i praktika* [The anthropology of the mass media: theory and practice]. Moscow: IEA RAN, 2016, pp. 29–64.
- S nachala goda iz Tomska vydvorili pochti 500 nelegal'nykh migrantov [Since the beginning of the year, nearly 500 illegal migrants have been deported from the country], *Gorodskoi portal tomsk.ru*. 30.12.2015. Available at: <http://www.tomsk.ru/news/view/110003> (Accessed 28 June 2016).
- Skrebtsova T.G. *Obraz migranta v rossiiskikh SMI. Politicheskaja lingvistika* [The image of the migrant in the Russian mass media. Political linguistics]. Ekaterinburg, 2007, Is. 3 (23), pp. 115–118.
- Titov V.N. O formirovanii obraza etnicheskogo immigranta (analiz publikatsii pressy) [On the construction of an image of the ethnic immigrant (press publications analysis)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2003, no. 11. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/titov.pdf>. (Accessed 28 June 2016).
- Tomichei prizyvaiut byt' tolerantnymi, no bditel'nymi k inostrantsam [Tomsk residents are called to be tolerant but vigilant towards foreigners], *Gorodskoi portal tomsk.ru*. 26.11.2015. Available at: <http://www.tomsk.ru/news/view/108817> (Accessed 28 June 2016).
- Transgranichnye migratsii i prinimaiushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoi adaptatsii: monografiia* [Transnational migrants and the host society: the mechanisms and practices of mutual adaptation: a monograph]. Ed. by V.I. Dyatlov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. 396 p.
- Shibanova N.A. Vizualizatsiia obraza migranta na stranitsakh rossiiskikh elektronnykh SMI [The visualization of a migrant image in the Russian electronic mass media], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2014, no. 1, pp. 191–195.
- Iakimova O.A. Mediadiskurs inostrannoi migratsii v Rossii v kontekste konstruirovaniia mezhetnicheskogo vzaimodeistviia [The media-discourse around international migration in Russia in the context of construction of interethnic interaction], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2015, Vol. XVIII, no. 3 (80), pp. 123–136.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 301(082)

DOI: 10.17223/2312461X/15/12

Дятлов В.И., Григоричев К.В. (ред.)
Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи.
Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.
ISBN 978-5-9624-1321-1
(З. Шмыт)

Виктор Иннокентьевич Дятлов и Константин Вадимович Григоричев – опытный дуэт иркутских историков, научные интересы которых давно уже направлены в сторону социальной антропологии. Из-под их пера вышли десятки работ по торговым меньшинствам, трансграничным миграциям, диаспорам и урбанизации. Постсоветский рынок является узловой точкой, где встречаются все вышеуказанные социальные явления. В этом контексте *Этнические рынки в России* являются логическим продолжением научных интересов иркутских исследователей. Для достижения максимально широкой перспективы они вовлекли в исследовательский проект ученых, представляющих различные дисциплины (история, экономика, социология и антропология) и различные научные традиции (Россия, Германия, Япония, Польша).

Коллективным трудом пятнадцати человек создан весьма интересный сборник, в котором поставлена задача описать и переосмыслить сложный социоэкономический феномен этнических рынков на постсоциалистическом пространстве. Это научное произведение можно одновременно толковать как реквием уходящей базарной эпохе и как попытку отразить метаморфозы старых моделей и процесс формирования

нового этапа в развитии торгового пространства, маркированного как этническое. В соответствии с этой идеей статьи были сгруппированы в трех главах: (1) Рынки и исследователи; (2) Рынки и пространство; (3) Рынки и люди.

Для первой главы характерна интенсивная методологическая рефлексия. В.И. Дятлов прослеживает генезис постсоветского рынка исходя из советских «барахолок», но обращает внимание на качественные изменения, которые произошли между двумя этими моделями экономической активности. В 1990-х гг. рынки были включены в трансграничные сети и приобрели этнический оттенок, хотя скудная база источников не позволяет четко определить, были ли эти рынки на самом деле организованы по этническому принципу. В свою очередь И.О. Пешков занялся анализом научных традиций исследования рынков, концентрируясь на двух противоположных парадигмах: экономической и антропологической. Первая дисциплина разработала инструменты анализа «восточного рынка», основываясь на предположении об индивидуализме и рациональности экономических субъектов. В антропологии исследователи пытались с помощью рынка постичь символические универсумы партикулярной культуры – нормативную систему, определяющую диапазон действий и восприятий социальных акторов. Постсоветский рынок не является прямым продолжением «восточного базара», но старательно его имитирует, создавая пространство для ориентализации иммигрантов, формирования диаспор и новых габитусов. Здесь интересен, в частности, пример «базарного ислама», существенно отличающегося от прежних постсоветских этнических форм. В отдельной статье И.О. Пешков ставит вопрос о возможности применения так называемого «онтологического поворота» и акторно-сетевой теории для анализа рынка. Поворот к вещам связан с признанием за неодушевленными объектами статуса актанта, способного влиять на состояние сети, соединяющей людей, предметы, места и институты. С другой стороны, объектный поворот связан с отказом от априорного принятия на вооружение таких категорий, как «общество», «группа», «экономика» или «переходный период». Берлинский исследователь Г. Хьювельмейер проанализировала историю вьетнамских рынков в Германии. Она выдвигает гипотезу о социалистическом генезисе вьетнамского рыночного феномена, который стал возможным благодаря многолетним трансграничными неформальным экономическим практикам в рамках стран соцлагеря.

Глава вторая состоит из многоярусного, комплексного анализа этнических рынков города Иркутска. Дополнительно в главу *Рынки и пространство* вплетены, по принципу контрапункта, статья Я.С. Гузей, посвященная этнобрендингу «русского» рынка Ябаолу в Пекине, и работы В.М. Пешковой и Е.В. Дятловой об институте этнического кафе

на примере Москвы и Иркутска. К.В. Григоричев занялся вопросом трансформации городского пространства под воздействием человеческих и товарных потоков, генерируемых иркутским рынком «Шанхай». В.И. Дятлов описал амбивалентный статус этого ныне упраздненного «китайского» рынка в центре Иркутска. С одной стороны, рынок в переходный период был необходимым экономическим институтом, но с другой – муниципалитет изначально относился к нему как к временной, нежеланной мере, рассаднику безобразия и криминалитета. Это привело к ликвидации рынка, но его клоны были переведены на окраины города, где существуют в виде закрытых торговых центров. Д.Е. Брызгина, опираясь на иркутский материал, предприняла попытку определения этнического рынка как средоточия этнических акторов, товаров, инфраструктуры и визуальных репрезентаций. Н. Хорие и К.В. Григоричев в категориях Б. Латура сфокусировались на «пересборке» закрытости китайских рынков. Рынки, с одной стороны, изолируют торговых иммигрантов, а с другой – создают зону безопасности, в которой торговцы адаптируются к принимающему обществу. В Иркутске перемещение рынков на окраины города парадоксально усилило интеграционные процессы. Предприниматели были вынуждены легализовать свои фирмы, как и свой миграционный статус. В новых торговых комплексах работают не только граждане Китая и Кыргызстана, но и многие местные жители. Эти факторы способствуют выходу иммигрантов за привычные пределы этнического рынка.

Третья глава посвящена социоэкономическим практикам, применяемым на рынках Сибири и Дальнего Востока. Н.П. Рыжова и Т.Н. Журавская, отгалкиваясь от теории перформативности и акторно-сетевой теории М. Каллона, анализируют изменения идентичности жителей дальневосточного города в процессе осмысливания потребительских и торговых практик на примере китайцев, жителей г. Хайхэ, посещающих соседний Благовещенск. Журавская также попыталась ответить на вопрос о том, почему люди посещают китайские рынки. По ее мнению, рынки имеют узнаваемый бренд, благодаря чему воздействуют на клиентов на символическом уровне. Посетители убеждены в том, что рынок является местом, предоставляющим большой выбор товаров по низкой цене. При этом рынок становится местом производства социальной стратификации, поэтому многие люди не признаются в покупках здесь из-за соображений престижа. В свою очередь Ю.Н. Пинигина совместно с К.В. Григоричевым решили взглянуть на периферийный иркутский рынок «Маньчжурия» как на место, в котором происходит процесс ориентализации сибирских городов и включения их в конструируемое пространство «Востока». Изучая механизмы функционирования рыночной торговли в условиях неопределенности, К.М. Велецки описал последствия применения закона «О розничных рынках» на при-

мере рынка «Славянский» в Красноярске. Историческую ретроспективу для анализа проблемы создают в этой главе статьи Т.Н. Сорокиной и Е.И. Нестеровой. Т.Н. Сорокина анализирует политику приамурской администрации по отношению к китайским предпринимателям в конце XIX – начале XX в., ее попытку ограничить роль китайских подданных в рыночной торговле. Описаны также стратегии, используемые китайскими торговцами в этот период. Статья Е.И. Нестеровой посвящена истории рынков Владивостока этого времени. Созданные и управляемые русскими, они притягивали многочисленных китайских купцов, создавая этим самым условия для межкультурного синтеза.

Учитывая характер изучаемого объекта, книга представляет собой открытую формулу, в которой совмещаются различные аналитические подходы. Тем не менее здесь можно выделить некоторые широко используемые методологические постулаты. Одним из них является предложение акторно-сетевой теории и объектного сдвига в качестве новой исследовательской парадигмы. Многие авторы (И.О. Пешков, К.В. Григоричев, Н.П. Рыжов и Т.Н. Журавская) старались применить на практике этот изысканный теоретический аппарат. Такие смелые попытки переосмыслить исследуемое поле стоит рассматривать как шаг в правильном направлении. Учитывая, что рынки – это сеть, соединявшая товары, капитал, места, клиентов, поставщиков, продавцов и административный аппарат, новая теория кажется созданной именно для этого поля. В то же время следует признать, что в рамках данного сборника не получилось выработать когерентную методологическую позицию. Другое дело, что редакторы не ставили такой задачи, а жаль. Акторно-сетевая теория этнического рынка все еще ждет своих героев.

Следует высоко оценить тот факт, что большинство текстов основано на полевых исследованиях: наблюдениях и интервью с продавцами, клиентами, сотрудниками управления рынка и городской администрации. Введение, казалось бы, банальной темы – постсоветских рынков – в область научной рефлексии и укоренение ее в полевом материале вызывает уважение. Эмпирическая основательность, сосредоточенность на этнографических исследованиях – редкая добродетель в мире, в котором все еще преобладают постмодернистские тексты, укоренившиеся исключительно в собственной текстуальности.

Несмотря на некоторые естественные разногласия по отношению к истокам постсоветского рынка, авторы решили принять перспективу *longue durée* – от XIX в. до современности. При выборе текстов редакторы решили также не ограничиваться анализом лишь российских рынков. В результате читатель получает представление о торговых сетях, соединяющих рынки Китая, Вьетнама, России и Германии. В то же время упор на многоярусное изучение «китайских рынков» Иркутска дает комплексное представление об этнических рынках в целом. Соче-

тание макро- и микроанализа не позволило авторам скатиться к банальности и ограничиться все объясняющими эссенциализациями, такими как «переходный период», «гомо советикус» или «этническая культура».

Отдельно следует отметить языковую составляющую книги. Авторы не прячут свои мысли в тумане чрезмерно трудного научного жаргона, свойственного многим работам в данной области. Благодаря простому изложению сложных процессов *Этнические рынки в России* можно рекомендовать как профессиональным социологам, экономистам, так и простым обывателям, которые зададутся вопросом осмысления окружающей их реальности.

Ведь кто из нас не бывал на этническом рынке?

З. Шмыт

*Институт этнологии и культурной антропологии
Университета А. Мицкевича в Познани*

Рецензия поступила в редакцию 10 января 2017 г.

Szmyt Zbigniew, Adam Mickiewicz University, Poznan (Poland)

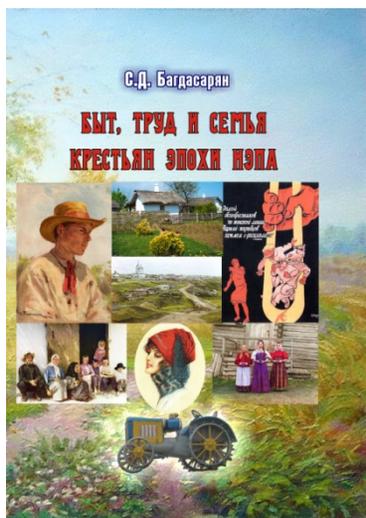
Review of Dyatlov V.I., Grigoriev K.V. (eds.) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: a bargaining space and a meeting point]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. 343 p. ISBN 978-5-9624-1321-1

DOI: 10.17223/2312461X/15/12

УДК 394

DOI: 10.17223/2312461X/15/13

Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / Отв. ред. А.П. Скорик; Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М.И. Платова. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с. ISBN 978-5-906758-77-4
(В.В. Кулачков)

История повседневности в настоящее время является одним из популярных направлений гуманитарного знания, поскольку это не только сравнительно новая область изучения прошлого, но и методика научного поиска. Изучение проблематики повседневности получило особое развитие в зарубежной историографии 60-х гг. XX в., в рамках которой повседневная жизнь рассматривалась как особый пространственно-временной период¹. В российской историографии становление тематики повседневности связывают с именами исследователей середины XIX – начала XX в. А. Терещенко, Н. Костомарова, И. Забелина и других, работы которых были посвящены описанию обычаев и обрядов русского народа.

Исчерпание позитивистских приемов исследовательской работы с источниками и дефицит новых концепций способствовали росту популярности истории повседневности в современной российской историографии. Многие современные отечественные исследователи (Л.П. Репина, Н.Б. Лебина, Н.Л. Пушкарева и др.) фокусируют свое внимание на изучении социальной истории и активно разрабатывают методологические аспекты истории повседневности. Автор рецензируемой работы С.Д. Багдасарян также принадлежит к тем российским ученым, чей исследовательский интерес находится в плоскости изучения повседневных практик поведения так называемых «простых» людей.

В монографии предпринимается попытка воссоздания фрагментов повседневности южно-российской деревни 1920-х гг. Уже из названия книги становится понятно, что автор главное внимание будет уделять изучению быта, труда и семьи крестьян нэповской эпохи. Фактически содержание работы значительно шире и свидетельствует о том, что повседневный быт рассматривается в контексте значимых событий, оказывающих влияние на ход истории. Обосновывая авторское понимание повседневности, Багдасарян отмечает, что «повседневность является тем особенным культурно-историческим ландшафтом, без которого невозможно понять крестьянскую душу, ноосферное пространство российской деревни» (с. 20).

В книге пять очерков. Первый из них «Пища и продовольственное потребление как элемент повседневности хлеборобов Юга России в эпоху нэпа» посвящен рассмотрению особенностей питания южно-российского крестьянства. Автор на основе анализа архивных и опубликованных материалов доказывает, что подавляющая масса крестьян испытывала дефицит продовольствия (с. 27). При рассмотрении ситуации с голодом начала 1920-х гг. Багдасарян не избегает щекотливых тем и пишет о случаях людоедства (с. 44–46). При этом упоминается традиционная для 1920-х гг. «ревность к городу», которая была вызвана объективной разницей в уровне жизни между горожанами и крестьянами. В итоге автор приходит к обоснованному выводу о том, что «...питание советского (южно-российского) крестьянства и казачества в эпоху нэпа оставалось достаточно традиционным...» (с. 66).

Второй очерк «Сельский костюм на Юге России в 1920-х гг.» позволяет читателю составить представление о тенденциях развития крестьянской одежды во время новой экономической политики. Автор придерживается мнения, что крестьянская одежда переживала переходный период своего развития, что было обусловлено восстановлением хозяйства в 1920-е гг. Багдасарян подтверждает непростые взаимоотношения города и деревни словами крестьян: «Что в городе бросают в помойную яму, то в деревне кладут в сундук» (с. 92). Изучение эволюции сельского костюма дает автору возможность вполне обоснованно, на мой взгляд, утверждать, что в рассматриваемый период наблюдалось сочетание дореволюционных традиций и советских новаций и последние все более усиливали свои позиции.

Следующий очерк «Жилье и домашний быт южно-российских крестьян в 1920-х гг.» дает возможность ознакомиться с основными параметрами сельского жилья. Автор подробно освещает новации, произошедшие в сфере индивидуального жилищного строительства, но приходит к выводу, что большинство крестьян по различным причинам оставались верны традициям в сфере домостроительства (с. 146). Одновременно играла свою роль и классовая политика советской власти,

нацеленная на поддержку беднейших слоев населения, почему зажиточные крестьяне и проявляли осторожность в плане домоустройства. Багдасарян обоснованно отмечает, что «крайне слабые изменения в области сельского домостроительства и домоводства представляли собой одно из убедительных свидетельств сохранения традиционного образа жизни крестьянства в 1920-х гг...» (с. 177).

В четвертом очерке «Повседневность труда в селах и станицах Юга России в 1920-х гг.» рассказывается о доминирующей роли земледельческого труда в жизни крестьянства. Минимальное распространение сельскохозяйственной техники приводило к тому, что крестьяне в большинстве своем трудились вручную, очень интенсивно и тяжело. Автор подробно описывает мероприятия советской власти, направленные на оптимизацию, рационализацию и интенсификацию крестьянского труда, и приходит к справедливому выводу о том, что изменения в сфере трудового быта были незначительными (с. 238).

И, наконец, последний очерк этой публикации «Семейно-брачные и сексуальные отношения в южно-российской деревне 1920-х гг.» представляет результаты изучения как уже известных фрагментов деревенской повседневности (семейно-брачные отношения), так и малоисследованных аспектов сельской жизни (сексуальные аспекты). В очерке показана постепенная смена большой крестьянской семьи малой, что было обусловлено экономическими причинами и способствовало росту разделов. Багдасарян придерживается мнения, что семейно-брачные новации советской власти получали поддержку прежде всего сельской молодежи. Участвовавшие разводы «...несли с собой неупорядоченные половые связи, изнасилования, аборт, венерические заболевания и т.п.» (с. 275). Однако автор считает, что несмотря на революционные изменения, в доколхозной деревне преобладали традиционные отношения (с. 304).

В заключении монографии (с. 305–311) сформулированы концептуальные выводы автора. Одним из главных выводов можно считать констатацию наличия фрагментарной модернизации быта, труда и семьи южно-российского крестьянства в рассматриваемый период, что было обусловлено невозможностью осуществления глубоких изменений в короткие сроки, независимо от типа режима. Автор прекрасно показывает, что эпоха нэпа не была «золотым веком» и усиление социальной поляризации деревни в определенной мере способствовало наступлению периода сплошной коллективизации.

Автор активно использовала этнографические и архивные материалы, художественную литературу, материалы целого ряда фондов центральных и региональных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, что в целом позволило ей реконструировать повседневность крестьянства. Монография снабжена таблицами, позво-

ляющими проследить изменения в уровне жизни южно-российских крестьян до революции и в 1920-е гг.

Как в любых больших работах, в рецензируемой книге имеются отдельные сюжеты, которые, на мой взгляд, заслуживали бы большего внимания. К их числу относятся внутренний мир крестьян, влияние социокультурных факторов (см.: Кулачков 2014) на сферу повседневной сельской жизни, анализ динамики так называемой «структуры повседневности» на протяжении эпохи нэпа. Однако в целом работа оставляет позитивное впечатление.

Работа С.Д. Багдасарян вносит значительный вклад в изучение истории повседневности как российского крестьянства в целом, так и сельских жителей Юга России в частности. Думаю, что книга может быть полезна не только специалистам, но и всем, кто интересуется историей села эпохи нэпа.

В.В. Кулачков
*Брянский государственный
инженерно-технологический университет*

Примечания

¹ Историографический обзор литературы по теме см.: Лелеко 2002: 4–16.

Литература

Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск, 2014.
Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002.

Рецензия поступила в редакцию 30 сентября 2016 г.

Kulachkov V.V., Bryansk State Engineering and Technology University
Review of **Bagdasarian S.D. Byt, trud i sem'ia krest'ian epokhi nepa: istoricheskaia povsednevnost' iuzhno-rossiiskoi derevni v 1920-e gody: monografiia** [The peasant way of life, labour, and families in the course of the implementation of New Economic Policy (NEP): the everyday life in South Russian villages in the 1920s: a monograph]. Ed. by A.P. Skorik. Iuzh.-Ros.gos.politekhn.un-t (NPI) im. M.I. Platova. Novocherkassk: Lik, 2015. 312 p. ISBN 978-5-906758-77-4

DOI: 10.17223/2312461X/15/13

References

Kulachkov V.V. Krest'ianstvo Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sotsiokul'turnye izmeneniia) [Peasants in the Western region of Russia in the 1920s (socio-cultural dimensions)]. Bryansk, 2014.
Leleko V.D. Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture [The everyday life in European culture]. St. Petersburg, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БРЯЗГИНА Диана Евгеньевна – студентка, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

E-mail: br.diana21@gmail.com

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович – доктор социологических наук, начальник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

E-mail: grigoritchev@yandex.ru

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

ЕРМОЛОВА Александра Ивановна – магистрант, исторический факультет, Томский государственный университет, г. Томск, Россия.

E-mail: mery-05@mail.ru

ИГНАТЬЕВ Роман Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: roman.ignatiev@gmail.com

КАРАГЕОРГИЙ Елена Михайловна – младший научный сотрудник, лаборатория социально-антропологических исследований; магистрант, исторический факультет, Томский государственный университет, г. Томск, Россия.

E-mail: karageorgiy-elena@ya.ru

КОЖАНОВСКИЙ Александр Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва (Россия)

E-mail: ankozhan49@yandex.ru

КУЛАЧКОВ Вадим Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и социологии, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Россия.

E-mail: vad2517@yandex.ru

КУЧЕРОВА Ирина Алексеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: ikucherova@gmail.com

НАМ Ирина Владимировна – доктор исторических наук, заведующая Лабораторией социально-антропологических исследований, профессор кафедры современной отечественной истории, Томский государственный университет, г. Томск, Россия.

E-mail: namirina@bk.ru

НИКИТИНА Евгения Витальевна – магистрант, исторический факультет, Томский государственный университет, г. Томск, Россия.

E-mail: eugene7243@yandex.ru

ТАМКЕ МАТИН – профессор экуменической теологии и истории Восточных церквей и миссий, теологический факультет, Геттингенский университет имени Георга-Августа, г. Геттинген, Германия.

E-mail: martin.tamcke@theologie.uni-goettingen.de

ТИМОШКИН Дмитрий Олегович – кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

E-mail: dmtrtim@gmail.com

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; главный научный сотрудник Томского государственного университета, г. Томск, Россия.

Email: d_funk@iea.ras.ru

ХОЛЛЕР Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Вена, Австрия.

E-mail: ekaterina.holler@gmail.com

ШМЫТ Збигнев – доктор философии (антропология), адъюнкт-профессор, Институт этнологии и культурной антропологии, Университет имени Адама Мицкевича, г. Познань, Польша.

E-mail: badmajav@gmx.com

ABOUT THE AUTHORS

BRYAZGINA Diana Evgenievna – Student, Department of History, Irkutsk State University, Irkutsk (Russia).

E-mail: br.diana21@gmail.com

DYATLOV Viktor Innokentievich – Dr.Sc. (History), Professor, Irkutsk State University, Irkutsk (Russia).

E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

ERMOLOVA Aleksandra Ivanovna – Master Student, Department of History, Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: mery-05@mail.ru

FUNK Dmitriy Anatolievich – Dr.Sc. (History), Professor, Chair, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia); Chief Research Fellow, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).

Email: d_funk@iea.ras.ru

GRIGORICHEV Konstantin Vadimovich – Dr.Sc. (Sociology), Head of Science and Research Division, Irkutsk State University, Irkutsk (Russia).

E-mail: grigoritchev@yandex.ru

HOLLER Ekaterina Viktorovna – Cand.Sc. (History), Independent Researcher, Vienna (Austria).

E-mail: ekaterina.holler@gmail.com

IGNATIEV Roman Nikolaevich – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow (Russia).

E-mail: roman.ignatiev@gmail.com

KARAGEORGII Elena Mikhailovna – Junior Research Fellow, Laboratory for Social and Anthropological Research; Master Student, Department of History, Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: karageorgiy-elena@ya.ru

KOZHANOVSKIY Aleksandr Nikolaevich – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow (Russia).

E-mail: ankozhan49@yandex.ru

KUCHEROVA Irina Alekseevna – Junior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow (Russia).

E-mail: ikucherova@gmail.com

KULACHKOV Vadim Vitalievich – Cand.Sc. (History), Associate Professor, Department of Philosophy, History, and Sociology, Bryansk State Engineering and Technology University, Bryansk (Russia).

E-mail: vad2517@yandex.ru

NAM Irina Vladimirovna – Dr.Sc. (History), Head of Laboratory for Social and Anthropological Research, Professor, Department of Russian History, Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

NIKITINA Evgeniya Vitalievna – Master Student, Department of History, Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: eugene7243@yandex.ru

SZMYT Zbigniew – Dr., PhD (anthropology), Adjunct at Institute of Ethnology and Cultural Anthropology, Adam Mickiewicz University, Poznan (Poland).

E-mail: badmajav@gmx.com

TAMCKE MARTIN – Prof. Dr. Dr. h.c., Professor of Ecumenical Theology and Oriental Church and Mission History, Department of Theology, Georg-August-Universität, Göttingen (Germany).

E-mail: martin.tamcke@theologie.uni-goettingen.de

TIMOSHKIN Dmitriy Olegovich – Cand.Sc. (Sociology), Research Fellow, Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University, Irkutsk (Russia).

E-mail: dmtrim@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only*. *The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpyaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:
shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

Научный журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2017. № 1

Редакторы: К.Г. Шилько, Ю.П. Готфрид, Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 25.03.2017 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,7. Гарнитура Times.
Тираж 250 экз. Заказ № 2465. Цена свободная.

Дата выхода в свет 4.04.2017 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–53-15-28, 52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru